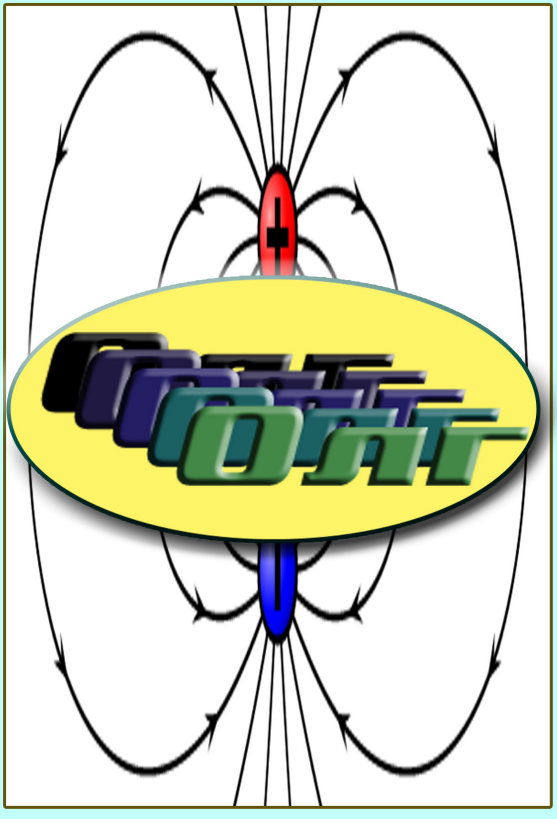
С добрыми пожеланиями

Вл. Вульф

Владимир Вульф

Путешествие через века, или анатомия русской души

Владимир Вульф

Олг

Путешествие через века,
или анатомия русской души

Copyright 2021 Владимир Вульф

I

Засыпали под мамину песенку. Собственно, это была даже не песенка, а песенка-сказка, мама и пела, и рассказывала. Слева от Олега лежала младшая сестренка, Настенька, она только-только училась говорить. Дочку назвали нездешним именем по совету проходящего через деревню чужеземца с красивым крестом на груди. Справа – старший братик, Слава, его уже допускали помогать родителям. Мама нежно гладила их головки и пела про прекрасную царевну в прекрасной стране.

Проснулся от того, что брат пощекотал его. Настенька еще спала. В избе было уже светло. Мама что-то делала у стола. Первым соскочил на пол братик, за ним – Олег. Шкура, которой были накрыты все трое, свалилась на пол. И запахло стыдным. Настенька еще не умела проситься и снова спала вся в коричневом: ножки и попка, и даже ручки.

Мама сразу все поняла и, даже не посмотрев на детей, велела братику Настеньку вымыть. А потом – высечь.

Это было ответственное поручение. В первый раз. Раньше мама секла их только сама. Секла за всё: за то, что не слушались, за это особенно больно, что шалили, что плохо делали то, что она велела – за всё. Кадушка в углу всегда полна мокнущими розгами – березовыми и ивовыми.

Братик стянул еще спящую Настеньку на пол и понес во двор – умывать. Олег побежал за ними.

Во дворе всё залито солнцем. Листья на березах только недавно распустились, еще клейкие. У плетня сидит отец и что-то режет своими ножиками.

Слава стал черпать ковшиком из деревянного корыта воду и поливать сначала настенькину попку, пока она не превратилась из коричневой в розовую, потом ножки и

ручки. От воды Настенька проснулась, обхватила ручками братикову шею и принялась целовать. Потом сказала "пи" и пустила желтую струйку. Прямо на ноги Славе и себе. Снова Славе пришлось мыть. И Настеньку, и себя.

Наконец, с умыванием покончено. Слава ведет Настеньку к лавке. Бежит к кадушке. Выбирает розгу подлиннее и обратно к Настеньке. Приказывает ей лечь на живот. Но Настенька не хочет ложиться. Тогда братик уложил ее на животик сам и взял розгу. Настенька заплакала, но сразу же вскочила с лавки и побежала к маме.

Слава побежал за ней, а заодно и спросить у мамы разрешения, чтобы Олег помог ему держать Настеньку. Мама разрешила. Слава снова ведет Настю к лавке и приказывает Олегу помогать. Братья укладывают Настеньку животом вниз, и Олег наваливается всем телом на Настенькины плечики. Слава берет розгу и опускает ее на попку ревущей Настеньки.

Но ручки у Славы совсем слабые. И на попке остается только чуть заметная розовая полоска. Слава снова замахивается и длинным концом гибкой розги бьет по ногам самого себя. Через собственную голову пытается хлестнуть Настенькину попку, но сейчас длинная часть розги хлещет лавку и пол за лавкой. А на попу поподает только толстый конец рядом с местом, за которое держит Слава. Снова чуть заметная полоска. И в третий раз – то же самое. Правда, Настенька визжит во весь голос и крутит попкой и ножками. Но полоски совсем незаметные. Не те, какие получаются у мамы. Слава начинает плакать сам.

Наконец, мама подняла голову. Увидела Настенькину попу. Пошла к лавке. Отругала Славу: парню шестой год, а не может высечь сестренку! Взяла братикову розгу. Отломила толстый конец. Погладила шершавой рукой безобразно высеченную попку. Настенька перестала плакать и что-то залепетала. Но мама не

слушала. Левой рукой прижала к лавке Настенькину спинку. Вжик. Багрово-красная полоса прорезала попку. Вжик – вторая багровая полоса пересекла верхнюю, самую нежную часть ножек. От настенькиного визга братья заткнули уши. Надо проситься – внушает мама Настеньке. Еще вжик. Всё.

Мама спустила Настеньку на пол и отдала Олегу. Одевать.

Теперь очередь горе-помощника. Славе ничего говорить не надо – не сделал как надо, скорей подставляй попу. Слава бежит к кадушке и приносит розгу для себя, потолще. Подает ее маме. Целует мамину руку. Быстро задирает рубашку и ложится на лавку. Для порядка плачет и просит прощения: знает, что порки не избежать, но "вжиков" может быть меньше.

Долго возиться с детьми у мамы времени нет: вжик, вжик, вжик... Поверх позавчерашних, оставшихся от порки за расплесканную воду, синих полосок попа братика украсилась свежими, бордово-красными. Всё. Вставай, помощник. Слава всхлипывает, шмыгает носом, говорит маме спасибо и снова целует руку. Но теперь он целует еще и розгу. Опять ему спать на животе. Хотя на спине всем троим поспать удается редко. Только самый младший, еще не умеющий ходить брат спит в своей люльке на спине.

После еды братья снова идут на двор. Отец все еще занят своим обычным делом – режет из липы посуду: миски, чашки, ложки. Он что-то напевает. Братик убежал на улицу, а Олег зачарованно смотрит на работу отца. Вот бы самому! Но Олег знает, что бывает, если взять отцовские инструменты без спроса. Куда хуже, чем мамино вжик-вжик, неделю не сядешь...

Прошло двенадцать лет. Солнечный день в конце мая. Излучина сверкающей реки, луг, за лугом лес. В молодой траве желтые одуванчики. Пчелы жужжат, птицы поют. Красота, теплота...

Олег сидит, поджав ноги, и режет игрушку – петуха для младших братьев, теперь их у него пятеро, было больше, но трое умерли. Петух получается как настоящий.

У Олега сладко сосет под ложечкой, он вспоминает вчерашнюю ночь.

Молодежь затеяла игры: полночи бегали голыми, водили хороводы, танцевали, пели, хлестались ветками и крапивой. Весело было! Сосед Сева, на год моложе Олега, сначала отхлестал крапивой сестру Настеньку, а потом стал примеряться к Лане. Пока Сева ее хлестал, выросшая Настенька была очень довольной, хохотала, сама сорвала березовую ветку и хлопала ею Севу по животу и коленям. Потом, когда Сева занялся Ланой, погрустнела. Но Олег быстро отогнал Севу от Лану, ему самому хотелось обжечь Лане попу крапивой.

Лана – красивая девочка с карими глазами и длинной, ниже пояса русой косой, подружка Насти, на год младше – живет в двух домах по соседству. Как и Настя, она уже взрослая: грудки у нее даже больше, чем у Насти, и раз в месяц из пуси течет кровь. Олег сам видел, как из-под края сарафана однажды выглянули красные ступни. Можно замуж.

Когда поднялась луна, Олег и Лана убежали от веселой компании в лес подальше. Они стоят друг напротив друга, Лана на полголовы ниже Олега, и тяжело дышат. Исхлестанные тела обоих горят. И от чего-то горят щеки. Обоим хочется. И оба не знают – как. Дик у Олега, с которым он уже год как пристрастился играть, оттягивая и натягивая кожицу, пока тот не брызнет белым, задрался и смотрит повыше Ланиного пупка. Так он часто задирается у Олега и без Лану. Лана робко протягивает к дику руку и вдруг хватает его и прижимается к Олегу животом. Дик, стоило Лане до него дотронуться, взорвался и брызнул так, что белое долетело до Ланиного подбородка и теперь стекает по высокой шее, между грудок, по

животу и вниз по ногам. Лана хохочет. Олег чувствует, как дик опускается и виснет на своем обычном месте. Но ненадолго. Через несколько минут он снова упирается Лане в живот.

Олег крепко обнимает Лану и валит на спину. Придавливает тесно сведенные Ланины ноги своими ногами к ковру из сосновых иголок и ложится сверху. Руки Ланы обвились вокруг шеи Олега и судорожно сжались. Губы впились в губы Олега. А дику некуда деваться. Только тереться заголившейся головкой о Ланин живот. Олег шепчет – раздвинь ноги. Лана разводит ноги. Так, чтобы дик мог протиснуться между ними. Но дику надо дальше. А дальше не получается. Лана разводит ноги пошире. Олег помогает дику руками. Все равно не получается. Не входит! Тут дик снова взрывается и начинает обмякать. Но опять ненадолго. Через несколько минут сжатый Ланиными ногами и покрытый чем-то, что течет у Ланы из пуси, снова твердый дик опять смотрит в землю. Но ему-то надо не в землю! А внутрь не получается. И снова взрыв белого. Теперь – на складки Ланиной попы и выступающий из земли корень сосны под ними. И снова дик мягкий. И снова твердый. Лана вертится внизу, но ничем не может помочь...

Наконец, Олег и Лана поднялись и побрели к деревне. Они не могут оторваться друг от друга, но пора – утро. Прощаясь, они договариваются встретиться завтра днем на лугу, сегодня Лану не пустят – много работы.

Дома Слава, старший брат, наказывает Настю. Настины руки привязаны к высокому столбу так, что она может стоять только на цыпочках. Из пуси по ногам Насти течет красное. Брат старается вовсю. Попа Насти вся синяя и кое-где уже кровит. Мать кричит Славе, чтоб не жалел подлую. А Слава и не жалеет. Олег понимает, что то же ждет и Лану и слёзы накатываются

ему на глаза. Но быстро высыхают: а как же иначе – девочек нужно учить.

Слава на два года старше, но он еще не женился. Не хочет, говорит, успеет. Ему так свободней. Про женщин он знает всё: уже три года, как начал. Были и молодые и старые, но пока обходилось: секут его не чаще, чем сверстников.

К Славе Олег и пристал: выманил вечером на улицу и стал расспрашивать. Стыдно немного было, но пришлось славины ухмылки перетерпеть. Слава рассказал всё самым подробным образом. Посмеялся, правда, над младшим братом, но рассказал.

И вот теперь Олег не может дождаться. Ни солнце ему не в радость, ни весенний день. Наконец, показался сарафан Ланы. Она бежит со всех ног. Олег хватает Лану за руку и тянет к лесу.

Наконец, вот он, лес. Теперь надо убежать подальше. Чтобы никто не помешал. Наконец, укромное место найдено. Заросшая мхом, как будто специально для них, крошечная полянка. Вокруг три березки, а между ними – густые кусты. Солнце стоит высоко. Воздух совсем не движется. Пчелы жужжат. И птица какая-то поет.

Олег и Лана стоят друг напротив друга и держатся за руки. Ни он, ни она не решаются начать. Но это только полминуты. Затем они бросаются друг на друга, как звери. Рубашка и сарафан сорваны, и Олег впивается губами в Ланину шею. На шее остается синее пятно. Лана хватает дика, твердого, как сучок дерева, руками и сама падает на спину. И сразу же чувствует, что спину кто-то укусил.

Сейчас Олег уже не ложится на Лану. Он высоко, так, чтобы коленки касались плеч, поднимает Лане ноги. И видит следы недавней порки: попа и верх нежных ножек Ланы – всё в синеватых, уже почти заживших полосках, следах розги. Значит, вчера обошлось без порки – странно.

Теперь Ланина пуся приоткрыта и выставлена наружу. Она вся мокрая. Олег становится на колени, вставляет головку дика между губок пуси и надавливает. Не получается. Лана от боли прикусила нижнюю губу, но пусю не отстраняет. Наоборот – сама руками прижимает коленки к плечам и вся выворачивается, чтобы только помочь Олегу. Олег резко надавливает еще раз. И будто что-то лопнуло. Лана взвизгивает, и дик уходит внутрь.

Олег вытаскивает дик, он весь в крови. Брат так и рассказывал. Снова вставляет головку между губок, и теперь пуся будто сама всасывает дик. Лана притягивает Олега за шею, он падает на нее, подсовывает ладони под попу, и скользит диком по пусе: вверх-вниз. Через минуту дик лопается и заливает пусю белым. Олег вынимает дик и ложится рядом. Теперь муравьи кусают и его.

Через десять минут всё повторяется. Еще через десять – снова. Пуся у Ланы горит и болит. Сама Лана вся искусана. Но ей хочется еще и еще. Олег искусан не меньше, но не может оторваться от Ланы. Они пробуют и так, и этак. Олег то ставит Лану на четвереньки, то сажает на себя, то целует пусю, то засовывает дик Лане в рот, то пытается проткнуть диком Ланину попу. Но это не получается – попа Ланы сжата. Пуся горит огнем, чешется, болит, но всё это ерунда: Лана хочет Олега всё больше и больше.

Солнце садится. Надо идти домой. У ворот дома Ланы ее ждет мать. У ворот дома Олега – его отец. Оба целый день проболтались где-то вместо того, чтобы работать.

Через полчаса на спине, попе и ногах Олега нет живого места – красно-синее месиво. Три сломанные отцом ивовые палки тоже красные от крови. Такая же красная плетка ланиной мамы.

Но все же счастье: отец согласен женить Олега.

Дальше всё происходит быстро. О свадьбе родители договорились на следующий день. А еще через день к родителям Олега пришли севины родители – просить выдать Настю за Севу. Через три дня сыграли две свадьбы разом. Счастливая Настя ушла в дом к родителям Севы. А Лана пришла жить к Олегу. Им даже занавесили угол. Но лес молодоженам нравится больше. Каждый день после работы они убегают туда и приходят только под утро, когда все встают.

Прошло две недели. Возвращаясь вечером домой, Олег видит, что так же, как раньше Настю, брат Слава наказывает теперь Лану – толстым ивовым прутом по попе. Едва успевшей зажить после последней материнской порки. Лана старается не кричать, только взвизгивает. Отец и мать стоят рядом и командуют – хлеще! Увидев Олега, Лана посмотрела на него такими круглыми глазами, что Олег вздрогнул и побежал к родителям: что случилось? Оказывается, Лана плохо прополола грядки. Почему Слава, почему не я, почему меня не дождались? Потому что Слава выпорет как надо, не будет жалеть.

Лунной ночью в лесу Олег снимает с Ланы рубашку и чуть не плачет. Вся принадлежащая ему попа в кровавых ссадинах, Слава постарался. Олег начинает целовать и зализывать ссадины, Лана постанывает – от боли и от радости. Лечь на спину она, конечно, не может. Олег нежно наклоняет Лану, на коленки не ставит. Долго целует в пусю. И, наконец, запускает в нее нетерпеливого дика. Лана забывает про боль и стонет, теперь от удовольствия.

Еще через неделю и тоже вечером Олег не находит ни Ланы, ни Славы. Нет их. Но ищет жену и брата Олег недолго. У плетня за домом стоит голая Лана. Она нагнулась и держится двумя руками за плетень. А сзади стоит голый Слава и со страстью вгоняет своего дика Лане в пусю. Совсем как соседский кобель с их собакой. Но мало этого. Слава слюнявит палец левой руки и

пытается засунуть его в дырочку попы Ланы. Половинки попы Ланы раздвинуты, но дырочка между половинками сжата. Славе это не нравится и он звонко хлопает Лану по попе свободной правой ладонью – открой дырочку. Лана пытается и пукает. Палец Славы заходит Лане в попу.

Внутри у Олега всё кипит. А Лана смотрит на него теми же молящими глазами, как и неделю назад. Брат же не смущен ничуть. Оттолкнув подбежавшего Олега так, что тот упал на землю, Слава объясняет, что он старший и имеет право не только пороть невестку.

Олегу обидно. Но что он может сделать? А обида все равно просится наружу. Вечером в лесу прежде, чем наброситься на Лану, он ломает три березовые ветки. Затем засовывает голову Ланы себе под мышку. Задирает рубашку. И больно сечет: не можешь отогнать, так хоть не радуйся, когда брат пользуется своим правом. Лана терпит без звука.

Через неделю за тем же занятием Олег застает отца. Прямо перед домом – на глазах у матери и всей семьи. Отцу прятаться не от кого. Лана снова стоит нагнувшись и держится руками за плетень. Но сейчас видна не вся Лана, а только руки и голова, остальное отец накрыл своей рубашкой. Рубашка ходит волнами – отец старается вовсю. Лана кусает губы. Как и мать, которая наблюдает за этой картиной молча. Может, вспоминает, что делал с ней ее свекор. Да и вообще, за двадцать лет мать хорошо разучила, чем кончается несогласие с мужем.

Ночью в лесу, прежде чем уложить на мох, Олег снова высек Лану. Лана плачет и просит увезти ее. Олег тоже об этом уже думал. Остаток ночи они проводят без сна, как обычно. Утром пуся Ланы горит так, что она едва может ходить.

Через день Лана умудряется, так чтобы никто не видел, собрать и спрятать за плетнем узелок: немного

еды, две рубашки – себе и Олегу, олегов топорик и нож для вырезания...

Как обычно, вечером они уходят в лес. Но сегодня – с узелком. Только к рассвету домой они уже не вернутся. И в лесу не остановятся ни на минуту. Нельзя, чтобы их поймали. Они идут всю ночь лесом вдоль берега реки. Потом – целый день. Спят пару часов. Потом снова идут, уже вторую ночь. И снова – день. Выходят к месту, где их река впадает в другую, куда более широкую. И идут лесом по течению уже этой реки. Обходят какую-то деревню. Снова ночь, третья. Они всё идут. Но здесь им уже нечего бояться: они далеко, здесь их не найдут. Можно остановиться.

Изголодавшись за три ночи друг по другу, они сливаются: снова и снова Лана прижимает коленки к плечам, а Олег снова и снова заливает ей пусю белым.

Но надо как-то жить. Надо добывать еду. Нужна какая-то крыша. И надо думать – что делать дальше?

Олег строит шалаш. И принимается за работу: пока Лана собирает земляннику и первые грибы, Олег режет миски и ложки. Внизу по течению видна большая деревня. Там можно обменять эти вещи на хлеб и молоко.

Первый раз Олег отправляется в деревню один. И очень успешно. Он не только обменял всё, что принес, но и набрал много заказов: людям нужна посуда.

Олег работает быстро, и через три дня ему одному уже не унести всего сделанного, нужна помощь Ланы. Они идут в деревню вместе. И возвращаются с запасом, которого им хватит дней на десять.

Так проходит несколько недель. Пуся у Ланы больше не кровит. Но ни Лана, ни Олег не понимают, что это значит.

Олег продолжает вырезать посуду. Но теперь кроме посуды он режет и детские игрушки, и женские украшения. На всё это в деревне большой спрос. Так бы и жить!

Но долго так жить не получается. Однажды Олег замечает, что один из постоянных покупателей, мужик лет двадцати пяти, смотрит на Лану как-то пристально, будто оценивает. Через несколько дней, когда Олег с Ланой опять пришли в деревню, Олег видит того же мужика в компании двух других, незнакомых мужиков. Мужики о чем-то оживленно говорят. Заметив Олега с Ланой, знакомый мужик пальцем показывает на них незнакомым. О чем говорят мужики, Олег не слышит.

Незнакомые мужики спускаются к реке, к большой лодке. На таких плавают купцы.

Когда Олег и Лана уходят из деревни, уже на опушке леса их догоняет знакомый мужик. В руках у него какой-то мешок. Мужик говорит, что ему нужно поговорить с Олегом, и Олег велит Лане ждать его здесь, а сам отходит с мужиком, так чтобы Лана не слышала их разговор.

Мужик достает из мешка короб. В нем – удивительные инструменты для резьбы. Олег даже не думал, что такие есть. Хочет ли он их? Еще бы! Но как он может получить такую драгоценность?

Покупатель объяснил как. Приплывший купец, хозяин инструментов, предлагает обмен: инструменты на Лану. Если Олег согласен, мешок с инструментами будет завтра утром висеть на одинокой березе у излучины, пониже деревни. К этой березе Олег должен привести Лану.

Олег разволновался. Отдавать Лану, конечно, жалко. Но инструменты такие восхитительные! И Олег соглашается.

Рано утром Олег пришел с Ланой к березе. Мешок, и в самом деле, висит на ветке. Но ветка высоко, до нее еще нужно добраться. Олег лезет по стволу, потом ползет по ветке.

В это время от реки поднимаются четыре мужика. Высокие, крепкие, красивые. Двоих они видели вчера. Два других – незнакомые. Мужики хватают Лану,

засовывают ей в рот пучок травы, накидывают на голову мешок, задирают рубашку и завязывают подолом Ланины руки над головой, оголив всё, что ниже пояса. От страха у Ланы по ногам побежали желтые струйки. Мужики хохочут.

Олег, наконец, дополз до мешка и вытянул его наверх. Но мешок подозрительно легкий. Олег развязывает мешок, там одни палки, никаких инструментов.

Олег прыгает вниз. И кричит от боли – подвернул ногу. В это время на него падает сетка.

Руки у Олега связаны. Во рту кляп – какая-то дрянь. Рубашка, как и у Ланы, задрана над головой. Его тянут к реке. Олег сопротивляется. Адская боль обжигает ему попу. Это не палка и не плетка, что-то другое, много хуже. Спотыкаясь и хромая, Олег идет куда-то вниз. Затем по доске – куда-то вверх. Там его бросают на что-то деревянное. Деревянное начинает качаться. Проходит час, потом еще. С Олега снимают рубашку и он видит, что лежит в большой лодке. Рядом лежит Лана.

Лодка пристает к берегу. Пустынное место, кричи не кричи – никто не услышит. Мужики выносят Лану на берег: решить, кому она достанется. Выводят и Олега.

Лану кладут на спину, голову не открывают. Велят поднять ноги и стараться понравиться. Лана сопротивляется.

Лану переворачивают на живот, и Олег видит в руках у одного из мужиков большую плетку, сплетенную из жил и проволоки. Мужик несильно хлещет этой плеткой Лане по ногам, Лана извивается и что-то мычит через кляп.

Её снова кладут на спину. Сейчас она уже послушная. Мужики по очереди пробуют сладость Ланиной пуси. Наконец, один говорит, что девушка будет его. Товарищи не возражают: нравится – бери. Олег дергается всем телом. Но что он может сделать?

Новый хозяин отводит Лану в палатку, которая стоит на корме лодки, и возвращается назад.

Теперь очередь Олега. Олегу велят стать на четвереньки и раскрыть попу. Как же, ждите! Но два удара тем же страшным бичом объясняют ему, что сопротивляться бесполезно. Хозяин Ланы разводит попу Олега руками, как это делал Слава с Ланой. Смазывает дырочку между половинками маслом и тремя сложенными вместе пальцами резко входит внутрь. Олег кричит. Тогда мужик ломает толстую ветку, прикладывает ее к дырочке и объясняет, что если Олег не поможет одеть свою попу на дик, то попу оденут на сук. Без его помощи.

Точно так, как они пробовали Ланину пусю, мужики по очереди пробуют попу Олега. Олег уже не сопротивляется.

Но попа Олега никому из мужиков не понравилась: только перемазались. Его возвращают на лодку и сажают на цепь – гребцом. Лодка отчаливает.

Гребцов двенадцать. Командует ими один из мужиков. Стоит какому-нибудь гребцу проявить нерадивость, он получает удар бича.

Из палатки Олег слышит крики Ланы, ее учат покорности. Но скоро крики смолкают, Лана понятливая. И теперь только вода и весло, которым нужно, не останавливаясь ни на секунду, грести сколько есть сил. Иначе – бич.

Вечер. Облака розовые, солнце садится. Лодка останавливается возле двух других, точно таких же лодок. Эти приплыли сюда раньше. Одна лодка принадлежит одному брату хозяина Ланы и Олега, другая – другому. Хозяин благодарит братьев, что помогли управиться с пленниками, и братья уходят на свои лодки.

Ночью гребцам дают поспать. Цепь заменяют длиной веревкой. Утром – снова на цепь, к веслу, и караван плывет вниз по реке дальше.

На следующую ночь Лана ускользает из палатки и находит Олега. Она принесла спрятанный в обед кусок мяса. Олег жадно вгрызается в мясо, он не пробовал его с весны. Лана гладит Олегу волосы и счастливо улыбается. Потом скидывает рубашку и вползает под рубашку Олега. Трется грудками, осыпает поцелуями. И принимается ласкать дик. Дик поднимается и Лана садится на него верхом. Сладость! Сейчас дик впрыснет ей белое. Лана зажимает себе рот рукой, чтобы не закричать.

Вдруг Ланина голова дергается кверху и пуся слетает с дика. Над Ланой стоит хозяин и наматывает ее косу на руку.

Лана плачет и говорит, что беременна. Хозяин зовет кого-то. Из палатки выходит старуха, мать хозяина. Это она не доглядела за Ланой. Старуха уводит Лану обратно в палатку.

Четверо мужиков держат Олега. Двое вяжут ему руки над головой, а еще двое задирают ноги и привязывают их под коленками к шее. Так он сам поднимал ноги Лане. Но здесь другое. В рот Олега вставляют кляп. Олег ничего не видит, но чувствует, что кто-то взял в руку мешочек, который висит у него пониже дика. Боль! Такая, что Олег теряет сознание.

Очнулся Олег от той же страшной боли и в луже крови. Уже светло. Но лодка еще стоит. Олег трогает рукой место, где висел мешочек. Мешочка нет, только дырка, которую заткнули каким-то пучком. И невыносимая, адская боль.

Из палатки старуха выводит голую Лану. На шее у Ланы болтается отрезанный Олегов мешочек, весь в крови. Из пуси по ногам Ланы тоже течет кровь – беременности больше нет. Во рту кляп.

Старуха возвращается в палатку и выводят еще двух девушек хозяина, которых Олег раньше не видел. Обе очень красивые.

Хозяин привязывает Лану лицом к какому-то столбу. Это мачта, но пока парус не поднимали, безветренно. Толстым ивовым прутом хозяин сечет Лану от шеи до пяток. Потом отвязывает и приказывает нагнуться. Лана нагибается и выставляет попу.

Хозяин берет палку, гладкий конец ее похож на большого дика, и окунает в масло. Левой рукой разводит половинки попы Ланы, а правой резко тычет палкой-диком внутрь дырочки. Лана стонет и старается раскрыть дырочку. Пукает. Хозяин отбрасывает палку и вводит в раскрывшуюся дырочку свой огромный дик. Через пять минут он вынимает дик, перемазанным белым и коричневым.

Лана получает еще пять ударов по черной, нет и маленького светлого пятнышка, только кровавые ссадины, попе – чтоб лучше помогала, когда дик в попе, чтобы не пукала и чтоб забыла про непослушание. Наконец, Лану и девушек уводят в палатку. Лодка плывет дальше.

Олег больше не гребет. Ему дают нож и липовые чурбачки. Теперь он занят любимым делом – резьбой: посуда, игрушки, украшения... Но цепи с него не снимают. Кое-как пристроившись на боку, не переставая стонать от боли, Олег работает.

Через два дня на лодке пожар. Огромный деревянный бог на носу обгорел. Сгорел и сам нос, и кусок борта. Нужно чиниться. Караван пристает к берегу. Здесь они простоят не меньше десяти дней.

Хозяин спрашивает Олега, может ли он вырезать нового бога. Олег говорит, что может, но нужно подходящее дерево.

В сопровождении двух мужиков Олег идет искать дерево. Наконец, подходящее найдено, срублено и доставлено на берег. Следующую неделю Олег вырезает бога. Теми чудесными инструментами, за которые он хотел продать Лану.

Бог уже готов. Получился он гораздо лучше прежнего. Хозяин доволен. Но установить его некуда. Когда смолили новый борт, опять случился пожар. Поменьше первого, но снова всё обгорело. Нужно всё менять еще раз.

Теперь Олегу дают образцы заморских вещиц – украшений, шкатулок, ламп – и целыми днями он режет их копии. И не только из дерева, но и из кости. На лодке ее много – длинные, с ладонь и еще длинее, клыки каких-то чудовищ. Их везут продавать.

Поплыли снова только на двадцатый день. Олег стал таким послушным, что хозяин решает заменить цепи, которые мешают ему работать, веревкой. Длинная веревка, почти в рост Олега, привязана к уключине. Другим концом она затянута вокруг Олегова пояса. Когда Олегу нужно справить нужду, веревку отвязывают от уключины, и Олега на веревке ведут к специальной дырке-гальюну. Потом привязывают снова.

На левом берегу показался огромный город, таких Олег еще не видел. Лодка пристает к пристани. Хозяин сложил сделанные Олегом вещи в большой короб и ушел на берег. Возвращается ночью, когда все уже спят, пьяный и довольный – удачно сходил. Олег не спит, жгучая боль между ногами не дает ему уснуть.

Хозяин подходит к Олегу и показывает, что в коробе остался только один кинжал. С рукояткой из клыка чудовища, на которой Олег вырезал плывущую по волнам лодку. Покупателю кинжал понравился, но он хочет не один, а пару.

Хозяин дает Олегу такой же кинжал, только ручка у него без резьбы. Завтра к полудню Олег должен вырезать на этой ручке точно такую же лодку. Олег рассматривает кинжал. Хорошо, сделаю. И втыкает кинжал в сердце хозяина.

Тем же кинжалом Олег перерезает свою веревку. Что делать дальше? Бежать? Как – без Ланы? Почему-то эта мысль Олегу даже не приходит в голову. Хотя зачем ему

теперь Лана? Но об этом он не думает. Мысль у Олега одна – как забрать Лану? Увести ее из палатки нельзя – там еще трое, поднимут крик. Может, ночью, когда все уснут? Нет, и это слишком опасно.

Прихватив кинжалы и инструменты, Олег бежит с лодки и прячется в горе сваленных на пристани мешков. Завтра оставшихся без хозяина Лану и двух других девушек обязательно поведут на базар. Продавать. Братьям убитого ни для чего другого они не нужны. Тогда Олег отобьет Лану по дороге. А если это будет невозможно, сам попробует купить ее на базаре. За его два кинжала можно получить немалые деньги. Инструменты стоят еще дороже, но на них трудней найти покупателя. А потом, Олег скорее расстанется с жизнью, чем с инструментами.

Слышен вопль старухи. Значит, хозяина уже нашли. Кто-то с факелом бежит с лодки на пристань. Но ночь темная – искать бесполезно.

Утро. Ярко светит солнце, играет на бегущей воде. Братья хозяина выносят из лодки товары и выводят рабов убитого брата. Вот ведут одну девушку хозяина. Вторую. Сейчас появится и Лана.

И действительно – вот она, выходит из палатки. Но почему она голая? И почему ей дают что-то пить?

Олег видит, как Лана пьет и будто цепенеет. И как ее привязывают к мачте, где раньше секли. Только сейчас не лицом к мачте, а спиной.

От палатки к Лане идет старуха. В руке у нее небольшой нож. Этот нож старуха втыкает в Лану. В правую грудь. Вытаскивает, и втыкает в левую. Ноги Ланы подкашиваются, и то, что только что было Ланой, но больше уже никогда не будет, виснет на веревках. Старуха вставляет нож в Ланину пусю и разрезает живот – от пуси до пупка. Тело Ланы бьется, но она не кричит – такое, значит, питье. Старуха выкалывает Лане правый карий глаз. Затем – левый. Когда ж это кончится?

Наконец, старуха протыкает лебединую шею, и Ланино тело больше не шевелится. Старуха идет на пристань.

На лодке остаются только два трупа – хозяина и Ланы. Лодку буксируют от берега, обливают чем-то черным и зажигают. Она красиво горит, пламя отражается в воде.

Один из выведенных на пристань гребцов замечает в горе мешков Олега. Олег пытается бежать, но куда там – он слишком слаб.

Убьют? Нет, зачем же убивать, если можно продать. На Олега надевают цепи, вешают на шею короб с теми его изделиями, которые не успел вчера продать хозяин, и ведут на рынок. Такой мастер – недешевый товар.

Покупатель нашелся быстро. Человеку в чалме сразу приглянулись и изделия, и мастер. Он сам – резчик, и ему нужен помощник. Корабельщики получили ровно столько, сколько запрашивали. Об истории Олега они не распространялись, чтобы не снизить цену.

Новый хозяин отвел Олега в караван-сарай, накормил и уложил спать. Но цепи снимать не стал.

Через два дня вместе с другими рабами Олега погрузили на огромный, как четыре лодки, в которой его привезли, корабль. Корабль отплыл вниз по реке. Кроме одного раба, здесь уже никто не говорил по-русски.

Прошло пятнадать лет. Торговый караван шел из Хазарии в Киев. С караваном, верхом на сером коне, покрытом великолепным ковром, в белом шелковом тюрбане и розовой накидке, ехал знаменитый резчик по кости. Когда-то его звали Олегом.

Что вместили в себя эти годы? Только учебу и работу. Сначала – язык, потом – основы мастерства, а потом все время – совершенствование, чтобы новые вещи были лучше сделанных раньше. Так прошли первые четыре года.

По дереву Олег теперь резал мало. В основном – по слоновой кости. А еще – по мягким камням. Или по

морским раковинам. Камеи его работы были нарасхват, тонкостью резьбы они не уступали тем, которые привозили из Константинополя.

А потом Олег, его уже звали иначе, попал в гарем к визирю. Здесь у него появилась и другая работа, которая временами становилась главной – воспитывать новых, совсем еще юных, лет двенадцать-четырнадцать, наложниц.

Что делать и как вести себя в постели, девочек обучали опытные наложницы, знавшие вкусы повелителя. И не дай бог им было учить новеньких плохо! У Олега же была другая задача.

В девочках, поступающих в гарем, не должно было оставаться ни капли строптивости. И ни капли застенчивости. Любое желание мужчины должно не просто беспрекословно исполняться, а угадываться. Этому Олег и учил вновь прибывших девочек.

Их было немало. И не каждая удостаивалась чести разделить постель с визирем. Но визирь был сказочно богат и желал всегда иметь, из кого выбрать возлюбленную на сегодняшнюю ночь.

Работа Олегу не слишком нравилась, приходилось вспоминать то, о чем он хотел забыть. Но за нее визирь щедро платил. И Олег учил девочек бояться только широкого кожаного ремня. И не стыдиться ни его рук, ни его тела.

Прежде всего ученица должна была научиться ходить перед Олегом голой. Затем – принимать ту позу, которую приказывал учитель: встать на колени, лечь ничком, лечь на живот в ожидании ремня, лечь на спину и задрать ноги вверх в ожидании дика, встать на четвереньки и выставить и попу, и пусю, что уж там господину захочется проткнуть, повиснуть на учителе, обняв ногами и прося дика...

Потом девочка училась подставлять учителю пусю и попу, чтобы он их ласкал или наказывал, как ему

заблагорассудится: ремнем, руками, губами, зубами или языком...

Дырочка между половинками девочкиной попы должна была научиться расширяться, как только учитель прикладывает к ней палец. Но конечно, ни в коем случае нельзя было пукать. И вообще, внутри попа наложницы должна быть такой же чистой, как и снаружи. Перед тем, как идти к учителю, девочки ставили себе клизму с розовой водой. Тем, кто этому еще не научился, клизму ставил сам Олег. Только не с розовой водой, а с едким мылом.

Если учитель велел, девочка должна была при нем садиться на привезенную из далекой восточной страны ночную вазу, справлять большую и малую нужду, а затем мыть вазу при учителе или, если учитель велел, безропотно обливать или обмазывать себя вонючим содержимым вазы.

Главное же, чему нужно было научить девочку, – самой подавать широкий кожаный ремень, когда Олег считал, что девочку нужно наказать, и терпеливо, без слезинки и без звука, терпеть, пока наказание закончится.

А наказывал Олег наложниц за всё: не достаточно быстро послушалась, не достаточно быстро оголилась, не достаточно быстро оделась, косо посмотрела, прямо посмотрела, глаза не опустила, за то, что слезы на глазах, за то, что слишком хмурая – не улыбнулась вовремя, за то, что слишком веселая – рассмеялась не вовремя...

Порол своих учениц Олег очень больно. Но так, чтобы никаких шрамов и никакого огрубения – кожа девочек должна быть нежной, как лепестки розы. Поэтому после каждой порки Олег обтирал ученицам специальными благовониями те места, по которым гулял ремень – попу и верх ножек.

Для всей этой работы руки Олега должны были быть то грубыми, то нежными. Что очень помогала его главной и любимой работе – резьбе.

Обычно Олег занимался одновременно не более, чем с двумя ученицами, часа по три-четыре в день с каждой. Остальное время он мог делать, что хотел. А хотел он только одного. Только одно его радовало.

Когда педагогическая деятельность была закончена, Олег склонялся над очередным куском кости и то настойчиво резкими, то самыми нежными движениями резца превращал кость в изящный браслет, или в крышку шкатулки, или в ожерелье, или в рукоять сабли... В это время душа Олега пела, а нередко он и сам напевал что-то без слов.

Обучение наложниц продолжалось не дольше нескольких недель, и визирю очень нравились девочки, какими они выходили из рук Олега. И вещи, которые делал Олег, визирю тоже очень нравились, и он щедро платил за них. Так Олег начал богатеть.

Работы было много. Если у визиря не было новых наложниц, иногда Олега одалживали друзья визиря, перед которыми он успел похвастаться своим евнухом.

Один из таких друзей, в дом которого Олег на время перешел жить, как-то рассердился на неугодившую ему молодую жену, посмевшую не выполнить приказ мужа, и решил отдать ее на воспитание Олегу.

Раньше Олег имел дело только с наложницами. Теперь же ему нужно было научить покорности законную жену смотрителя садов самого шаха – гордую красавицу Ширин, саму дочь сановника.

Узнав у смотрителя, что ему разрешено делать со строптивицей всё что угодно, но ни в коем случае ни калечить, Олег приступил к воспитанию.

В комнате с высокими сводчатыми потолками, изукрашенными золотой мозаикой, но без окон, не было никакой мебели кроме толстого ковра на полу и высокой, в два роста Ширин, каменной колонны с

дорической капителью. В капитель было вделано медное кольцо, а через кольцо пропущена веревка с петлей на конце. Эту колонну Олег велел поставить, вспоминая столб, у которого его родители наказывали молодых. Кроме входной двери в комнате была еще одна – в уборную.

Чтобы доставить Ширин в комнату с колонной, Олегу должен был связать ей руки, когда она, ни о чем не догадываясь, безмятежно спала, раскинувшись на шелковой простыне. Затем, так как проснувшаяся Ширин завизжала и стала пытаться укусить Олега, пришлось вставить ей в рот кляп и связать ноги, которыми она отчаянно брыкалась. Только после этого Олег смог взвалить извивающуюся Ширин на плечи и отнести в комнату с колонной.

Здесь он заменил веревку на руках Ширин свисающей с колонны петлей, а петлю поднял так высоко, что Ширин могла касаться пола только кончиками пальцев. Так когда-то Слава привязывал Настю. Теперь можно развязать и ноги.

Олег приподнял Ширин за бедра и повернул спиной к себе, а искаженным злобой лицом – к колонне. Перед ним была удивительной красоты девичья фигура. Которая так и просилась на камею. И будь на то его воля, он бы немедленно начал эту камею резать. Но надо было заниматься другим – портить эту красоту.

Олег взял в руки широкий ремень и сначала неохотно, но чем дальше, тем старательней стал стегать никогда не знавшую порки попу семнадцатилетней красавицы.

Через десять минут Олег повернул Ширин к себе зареванным лицом, вынул кляп и едва успел отдернуть руку от лязгнувших зубов. Поняв, что зубами до Олега ей не дотянуться, Ширин истошно завизжала и стала плеваться. Тогда Олег снова повернул ее лицом к колонне, но кляп вставлять уже не стал.

И продолжил не торопясь, размеренно пороть Ширин по всё больше синеющей попе. После каждых пяти ударов он опускал ремень и негромко говорил, что избавить Ширин от порки может только полнейшая покорность. Первые два раза эти слова Ширин просто не услышала из-за собственного крика. На третий раз она их всё-таки разобрала, и крик стал делаться тише пока, наконец, не сменился горьким плачем.

Тогда Олег отложил ремень и освободил руки Ширин из петли. И едва успел отскочить – она, как дикая кошка, бросилась выцарапывать ему глаза.

Олег снова подвесил Ширин к кольцу. Отдохнул. И снова стал пороть.

Так продолжалось весь день. Попа, спина, ноги Ширин почернели, но покорности ей добавилось немного. Ей хочется пить, но еще больше Ширин хочется другого – освободиться от выпитого и съеденного вчера. Она кричит, чтобы Олег пустил ее в уборную. Но он только раздвинул Ширин ноги и просунул между ними горшок.

При мужчине? Никогда! Хорошо – никогда так никогда, и Олег поставил горшок на пол. Но в конце концов природа берет свое: Ширин уже не может больше терпеть и после очередного удара ремня заливает себе ноги спереди желтой, а сзади – коричневой жижей. И всё это остается на ковре, где ей предстоит спать. Теперь всё это – и ковер, и свою перемазанную попу, и ноги – всё это надо было мыть.

Отмыла, всё собрала в горшок. И выплеснула горшок на Олега. В ответ Олег только обнял ее. Размазав по животу, грудкам и спине Ширин всё то, чем она облила его. И, не дав умыться, снова стал пороть.

Потом Ширин еще раз мыла: себя, пол, Олега. Но сейчас тазик с грязной водой она безропотно вылила в уборную.

Спала Ширин здесь же – на полу, голой, при чужом мужчине, хоть и евнухе. Горшок, на который она уже

сама попросилась сесть перед сном и который Олег поставил прямо возле ее головы, не позволив закрыть крышкой, благоухал отнюдь не розами. Но поспать Ширин удалось недолго. Через три часа Олег разбудил ее и снова выпорол. Потом еще три часа сна, и снова порка.

Целую неделю Олег не отходил от Ширин. Только – в уборную. Ширин же туда он так и не отпустил.

Через три дня от строптивости Ширин не осталось и следа. Она послушно делала всё, что говорил Олег: сама подавала ремень, сама обнимала во время порки руками колонну, подвешивать ее больше было не нужно, сама становилась после порки на колени и целовала поровшую ее руку.

Но Олег придумывал для Ширин всё новые унижения – ни одной из его прежних учениц не доставалось столько. И стоило Ширин чуть замешкаться с выполнением приказания, как она снова подставляла свою, когда-то бывшую цвета слоновой кости, попу под широкий кожаный ремень.

Седьмую ночь Ширин спала, вымазав себя содержимым ночного горшка, который она и Олег наполнили вечером, и с ужасом думала, что завтра то, чем она сейчас мажется, ей придется есть.

Но до этого не дошло – утром Олег объявил, что наказание закончено и пора приводить Ширин в порядок, чтобы можно было вести ее к мужу. От неожиданной радости Ширин расхохоталась, стала прыгать и, в конце концов, повисла на шее Олега, покрыв его лицо поцелуями. И перепачкала Олега остатками того, чем мазалась на ночь и что за ночь успело засохнуть. За это ей пришлось обнять колонну еще раз.

Всю эту неделю у Олега не было ни минуты для любимого дела. Зато следующие три недели, пока попа Ширин приобретала свой естественный цвет, а сама Ширин – свой естественный запах, он принадлежал

только самому себе. В эти недели Олег вырезал среди прочего и браслет с дорической капителью, который оставил Ширин на память с тем, чтобы она никогда его не снимала. Ширин приняла подарок с дрожью, но отказаться не посмела.

И, наконец, через месяц после того, как он принес в комнату с колонной строптивую жену, Олег привел главному садовнику шаха жену идеальную, которая прежде всего распласталась перед мужем на полу и стала целовать его ступни и пол вокруг ступней, умоляя простить глупую.

Садовник рассказал об этой истории друзьям, а друзья – своим женам. И слава Олега стала еще громче. Мужьям было достаточно произнести имя знаменитого евнуха, и самая сварливая жена моментально становилась послушной овечкой.

Так проходили годы. Пока однажды Олега почему-то не потянуло снова увидеть родные места. Сначала это было только робкое желание, но скоро оно превратилось в навязчивую мысль.

Собственно, Олег даже не очень знал, где эти места. Знал, что где-то на притоке большой реки, которая впадает в Персидское море. Но где именно? Впрочем, его это не останавливало.

И Олег оставил двор визиря и с караваном купцов отправился на север. В столицу Хазарии. Там он дождался другого каравана, который шел в Киев. И сейчас с этим караваном ехал через бесконечную степь.

Всё произошло неожиданно и очень быстро. На горизонте поднялось облако пыли и стало приближаться. Через десять минут облако превратилось в несущихся прямо на караван всадников. Потом над всадниками поднялось другое облако – облако стрел. Потом Олег почувствовал, как что-то острое ударило его в шею, и стал сползать с коня. Потом – синее небо и

яркое солнце в глаза. Потом – солнце погасло, и начался полет.

Внизу подлетевшие всадники срывали с мертвеца тюрбан и плащ, отрезали пальца с кольцами, вскрывали сундуки с дивными вещицами, вырезанными из слоновой кости.

II

Больше всего Оленька любила этот час. Когда приходил отец Антон, раскрывал книжку и начиналось учение. Отец Антон – священник и знает всё на свете. Он только что вернулся из Греции, где три года учился в городе Салоники.

Весь день Оленька к этому часу готовилась, старалась быть хорошей, всё делать правильно. Чтобы ничем не рассердить маму. Иначе мама накажет. А самым страшным наказанием для Оленьки был запрет учиться.

На прошлой неделе Оля разбила крынку и мама сказала, что сегодня урока не будет. Оленька разрыдалась, стала целовать маме руки и умолять: пусть лучше мама высечет ее, пусть больно-пребольно, только чтобы не отменяла урок. Насилу уговорила. Правда, во время урока ей пришлось стоять и глаза были красные, но отец Антон, хотя и всё понял, но сделал вид, что ничего не заметил. Только нежнее обычного поцеловал, когда уходил. Он всегда целовал Оленьку, когда приходил и когда уходил.

Секут Оленьку не часто. И всегда только мама. Отец - никогда. Он и видеть не хочет голенькой дочки, только – в сарафане и шапочке. Раньше еще нянька наказывала девочку, но тогда Оленька была совсем маленькой. А теперь – только мама.

Книжки, которые приносит отец Антон, называются "Священное писание". У него их много, привез, когда ездил учиться. По ним Оленька выучила буквы, а потом

и вообще научилась читать бегло. И даже писать. Это и из мальчишек мало-кто умеет.

Теперь отец Антон оставляет Оленьке то одну книжку, то другую, и она читает их запоем, как только появится свободная минутка, когда не надо помогать маме.

Недавно случилась беда: Оленька надорвала в книге страницу. Как она плакала! Когда пришел отец Антон, он даже спросил, за что Оленьку секли. Оленька упала на колени, ткнулась отцу Антону в рясу и снова разревелась. Потом показала надорванную страницу.

Отец Антон очень рассердился и сказал, что пожалуется маме. Оленька стала целовать ему руки и просить, чтобы он высек ее сам. А маме сказал бы, что наказал за невыученный урок. Отец Антон сначала стал отказываться, но Оленька выпалила по памяти из поучений царя Соломона о том, что нельзя жалеть розги для детей, и отец Антон покряхтел, но согласился.

Оленька выскользнула из комнаты и побежала в сад. Сломала там березовую ветку и еще, обжигаясь руками, две крапивы. Спрятала всё под сарафан, и бегом к отцу Антону. Отдала ему крапиву, обернув своей шапочкой, чтобы отец Антон не обжегся, и розгу. Скамейки для порки детей в комнате не было, так что Оленька улеглась животом на табурет, задрала сарафан и выставила попу. Отец Антон слегка хлопнул розгой по попе два раза и сказал, что наказание закончено и что Оля должна помнить, как надо обращаться с книгами.

Но тут Оленька заупрямилась – не два холодных, а двадать горячих, а потом еще двадцать раз раз крапивой. По попе и по ногам. Чтобы всё горело. Потому что ей очень, очень стыдно.

Но дело было не только в этом: почему-то Оленьке давно хочется, чтобы отец Антон ее посек. Не мама, не папа, а именно отец Антон. Вот она и ерзает животиком по табурету, как будто хочет писать, и требует горячих.

Отцу Антону пришлось подчиниться – что поделаешь с баловницей. Уходя, он говорит маме, что Оля плохо себя вела и пришлось ее наказать. Мама на это сказала только, что сечь Олю ему надо чаще: девочкам нужно, чтобы их секли.

Оленькины попка и ножки горят, дотронуться нельзя, не то что сесть. Но она почему-то счастлива, всё внутри поет...

Вечером мама решила повторить порку, чтоб дочка лучше запомнила. Но, когда увидела исполосованную Оленькину попу, только хлестнула три раза несильно и велела подниматься.

Отец Оленьки – купец. Не очень богатый, но живут они хорошо. Только отца часто не бывает дома. Зато когда он возвращается в доме праздник: мать так и сияет, и дети рады – у Оленьки есть два младших брата-близнеца Ваня и Вася, им три года и сестренка Маша четырех лет, и еще старшая сестра Дуня, ей уже десять. Были и другие братья и сестры, мама ходит пузатая каждый год, но умерли. Самой Оленьке шесть.

А еще у Оленьки есть тайна, о которой знают только нянька и мама: Оленька писает в кровать. Не часто, а только когда видит страшный сон. Первый раз он приснился, когда Оленьке не было и четырех лет. Оленке снится, что она гуляет в лесу и на нее нападает медведь. Медведь валит Оленьку на землю и своей когтистой лапой забирается между ножек. А потом выцарапывает всё, что внизу живота.

Просыпается Оленька вся записанная. Нянька, когда обнаруживает мокрую перинку, конечно, всё рассказывает маме. И мама Оленьку, конечно, наказывает. Правда, не очень больно, попа заживает дня за три. Но если б только порка – после этого сна целых две недели Оленьке писать нестерпимо больно. И она, когда писает, чтоб поменьше резало, держится двумя руками за низ животика. И записывает себе все руки. После этого их нужно очень чисто вымыть. Чтобы

совсем не пахли. А то один раз Оля не домыла, и мама учуяла запах. И так Олю высекла, что Оля больше недели не могла и присесть на попу.

Потом всё проходит. А через несколько месяцев сон снова снится: лес, медведь, когтистая лапа... И снова мокрая кроватка, розги и больно писать.

После порки за разорванную страницу у Оли начинается новая жизнь. Прилежная ученица превращается в лентяйку и грубиянку. Она дерзит, не учит уроков, хулиганит. Отец Антон не может узнать свою любимицу. Сначала он пытался ставить Олю на горох, но Оля все время требует порки: ведь плохих детей надо пороть. Вот и царь Соломон... И отец Антон, скрепя сердце, всё время Оленьке уступает. Ведь, и в самом деле, в девочку будто бес вселился. В комнате для уроков ставят специальную скамейку и ведро с розгами.

Сначала отец Антон старается сечь Оленьку несильно – мама про Оленькины безобразия и наказания всё знает, после каждой порки она оценивает попу дочери и, если находит, что девочка наказана мало, вечером, после ухода отца Антона добавляет сколько считает нужным. Но через месяц после того, как Оленька так изменилась, добавлять маме уже не надо: за каждый проступок Оля получает от отца Антона сполна.

Хоть порка для Оленьки и удовольствие, ни с чем не сравнимое, иногда она не может ее вытерпеть. Тогда отец Антон привязывает Оленьку к скамейке полотенцами. Оленьке это тоже нравится, хотя так сладко тереться животиком о скамью, как она делает, когда ножки свободны, у привязанной не получается. Поэтому Оля старается, чтобы полотенец не было – хватается руками за скамейку и терпит сколько может, чтобы случайно не дрыгнуть ножкой или не прикрыть попу ручкой.

Вот две недели назад отец Антон велел ей читать "Отче наш", а она сказала, что не помнит. Как так – ты же знала. А теперь забыла. Ну, читай по книжке. Не

буду, не хочу читать эту глупую молитву. Пощечина. У Оленьки все поет внутри. Она впивается в руку отца Антона долгим поцелуем – спасибо, отче, за урок. Ну, читай. Не буду, глупая молитва! Тогда ложись. Это Оленьке не надо повторять дважды. Она бежит к скамейке, закидывает сарафан на голову и укладывается. Наконец-то! Сейчас будет главное! Розга опускается на попу. Как больно! И как сладко! И, чтобы было еще слаще, Оленька начинает ерзать животиком по скамейке – как будто уворачивается от розги.

А неделю назад, когда Оленька назвала апостолов дураками, отец Антон рассердился совсем серьезно. И сразу велел ложиться. Но Оленька против обыкновения к скамейке не побежала, а стала проситься, чтобы отец Антон высек ее на коленях. И чтоб не розгой, а рукой. Только так, чтоб больно-пребольно. Потому что она очень плохая. Она подняла сарафан и полезла укладываться на колени. Но отец Антон Олю не послушал – отнес на скамейку и больно-пребольно высек розгой.

Через день – то же самое: новое хулиганство и та же мольба – рукой и на коленях. Отец Антон засомневался и согласился. Но решил нашлепать Олю так, чтобы больше она никогда не просилась. Со всего маха он хлопал по Олиной попе минут десять. Попа стала вся черная, мама будет довольна – ей не нравятся, когда девочка после порки может сидеть – это не наказание. Оленька ревела в голос. Но не столько от боли, сколько от счастья. А потом долго целовала отца Антона в покрасневшую ладонь. Странная девочка.

Зато теперь страшный сон Оле больше не снится. Нет и стыдных его последствий.

Негодной ученицей Оля только притворяется. Просто ей очень нравится, когда отец Антон ее сечет. Особенно – рукою. А так она по-прежнему прилежно заучивает урок и знает наизусть чуть ли не всю библию. Начала

учить и греческий. И тоже с упоением. Но делая вид, что из-под палки. То же и с арифметикой.

А еще после того, как отец Антон выпорол ее в первый раз, Оле начинает страстно хотеться самой посечь братиков и сестренку. Куклы не в счет – их она наказывает с трех лет.

Но как это сделать, если мама сечет всех детей сама?

И тогда Оля становится любящей сестрой и маминой помошницей. Все свободное время она играет с малышами, одевает их, моет, кормит. Это делается новой страстью, второй после учения. Мама смотрит на маленькую помошницу с удивлением, но от помощи не отказывается. Тем более, что Оля начинает учить младшую сестренку Машу тому, чему научилась сама.

Время от времени, после очередной шалости малышей, Оля с самым невинным видом спрашивает маму, можно ей наказать провинившегося братика или сестричку. И, наконец, мама разрешает.

Оля задирает нашкодившей Маше рубашечку и хлопает по попке. Сестричка думает, что это такая игра и весело смеется. Оля хлопает попку еще и еще, но совсем не больно. Наказание закончено. Оля уже сообразила, что дети не должны ее бояться и должны полностью признать ее право их наказывать.

Мама слышит, что наказание обошлось без рева, и отнимает сестричку у Оли. Так не наказывают. Через минуту Маша ревет в голос: три мамины шлепка, идти за розгой у мамы не было времени, и попка сестрички становится из розовой красной.

Урок получен, а дети учатся быстро. Нужно, чтобы наказывала Оля, а не мама. И нельзя смеяться, нужно громко плакать.

Маленькие дети все время что-то делают не так. Вот и пошло: днем Оля подставляет свою попу под розгу, а когда ей повезет – под ладонь, отцу Антону, а утром и вечером нянчится с малышами, то и дело укладывая то

Ваню, то Васю, то Машу – пороть. Всегда, конечно, с маминого разрешения.

Вася измазал чистую рубашку. Ты как хочешь? Чтобы я наказала или мама? Конечно, ты. Ну, неси розгу и ложись быстренько. Не закрывайся руками, мама увидит, что попа плохо высечена – будет сечь сама. Ты этого хочешь? Держись руками за лавку. Или тебя привязать? Буду сечь так, чтобы мама была довольна. Ну, начали.

И Оленька старается, пока попа у Васи не становится, как после маминой порки. Васенька размазывает слезы, но доволен – у мамы всё равно больнее. А мама слышит истошный васенькин плач и понимает, что заботы ей меньше. Правда, она и сейчас проверяет, хорошо ли высечены попки малышей, но переделывать Оленькину работу ей уже приходится редко.

Порки становятся все дольше и все больнее. Но и братики, и сестренка терпят – хоть и больно, но мамина порка хуже, чем двадцать олиных.

А мама, хотя и недовольна Олиной учебой, не может нарадоваться на помошницу: девочке нет и семи лет, а уже такая хозяйка, вот повезет будущему мужу.

Через пять лет пришла беда. Она пришла неожиданно. Болезнь, от которой страшно болит горло. Так страшно, что нельзя дышать. За месяц от этой болезни умер сначала Вася, а за ним – и Ваня. Оля тоже заболела, но не умерла.

Стоило ей выздороветь, через месяц другая беда. Оля с мамой поехали в соседнюю деревню на ярмарку. Обратно возвращались поздно. Вдруг, как из-под земли, два мужика. Останавливают лошадь и велят выходить. Оля соскочила с повозки и бегом в лес. Мужики ее ловить не стали – маленькая. А маме заткнули рот, сорвали одежду, оставили совсем голой, повалили на землю и стали что-то с мамой делать. Потом оставили маму лежать на земле, вытащили из повозки всё, что

Оля с мамой накупили, выпрягли лошадь и вместе с лошадью исчезли. Оля подбежала к маме и увидела, что у мамы перерезано горло, а глаза заведены к небу.

Мужиков потом поймали. И отец сам засек их железным прутом до смерти. Прямо во дворе. Привязал к козлам и сек. Долго сек. Первый мужик полчаса молил, чтоб отец его простил. Потом замолк. Второй умер молча. А мамы не стало.

Теперь Оля – хозяйка в доме и мать для младшей сестренки. Старшая, Дуня, ей сейчас четырнадцать, уже два года замужем и живет у свекра.

После маминых похорон прошло месяца два-три, когда однажды утром Оля проснулась вся мокрая. Неужели снова описалась? Но она не писается уже много лет. И страшный сон про медведя давно ей не снится. И не пахнет совсем. Оля провела рукой по ногам и вытащила руку из-под одеяла. Вся ладонь в крови! Оля скинула одеяло и увидела, что кровь идет из пуси. Умираю.

Но хотя кровь текла вовсю, умирающей себя Оля вовсе не чувствовала. Наоборот – чувствовала какую-то непонятную радость. Найдя длинную тряпку, Оля обвязала пусю, а концы завязала вокруг пояса. Кровь больше не шла. Накинула сарафан, и побежала к Дуне – все рассказать.

Сестра рассмеялась и сказала, что так теперь будет каждый месяц. Потом отвела Олю во двор и долго рассказывала ей всё-всё, временами наклоняя к себе сестричкино ухо и шепча так, чтоб никто не услышал – ни свекор, ни свекровь. Закончила Дуня так: пора тебе замуж, ты теперь не девочка, а женщина.

Прошел еще год, и однажды, когда отец был дома, к ним пришли гости – друг отца с сыном Вадимом, угреватым четырнадцатилетним парнем. Против обыкновения отец вместо того, чтобы велеть Оле угощать гостей, выгнал ее из комнаты. Но Оля все равно

подслушала. Гости пришли просить ее замуж за Вадима. Отец согласился. Саму Олю спрашивать не стали.

Свадьбу сыграли через неделю.

В первую ночь Вадим долго возился, пока смог, наконец, порвать Оле пленку. Оля вертелась под ним и старалась делать всё, как говорила сестра. Только так, чтобы Вадим вдруг не решил, что она опытная.

Но Вадим был непонятливым. Сначала он никак не мог добраться до Олиной пуси. Затем не удержался и окатил Олю чем-то теплым. Оля подумала, что Вадим описался, но теплое было еще и липким, и пахло совсем не так. Потом, уже подняв Оле ноги, Вадим никак не мог продавить пленку. Оле было больно, она кусала губы, но терпела молча.

И только в середине ночи Оля почувствала резкую боль, а через секунду – как что-то теплое залило ей пусю и потекло на кровать.

Пуся нестерпимо болела, подставлять ее дальше Оля не могла. Она скинула Вадима и свела ноги. Вадим, у которого все кипело от желания, разозлился и приказал Оле немедленно развести ноги. Но Оля только сильнее их сжала. Тогда Вадим перевернул Олю на живот и стал звонко бить ладонью по попе.

Олю никто не порол уже три года. Уроки с отцом Антоном давно закончились, а для мамы она была послушнейшей дочерью.

Когда ее наказывал отец Антон, неважно рукой или розгой, Оля млела. А маминой розги когда-то в детстве страшно боялась: начинала реветь и молить о прощении, еще до того, как мама укладывала ее на скамейку.

Сейчас первый шлепок Вадима ей понравился, и Оля оттопырила попу – ещё. Но Вадим бил по попе ожесточенно, со всей силы, и скоро попа стала болеть так, что Оля забыла про боль в кровящей пусе.

Но стоило ей перевернуться на спину, а Вадиму дотронуться до пуси еще только рукою, как из-за боли в

пусе Оля уже не чувствовала выпоротую попу и ногами пихнула Вадима в живот.

Тогда Вадим снял со стены приготовленную, наверное, отцом, плетку, намотал Олину косу на руку, прижал голову носом к подышке и задал Оле такую порку, какой она никогда не получала. Больнее, чем когда мама сучковатой розгой полосовала нежную попку трехлетней Оленьки за то, что она не попросилась писать.

Через каждые десять ударов Вадим приподнимал Олину голову и спрашивал, будет ли она его слушаться. На третий раз, вся зареванная, Оля прошептала – буду. Тогда Вадим приказал ей просить прощения и целовать плетку. Оля подчинилась.

До утра она лежала высоко подняв ноги, а Вадим тёр и тёр ее горящую пусю своим ненасытным диком. Оля опять кусала губы, но делала всё, чтобы только Вадим на нее не рассердился.

На следующую ночь всё повторилось. Только пуся болела уже не так сильно. А еще через три дня совсем не болела, и Оля только визжала под Вадимом и просила ещё и ещё. Когда Вадим уставал, Оля начинала играть с его диком и быстро добивалась своего "ещё".

Прошла десять дней. Наступило время, когда из пуси должна была потечь кровь. Оля со страхом ждала этого, она боялась, что им придется на несколько дней прекратить свои ночные, такие сладостные, почти как порки отца Антона, занятия.

Но страх оказался напрасным. Никакая кровь из пуси не пошла, и Оля по пять раз за ночь получала из дика Вадима новые и новые порции теплого. Которое к тому же, как Оля скоро узнала, оказалось и сладким. Однажды ночью, вместо того, чтобы погрузить дик Оле в пусю, Вадим приказал ей открыть рот. И сосать дик. Оля послушалась и узнала новое удовольствие: пять минут она сосала, облизывала и даже чуть-чуть

покусывала твердый дик, пока чуть не захлебнулась вылетевшей из него струей.

Так продолжалось еще месяц. А потом Оля стала чувствовать в животе что-то странное. Это странное с каждым днем становилось всё непонятней, и Оля снова побежала к Дуне. Опытная Дуня, уже два раза рожавшая, но похоронившая обоих детей, одного через неделю, а другого через месяц после рождения, быстро все Оле объяснила.

Оля рассказала обо всем Вадиму и подумала, что теперь ей придется забыть про сладкие ночи. Но вышло по-другому. Хотя спать вместе узнавший о беременности снохи свекор молодым строго запретил, Вадим стал уводить Олю в укромные места днем. И Оля каждый день то в сарае, то в амбаре подставляла пусю, а после бежала мыться от Вадимого теплого и сладкого, которое, как оказалось теперь, было не только теплым и не только сладким, но еще и белым. Мыться было необходимо – чтобы, не дай бог, свекор не унюхал запах белого.

Но однажды он всё же что-то унюхал. Наверное, Оля не домылась. Как же он их выпорол – и сына, и сноху! Живого места не оставил. После этого будущие родители стали осторожней.

Месяца через три после страшной порки отец Ольги и отец Вадима поехали с товаром в Литву. Товар был дорогой, персидский. Его привезли из низовий Волги. Компаньоны купили его в Ржеве и собирались перепродать с большим бырышом.

До Литвы недалеко – пять дней пути, максимум. Дней через пятнадцать самое большое они должны были вернуться. Но на двенадцатый день вместо отцов во двор прибежал мальчишка-слуга, которого купцы брали с собой, и принес ужасную весть.

Почти подъезжая к дому, оставался еще день пути, купцы заночевали на постоялом дворе. Там владелец

двора их и зарезал. Во сне. Деньги, понятно, забрал, а сам убежал. Надо ехать, взять тела и хоронить.

За телами поехали вдвоем. И увидели страшную картину. Их отцов не просто зарезали. Их растерзали. Выкололи глаза, отрезали носы, выпустили кишки, отрубили то, что ниже живота. И бросили всё это на радость уличным собакам рядом с трупами.

Заказали два гроба, положили в них то, что осталось от обоих отцов, заколотили крышками и повезли к себе, хоронить.

Заупокойную служил отец Антон. Он женился три года назад и уже два года растил сына, Гаврюшу. Ольга не видела отца Антона с Пасхи и сейчас почему-то живо припомнила, как лежала у него на коленях выставив голую попку и как ей было больно и сладко.

Теперь хозяином и дела своего отца, и дела отца Ольги стал Вадим. Это поменяло жизнь молодых. На Ольгу у Вадима остались только ночи. Но первой страсти уже не было. Да и Ольга сильно подурнела – располнела и пошла пятнами.

На шестом месяце своей беременности Ольга заметила, что Вадим как-то по-особенному смотрит на молоденькую служанку Глашу. И через неделю застала их в кладовке. Глаша стояла согнувшись, а Вадим вгонял в ее бесстыдно выставленную пусю дик. Указательный палец правой руки он засунул в дырочку между так же бесстыдно раздвинутыми половинками Глашиной попы.

Олю они не заметили, и она, никак себя не обнаружив, поспешила уйти. Но назавтра, заметив жирное пятно, оставшееся на рубашке Вадима после глашиной стирки, так отхлестала Глашу сначала по щекам, а потом и плеткой по спине, что Глаша не знала, куда бежать. Вадима дома не было. Когда он вернулся, рыдающая Глаша показала ему следы от Ольгиной плетки.

Вадим запер Ольгу в тесной комнатке и стал пороть. Ольга пробовала уворачиваться. Тогда он привязал ее к кровати – и ноги, и руки – и порол, пока не выбился из сил: в основном – по спине и попе, но захлестывал и по животу.

Больше Ольга Глашу не трогала.

А в животе у Ольги с каждым днем было все больше нового. Живот становился всё круглее и жил уже не только ольгиной, но и своей жизнью.

За неделю до родов Ольга узнала, что Глаша тоже беременна. Но сейчас это не показалось ей важным, все ее мысли были заняты другим.

И вот настало утро, когда Ольга снова, как когда-то маленькая, проснулась мокрая. И это была не кровь, она проверила рукой. Первая мысль – снова описалась. Но потом она догадалось, что начинается то, о чем рассказывала Дуня.

Вадим уже давно спал отдельно. Ольга пришла к нему в комнату, и застала на плече у мужа сладко сопящую Глашу. Но и это Ольгу почти не расстроило. Она растолкала Вадима и велела бежать за повитухой. Недовольный тем, что ему не дают поспать, Вадим все же послушался.

Ольга вернулась к себе. Через час пришла и повитуха. Полдня Ольга орала от нечеловеческой боли, схватки шли волнами. Наконец, повитуха вытащила из ее, ставшей огромной пуси нового человека – сына. И в первый раз в жизни отшлепанный, пока еще только повитухой, этот сын заорал в голос.

На шестой день отец Антон крестил маленького Даню.

Потом пошли недели, когда вся ольгина жизнь была сосредоточена на ребенке. Шесть раз в день она кормила Даню сочащейся молоком грудью. Это кормление доставляло Ольге неиспытанное ранее удовольствие, и она дождаться не могла, когда Дане снова захочется есть. Но и когда Даня наедался, Ольга не отнимала его

от груди. Все время носила на руках. Ночью клала рядом с собой. И даже не пеленала. И только через месяц в первый раз доверила сына няньке.

А у Глаши тем временем уже начал округляться живот. Спала она все так же, с Вадимом. И Ольга понимала, что это значит. Для нее и для Дани.

Когда Дане исполнилось два месяца, Ольга отпросилась у Вадима идти на богомолье в Смоленск. Взяла с собой и Даню. Вадим отпустил их охотно.

В первый же вечер Ольга стала хвастать перед другими богомольцами, какой богатый у нее муж, с кем он ведет дела, чем торгует, когда и куда ездит. Какой он у нее красивый, какие глаза, какой нос, какие волосы. Богомольцы слушали молоденькую дурочку кто с удивлением, но кто и с интересом. А простушка всё рассказывала и рассказывала.

Ночью Ольга спала плохо – ее мучила совесть. И когда пришли в Смоленск, она молилась так жарко, так вымаливала прощение за неизвестно какие грехи, так билась головой о каменный пол, что не только богомольцы, но и священники удивлялись ее благочестию.

А через десять дней Вадима принесли домой зарезанным. Правда, не так жестоко, как отца, но голого. Убийцы сняли с него всю одежду, может, что-то искали.

На следующий день после похорон Вадима, не желая терпеть в честном доме распутницы, Ольга согнала пузатую Глашу со двора. Глаша пошла нищенствовать, и с тех пор никто ее не видел.

После похорон Вадима прошел месяц, когда Ольга решила продолжить ученье.

Забот, правда, и без того было много: торговое дело, да два дома, да Даня, да младшая сестренка Маша, которой уже одиннадцать и которую скоро нужно выдавать замуж. Но Ольга наняла честного приказчика и

толковую прислугу, а Машу определила нянькой для Дани. И время для ученья нашлось.

Ольга позвала отца Антона и попросила продолжить прерванные четыре года назад уроки. Платить она будет столько же, сколько платила мама. А за лишние уроки – дополнительно.

Отцу Антону деньги были нужны – семья. И он согласился.

На втором же занятии выяснилось, что ученица не выучила урок. И что в комнате приготовлены розги и лавка. Зачем – удивился отец Антон. Чтобы это была настоящая учеба. Я за это плачу. Если ученица не знает урока, учитель должен ее высечь. Иначе это не учеба. Строго проговорив все это, Ольга принесла отцу Антону розгу, поцеловала руку, закинула сарафан на голову и улеглась на скамью. Отцу Антону ничего не оставалось, кроме как высечь нерадивую ученицу. А ученица с каждым ударом только требовала, чтобы он сек сильнее, чтоб больнее, чтоб лентяйка и сесть не могла.

На следующем уроке Ольга снова ничего не знала, и все повторилось.

А еще на следующем ученица потребовала, чтобы учитель сек ее не розгой, а рукой. Как когда она была маленькой. Так ей стыднее, так до нее будет лучше доходить, и она станет лучше учиться. Отец Антон уже не возражал ни против чего – рукой так рукой.

И вот Ольга, выставив голую попу, лежит у него на коленях, руками и ногами уперлась в пол, а отец Антон со всего маха хлопает ее по попе. Ольга ерзает и трется о рясу отца Антона.

Когда порка закончена, отец Антон замечает на рясе огромное мокрое пятно. Как будто ученица описалась. Он нюхает пятно, и понимает, что это другое. Идти с таким пятном на улицу нельзя, его нужно застирать и просушить. Ольга сразу же принимается за стирку, а потом сушит рясу утюгом. Отец Антон в это время сидит голый, закутанный в Ольгину шаль.

Чтобы такое не повторилось, перед тем, как получить следующую порку, Ольга просит отца Антона задрать рясу и пороть ее на голых коленях. А не то она снова намочит ему рясу. Отец Антон подчиняется. Пока отец Антон ее порет, Ольга с упоением трется низом живота о его колено. Когда же порка закончена, Ольга долго целует поровшую ее руку. И наконец, оторвавшись от руки, ныряет под рясу и впивается руками, губами и зубами в уже давно ставший каменным дик отца Антона.

Дальше ни он, ни она уже ничего не соображают: отец Антон брошен на спину, а не помнящая себя от счастья Ольга оседлала его дик пусей и скачет во весь опор.

Дик лопается и заливает пусю белым. Но Ольга ненасытна. Как только дик выполз из пуси, она хватает его в рот, вытягивает остатки белого и начинает гонять кожицу вокруг головки верх и вниз. Дик снова поднимается. И опять безумная скачка. Через два часа измочаленный отец Антон говорит, что больше не может.

Дальше Ольге не нужно притворяться. Теперь она учится со всем прилежанием, какое было у нее в шесть лет до первой порки. Но после каждого урока, неважно, какой хорошей ученицей она была, требует порки, а получив ее, срывает с Антона, теперь она зовет его так, рясу и прыгает на дик.

Через два месяца Ольга замечает, что в положенные дни кровь из пуси у нее больше не идет. Что это значит, теперь она знает отлично. Но рожать сейчас нельзя.

Тогда Ольга решает снова отправиться на богомолье. И на первом ночлеге находит мужика, который особенно внимательно слушал ее похвальбу про мужа. Она выманивает мужика на улицу и о чем-то с ним долго шепчется. Потом сует ему что-то в руку.

На следующий день, уже в Смоленске Ольга прежде всего находит повитуху. У повитухи она проводит три часа и выходит, слегка покачиваясь, бледная, но

довольная. Замечает кровавый след, который тянется за ней. Возвращается к повитухе, перевязывает пусю, чтобы не кровила, покупает у повитухи старую одежду, свою велит отдать нищим и отправляется в церковь.

И весь день, а потом и следующий день жарко о чем-то молится, бьет головой о пол, лежит ниц – только, чтобы бог простил ее.

Через два дня она дома. А еще через пять приходит страшная весть: попадью, жену отца Антона, зарезали. Ее нашли голой возле церкви. Всю одежду унесли. Такое горе!

Ольга немедленно бросается в дом Антона – утешать. Они плачут вместе. Потом Ольга предлагает забрать оставшегося сироткой трехлетнего Гаврюшу к себе. У нее Гаврюше будет лучше. Отец Антон так раздавлен, что не возражает.

Через день похороны. Ольга рыдает громче всех.

На следующий день после похорон отец Антон приходит к Ольге – урок, и сына повидать. Гаврюша бежит ему навстречу и рассказывает, как хорошо ему у тети Оли, какая тетя Оля добрая. Ольга подхватывает Гаврюшу на руки и осыпает поцелуями. Потом дает самую большую сладость и отправляет играть, все игрушки у него теперь новые.

Оставшись с Антоном наедине, Ольга говорит, что уроки они продолжат позже. А сейчас им надо пожениться. И поскорее.

Через две недели вдова и вдовец венчаются, и Антон переходит жить в просторный ольгин дом – тот, в котором она выросла. Теперь каждую ночь происходит то, что раньше происходило на уроках. Сначала порка: Антон порет Ольгу розгами или рукой. А потом они сливаются и уже не могут оторваться друг от друга.

И при этом каждый день Антон дает Ольге очередной урок, и, как когда-то, не может наудивляться, какая хорошая у него ученица.

А ученица еще и мать самая заботливая: и для родного сына, и для приемного. Правда, Гаврюше часто достается по попе. Но с детьми иначе нельзя. А порет Гаврюшу Ольга так, что он и не плачет почти. Не на лавке, а у себя на коленях. Никогда не розгой, а всегда только ладошкой. И чтобы попке было не слишком больно, а так, чтобы только запомнил. Да еще сначала нашлепает, а потом только что нашлепанную попу сама же и целует. Так, что наказанный уже не плачет, а хохочет от счастья – какая новая мама добрая!

Через месяц Ольга знает, что снова беременна. Но теперь скрывать это ни от кого не нужно. Разве что от Антона. Чтоб не придумал спать отдельно. Так что Антон узнаёт о беременности жены только через полгода: Ольга после первой беременности осталась пухленькой, как заметишь? Антон даже удивлялся – столько вместе, а все ничего.

И каждый вечер у них урок. И каждую ночь – сначала порка, а потом слияние.

Через девять месяцев у Ольги и Антона рождается дочка. А еще через одиннадцать – сын.

Но странное дело – такая нежная с первенцем и с пасынком, Ольга для детей от Антона мать, куда менее заботливая. Обоих сразу же отдает нянькам, и, если бы не нужно было избавляться от молока, которое так и распирает ей грудь, взяла бы и кормилицу. Но какая кормилица – она сама молоком просто сочится. И Ольга кормит обоих своих младенцев одновременно: одной грудью месячного сына, другой – годовалую дочку. А мысли ее не здесь – с Антоном. Изголодавшаяся по мужу, она с трудом может дождаться ночи.

Но Антон изменился. Уже не так охотно он сечет ей попу. И чуть ли не по обязанности, совсем без былой пылкости натирает диком пусю. Не пять раз за ночь, как вначале, а хорошо, если два. Всё свое время он проводит в церкви или за книгами.

А дом и всё купеческое – на ней, на Ольге. Впрочем, на дом у нее времени нет вовсе – домом занимается ключница. Но с купеческим делом так не получается – приказчику всего не поручишь. Надо заниматься самой.

А как же иначе? Столько детей – кто их обеспечит? Не Антон же – он к коммерции равнодушен. У него своё. Значит, позаботиться о доходах нужно ей. Больше некому.

Если хочешь торговать с прибылью, нужно ездить: здесь дешево купил, там дорого продал. Иначе нельзя. И пятнадцатилетняя Ольга, как ей ни жаль расставаться с Антоном, задумывает дальнюю поездку – продать в Царьград пушнину.

Два месяца Ольга скупает меха у охотников между Смоленском и Ржевом. Готовит лодку, нанимает людей, запасает всё необходимое. И, наконец, с караваном таких же искателей богатства отправляется из Смоленска вниз по Днепру. Антон остается отцом четырех детей и пока нет жены – хозяином дела.

Путешествие проходило благополучно. Большинство смоленских купцов продали свой товар в Киеве и вернулись домой. Но Ольга решила плыть дальше. И больше можно заработать, и мир посмотреть.

Не было особых приключений и потом – даже когда плыли морем в Царьград. И в самом Царьграде все прошло удачно: меха ушли по очень хорошей цене.

Сам Царьград Ольгу совершенно восхитил, особенно – церковь Софии. Здесь Ольга о чем-то горячо молится несколько дней. Но успокоение к ней не приходит. По-гречески Ольга после уроков Антона говорит свободно. И даже пишет. Так что чувствует себя юная северянка в Царьграде, как дома.

Но надо решать, что делать дальше: какие за вырученные деньги покупать товары и куда их везти продавать.

Ольге давно хочется увидеть Иерусалим, она столько о нем читала! И, накупив дорогих шелковых тканей, Ольга с караваном константинопольских купцов отправилась в Палестину.

Палестина – это уже не империя. Это мусульманский мир. Пока караван шел по землям императора, всё было хорошо, но, перейдя границу, константинопольские купцы должны были перепродать свой товар купцам местным. Везти его дальше самим опасно.

Ольга получает тяжеленный, она с трудом может его поднять, мешок с золотыми монетами. Но как ими распорядиться?

Девять десятых своего богатства она тратит на покупку большого участка земли недалеко от Антиохии. Эту землю арендуют местные крестьяне, теперь аренду они будут платить Ольге. Девять десятых от оставшегося Ольга закапывает у скалы, так чтобы легко можно было найти. Закапывает ночью, одна, внимательно следя, чтобы ее никто не видел. А остальное оставляет себе на дорогу.

Обеспечив деньги, Ольга покупает паранджу, нанимает провожатого, который всем будет объяснять, что она – его сестра, и с караваном местных купцов отправляется в Иерусалим. Учить арабский Ольга начала еще в Царьграде и сейчас уже немного может на нем говорить.

Иерусалим. Дождавшись темноты, чтобы никто не решил, что она предавшая веру мусульманка, Ольга заходит в единственную в Иерусалиме церковь, церковь Гроба Господня. Там, склонившись перед плитой, на которой лежал Иисус, она снова о чем-то горячо молится. Всю ночь, пока не начало светать.

Из Иерусалима Ольга решает возвращаться домой. Только сначала нужно продать землю под Антиохией и откопать зарытое золото. Но ехать туда с караваном долго и утомительно. И Ольга решает плыть в Антиохию морем.

Однако морское путешествие безоблачным не получилось. Стоило кораблю константинопольских купцов, на который, скинув, наконец, надоевшую ей паранджу, села Ольга, отплыть из Яффы на север, как на следующий же день его захватили пираты.

Напрасно Ольга пыталась выкупить себя у пиратов. Те золотые, что были при ней, пираты отобрали сразу же. А в рассказ про зарытый клад не поверили. Только спросили, где зарыт. Но кто же станет отвечать на такой вопрос без уверенности, что его не обманут?

Так Ольга попала на рынок Иерусалима уже не путешественницей, а рабыней.

Русоволосую и голубоглазую северную красавицу купил тридцатилетний купец Саид, пришедший в Иерусалим из Багдада. Но ему была нужна не рабыня. У Саида недавно умерла четвертая жена и он искал ей замену. Ольга ему понравилась.

Ольгу отдали под присмотр уродливому евнуху, китайцу. Звали евнуха Ши Ин. Под его охраной она и прибыла в Багдад.

Первое, что Ольга узнает в Багдаде – ей нужно стать мусульманкой.

Ольга отказывается наотрез и предлагает Саиду выкуп – у нее есть деньги. Но Саид говорит, что ему не нужен выкуп. Она – его раба, и всё, что есть у нее, и так его. И что мусульманкой ей стать придется все равно, хочет она того или нет.

Ольга рассказывает, что у нее муж, дети. Но Саида это не смущает – тот муж не муж по нашему закону. На это Ольга плюет ему в лицо. И тогда Саид зовет Ши Ина.

Ши Ин отводит Ольгу в маленькую комнатку. И привязывает за руки к кольцу, вделанному высоко в стену. Раздевает догола. И начинает хлестать по попе широким кожаным ремнем. К его удивлению, хотя бьет он сильно, Ольга очень довольна – сама старается подставить попу под ремень и после каждого удара

хохочет. Ее так давно никто не порол! А ремень Ши Ина почему-то оказался таким же сладким, как розги Антона.

После двадцатого удара Ши Ин видит, как Ольгина пуся выбрасывает мутноватую струю. Еще двадцать ударов – и такая же струя. Ольга кричит, но не от боли, а от удовольствия. После третьей струи Ши Ин понимает, что ремнем здесь ничего не добиться. Он оставляет Ольгу привязанной и выходит из комнатки.

Через десять минут Ши Ин втаскивает металлическую ванну, на дне которой лежит каменная плита. По краям плиты – пять колец. Ши укладывает Ольгу в ванну. Привязывает ей руки у локтя, но так, чтобы пальцами она могла дотянуться до рта, к двум кольцам. К двум другим – ноги повыше коленок. К пятому кольцу Ши присоединяет металлический ошейник, который застегивает замком на Ольгиной шее. Рядом с ванной Ши ставит кувшин с водой. В кувшин опущена длинная гибкая соломинка. Середина соломинки закреплена у края ванны. Второй конец соломинки – возле Ольгиного рта, пить она может столько, сколько захочет.

Ши Ин объясняет, что из ванны Ольгу выпустят только тогда, когда она признает Мухаммеда пророком и утопит в ванне свой крестик. Кормить тебя будут четыре раза в день.

Но Ольга думает не про еду – ей надо в уборную. И тут она узнает, что в уборную ее пускать не будут. Совсем. Всё – только под себя.

До вечера, когда принесли ужин – гороховый суп и соленую рыбу, Ольга описалась только один раз. Но через полчаса после еды живот у Ольги стало крутить так, что она не выдержала. Ей и без того давно нужно в уборную, а тут еще и в суп что-то подмешали, конечно, слабительное. И Ольга опорожняет кишечник прямо под себя. Затем разбавляет коричневую жижу желтой, из пуси.

Когда Ши Ин приходит на следующий день, в его ноздри вставлены ватные затычки. Завтрак такой же – гороховый суп и соленая рыба. Три дня Ольга пробует не притрагиваться к еде. Но без воды она не может. И ванна всё больше наполняется желтым.

Через неделю жижа доходит ей до носа, и Ольга всеми силами удерживает свои позывы, чтобы не захлебнуться. Тогда Ши Ин отчерпывает из ванны два больших ковша. И пытка продолжается. На десятый день Ольга сдается: "Нет бога, кроме Аллаха и Мухаммед – пророк его, утопи мой крестик".

Ши Ин достает Ольгу из ванны и снимает у нее с шеи золотой крестик. Но не топит его, а сует в карман. И ведет мыть.

Отмывал он Ольгу целую неделю. Пока восточным благоуханиям не удалось справиться с запахом проведенного в ванне времени.

Затем Ольгу ведут к новому мужу. Саид объясняет, что отныне Ольга должна беспрекословно его слушаться. За непослушание ее будут наказывать ванной. У нее будет всё, что она захочет. Нужно только попросить. Никогда ни один мужчина не должен видеть ее лица. Выходить из дома она может только по разрешению. Перед тем, как вести к мужу, Ши Ин будет стегать ее, как она любит. Она должна немедленно отдать мужу землю, которую купила, и рассказать, где она закопала деньги. И, наконец, последнее – ее очередь наступит только на следующей неделе, после третьей жены.

И у Ольги еще один раз началась новая жизнь.

Через десять дней Ши Ин разбудил ее и отвел к Саиду. Голой. Сам пороть не стал, отнес свой широкий кожаный ремень Саиду. Саид взял ремень, сунул Ольгину голову под мышку и стал стегать попу. Эта порка показалась Ольге такой же сладкой, как когда ее порол Ши Ин. Через десять ударов, когда из Ольгиной

пуси стала сочиться струйка, Саид откинул ремень, кивнул, чтобы Ши Ин уходил, уложил Ольгу на кровать и, наконец-то, погрузил дик в ее пусю.

Дик у Саида оказался маленьким и вялым. Не прошло и минуты, как всё было кончено, Ольга даже ничего не почувствовала. Саид уже хотел позвать Ши, чтобы тот увел Ольгу.

Но Ольга знаками показала, чтобы он не торопился. Она схватила дик Саида и зажала, между своими грудями. Потом стала играть с диком, то целуя его, то легонько шлепая ладошкой, то разминая пальцами, то облизывая... Саид уже больше не думал про Ши Ина. От Ольгиных ласк дик стал крепким, каким Саид его давно не помнил.

Саид лежит на спине с диком, торчащим вверх. А Ольга усаживается на дик, но пока не шевелится. Она прижимается грудью к Саиду, приподнимает попу, берет правую руку Саида пониже кисти и шлепает себя по попе его ладонью, показывая, что нужно делать.

Саид понял и стал легонько шлепать Ольгину попу. Ольга таким же образом показала, что шлепать надо сильнее.

Через две минуту Саид уже хлопал по попе изо всей силы, а Ольга сидела на Саиде всё так же неподвижно и всё так же прижав обе груди к груди Саида. Из пуси на живот Саида текло что-то полупрозрачное, чего не было ни у одной из его жен, а сама пуся мерно сжималась и расширялась, доставляя Саиду незнакомое ему раньше наслаждение.

И здесь Ольга взорвалась. Она запрыгала на дике и, извиваясь всем телом, стала покрывать голову Саида поцелуями. Отрываясь, она визжала в экстазе. Уже не струйка, а струя лилась из пуси на Саидов живот.

А он лежал, боясь пошевелиться, чтоб только не прервать это новое наслаждение. Наконец, Ольга дико закричала, впилась в рот Саида, просунула длинный язык куда-то к горлу и стала чиркать по нёбу. А потом

замерла и обвисла на дике покорной рабой, приглашая Саида кончить.

Это покорное тело Саид стал подбрасывать верх диком. Подброшенное тело опускалось и Саид снова подбрасывал его верх. Еще несколько минут, и дик Саида лопнул. А затем стал сжиматься и выползать из пуси.

Придавив Саида грудью, Ольга лежала сверху. Но недолго. Перевернувшись лицом к ногам Саида и приблизив пусю к его лицу, она снова стала ласкать дик.

После третьего раза Саид заснул, впервые не приказав евнуху увести жену. Утром он проснулся от того, что Ольга снова ласкала дик. И еще один раз – четвертый. И первый раз в жизни Саида – утром.

Всё было кончено. Никаких трех жен. Только Ольга.

Всё, что она прикажет – платья, духи, украшения – всё немедленно должно быть ей доставлено.

Но, странное дело, Ольга прежде всего попросила не платья и не украшения. А книги. И учителей. Конечно – евнухов. Но знающих языки и науки.

Первым таким учителем стал Ши Ин. Кроме арабского, на котором Ольга уже совсем прилично начала говорить, Ши учил ее персидскому и китайскому. Потом появился другой евнух – учитель испанского и латыни. И еще один – математик и врач. Занятия с ним Ольга полюбила особенно.

Учителям было строго приказано не наказывать ученицу, даже если она будет просить. Пороть Ольгу широким кожаным ремнем можно только мужу.

Прошло два месяца, и к радости троих оставленных жен Ольга объявила Саиду, что беременна. Но их радость была преждевременна. Только раз в месяц Саид требовал одну из трех. И не более, чем на полчаса. Остальное время, ночи и дни, если только он был дома, Саид проводит с Ольгой.

Правда, он старается не слишком терзать диком беременную Ольгу, но удержаться мог не всегда. Тем

более, что Ольга, хоть и беременная, все время просилась сама. Если не в пусю, то как-то иначе – в рот или в попу. Она уже многому научила Саида из того, что запрещено Кораном и о чем он раньше и думать стыдился, но что оказалось таким сладким.

Когда в первый раз Ольга, стоя на коленках и левом локте, правой рукой взяла Саидов дик, готовый уже погрузиться в пусю, чуть приподняв, приставила его к полураскрытой дырочке попы и сама стала налезать попой на дик, Саид попробовал было сопротивляться. Ведь харам. Он даже слегка шлепнул Ольгу по левой половинке попы. Но Ольга выпрямилась, впилась ему поцелуем в губы, и, нескоро оторвавшись, сказала, что в любви всё халяль. А затем, облизав дик, снова опустилась на локоть и вложила мокрую головку в ставшую еще шире дырочку. И дырочка, будто сама, втянула дик в себя. Больше Саид не сопротивлялся. Следующей ночью он уже сам просил Ольгу раскрыть дырочку.

Об Антоне и оставленных в России детях Ольга старалась не думать. Зачем? Сбежать она не могла, да и куда бежать от такой счастливой жизни?

Постепенно Саид стал рассказывать Ольге о делах, а Ольга неназойливо советовать, как их лучше сделать. Сначала Саид слушал ее насмешливо – что может женщина, да еще такая молоденькая, понимать в делах? Но как-то раз решил послушаться. И заработал в три раза больше, чем ожидал. После этого насмешки прекратились: больше Саид без Ольги ничего не решал.

За четыре года Ольга родила Саиду двух сыновей и двух дочерей. И, как когда-то Даню, буквально испепелила всех четверых материнской любовью. Пока младшей не исполнилось пять лет. Было время, когда она даже уроки забросила – всю себя отдавала детям и мужу.

Это продолжалось бы и дальше, но однажды Саид заболел – стал нарывать мешочек, который болтается

под диком. Врачи сказали, что его нужно отрезать, иначе Саид умрет. И Саиду пришлось согласиться – умирать он не хотел.

После операции Ольга не отходила от мужа, осыпая его ласками. Спать она тоже упросила Саида вместе.

Скоро Ольга заказала у мастера камнереза особое изделие – нефритовый дик с рукояткой. Сама нарисовала его, чтобы Ши Ин отнес мастеру.

Когда дик принесли, Ольге он не понравился: слишком грубый, плохо отполированный и форма не такая, как у настоящего, не как она нарисовала. И Ольга велела, чтобы камнерез прислал ей свои инструменты, она сама исправит дик.

Ольга никогда не держала в руках инструменты для работы с камнями. И вообще никаких инструментов, кроме розги, она в руках не держала. Но странное дело – у нее все получилось очень быстро и хорошо. Теперь нефритовый дик был копией настоящего. И был гладким-прегладким.

Инструменты отослали назад камнерезу, а нефритовый дик Ольга отдала Саиду. Чтобы он мог, когда ему захочется, натереть этим нефритовым диком Ольге пусю. Или попу. И примерно раз в неделю Саид это делал. Ольга становилась на четвереньки, и Саид ублажал ее. И себя тоже – ему очень нравилось, когда из пуси Ольги прямо ему в рот выбивалась струя.

Но нефритового Ольге было мало. Чем дальше, тем больше ее мучило желание, которое не давало ей спать, особенно, когда она она была одна, без Саида.

Ольга попробовала утолять желание руками – изглаживать бугорок в верхнем уголке пуси, пока пуся не выбросит мутноватую струю. После этого она обычно засыпала. Но иногда, чтобы заснуть, ей нужно было выбросить мутноватую струю дважды.

Как-то на уроке, теперь она возобновила уроки, Ольга пожаловалась учителю-врачу, что не может спать. На следующий урок учитель принес ей склянку и сказал,

что нужно капнуть из склянки одну каплю в стакан воды и выпить. Склянки хватит на полгода.

Ольга попробовала, и, действительно, через полчаса заснула так, что проснулась только на следующий день после полудня. Но больше она это снадобье не пила, а склянку поставила среди своих духов. Через полгода Ольга попросила у учителя еще такую чудесную склянку. И поставила вторую склянку к первой.

Теперь всё чаще Ольга рассказывала Саиду о тех прекрасных соболях, которых она когда-то привезла в Константинопль и о том, как дороги на ее родине персидские товары. Саид слушал с интересом и расспрашивал о ценах. Так он узнал, что за изумруд размером с горошину можно получить сто соболиных шкурок, а за такой же рубин – и сто пятьдесят.

Потихоньку в этих разговорах у мужа и жены составился план торговой экспедиции. Отвезти в Россию шкатулку самоцветных камней и вернуться с кораблем соболей. Ольгу Саид, конечно, возьмет с собой. Как переводчицу, и просто чтобы быть вместе, Саид уже давно и подумать не мог, чтоб остаться одному, без Ольги. Дети уже большие, побудут несколько месяцев без матери, ничего страшного.

Чтобы заполнить шкатулку самоцветами, Саид заложил почти всё, что у него было: три дома в разных городах и пять участков земли, включая тот, который купила когда-то под Антиохией Ольга. Незаложенным остался только их дом в Багдаде. Всё остальное богатство ушло на покупку драгоценных камней. Но дело того стоило.

До Ярославля большой корабль, готовый принять на борт тысячи шкурок, доплыл без приключений. Но когда Ярославль был уже виден и они остановились на ночлег, случилось несчастье. Среди ночи корабль загорелся. Да еще и сорвался с якоря. Так на середине реки и сгорел. Никто из двадцати трех человек, бывших на корабле, не спасся. И, что совсем странно, даже не попытался

спастись. Как будто все они были опоены каким-то дурманом.

Через четыре дня в Ростов пришла блаженная странница, вся в грязи, в рубище и с большим деревянным крестом. Крест бил юродивую по животу, свисая с шеи на тяжелой железной цепи. Повыше креста на веревке болтался грязный мешочек. Возле церкви ради Христа ей дали кусок хлеба, половину которого странница тут же съела, а вторую спрятала в свой мешочек. Наутро вместе с другими божьими людьми она ушла в Новгород.

А тремя днями раньше у ворот Ярославля объявилась голая сумасшедшая и стала выть, что на дороге из Суздаля ее кто-то ударил по голове и очнулась она в чем мать родила. Стражники слушать дурочку не стали, оттащили в кусты, уложили на спину и по очереди начали раздирать ей пусю, как оказалось, никогда не знавшую дика. Сумасшедшая сначала кричала что-то про грех, но когда подошла очередь третьего, уже только хохотала и мерно подбрасывала насильника вверх. Это так ему понравилось, что вместо того, чтобы прогнать безумную кнутом, он отвел ее к себе домой, где она и прожила целый месяц, пока не надоела.

Божьих людей, с которыми блаженная отправилась из Ростова в Новгород, было четверо. Все – мужчины, младшему двадцать, старшему за пятьдесят. На первом же ночлеге, ночевали они в лесу, как-то так случилось, что рубище на блаженной, она спала на животе, задралось и оголило замызганную грязью попу. Заметив это, младший из божьих людей приподнял попу блаженной и ткнулся диком в пусю. Не отрывая плеч от земли, юродивая развела ноги, поджала колени и пусей вобрала дик в себя.

Когда дик обмяк и вылез из пуси, его место занял второй, размером побольше, но и помягче. Потом – третий, совсем маленький, но твердый. Потом – снова

первый. Так продолжалось часа два: божьи люди меняли друг друга, крест лежал на земле между коленями блаженной, цепь, на которой он висел днем, мерно позванивала, и по грязным ногам юродивой текло белое. Блаженная была готова стоять так и дальше, но божьи люди обессилили. На следующую ночь все повторилось. И на третью, и на четвертую....

До Новгорода блаженная с божьими людьми не дошла – простилась с ними в Торжке. Там она пристала к другим божьим людям – трем старикам, которые шли в Смоленск.

Через месяц Ольга подошла к своей деревне, где не была двенадцать лет. Здесь, в знакомом лесу, как когда-то под Антиохией, она ночью закопала свой мешочек, оставив себе только завернутые в грязную тряпку подарки сестрам и дочери – два рубина и жемчужное ожерелье.

И вот она в деревне, дома. Дома. Но дома не было. Ни дома, в котором она выросла, ни дома отца Вадима. Два пустыря.

Ольга пошла к старшей сестре, Дуне, своей первой учительнице в женских делах. Ее встретила немолодая, уже начавшая седеть женщина, которая почему-то вместо того, чтобы обрадоваться, как-то странно на нее посмотрела.

Не узнаешь? Нет, узнаю. В дом Дуня Ольгу не позвала, а почему-то повела к лесу. То и дело оглядываясь, не видит ли кто.

На опушке леса сестры сели на поваленное дерево, и Дуня всё Ольге рассказала. Месяца через три после того, как Ольга отплыла в Царьград, поймали разбойника, который зарезал жену отца Антона. И он признался, что зарезал ее за деньги. А заплатила ему Ольга.

Антон, который присутствовал на допросе, совсем обезумел. Бросился на разбойника и проломил ему голову своим наперсным крестом. А на следующий день всех троих Ольгиных детей – двух мальчиков и девочку

– запер в комнате и сжег вместе с домом. Потом сжег и дом отца Вадима. Потом перерезал горло себе.

Сын его, Гаврюша, вырос у Маши, вместе с ее детьми, родственники матери и отца Гаврюши взять его к себе отказались, Дуня тоже не смогла – муж запретил. Маша держала приемыша в строгости, до семи лет секла каждый день, так что мальчишка вечно ходил зареванный и глаза испуганные. Сейчас он в Киеве, в монастыре, учится, хочет стать священником, как отец. Вот-вот должен приехать к приемной матери.

Дуня смотрит на Ольгу горящими глазами. Ты правда наняла разбойника убить жену отца Антона? Ольга с плачем бросается на шею сестры. Та отстраняется и семенит к дому.

Надо уходить!

Но уйти не получилось. С околицы к ним уже бежали три мужика. Они связали Ольгу, бросили на телегу и повезли в Смоленск, к князю.

По дороге Ольга попробовала выкупить себя: возьмите красный камень, он стоит сто гривен. Но мужики только посмеялись: ври больше – за стекляшку сто гривен.

У князя Ольгу передают дознавателю-палачу. А рубины и жемчуг, пока идет дознание, относят в княжескую сокровищницу.

Палач, мастер своего дела, подвешивает Ольгу к потолку, а ноги растягивает веревками в стороны. Ты наняла убийцу? Не я. Палач сечет Ольгу кнутом. И видит, что ее пуся становится мокрой. Палач запускает в пусю палец и усмехается. Ты наняла? Не я.

Тогда палач берет клещами длинный гвоздь и до красна раскаляет. Этот гвоздь он подносит к Ольгиной пусе. Ты? Я.

Наказание оказалось неожиданно мягким – сорок гривен. Восемь килограммов серебра. Конечно, Ольга заплатит. Одно ее ожерелье стоит куда больше. Такого нет и у великой княгини. Возьмите, только отпустите.

Ольга выходит с княжеского двора. Свобода! И видит молодого монаха, совсем еще мальчишку, похожего на Антона. Гаврюша! Тот самый, кому она сначала шлепала попку, а потом нашлепанную зацеловывала. Тот, которого так баловала, так любила. Конечно, он.

Раскинув руки, Ольга бежит к пасынку. А он – к ней. Сейчас она его обнимет. Расцелует. Вот он уже совсем рядом. И тут что-то острое бьет ее по горлу.

Дальше Ольга видит только свое тело, еще извивающееся на земле. А рядом – монаха с ножом. Кровь с ножа капает на ее рубины.

III

Полночи проспорил Олег с братом – чье поприще важнее: воина или священнослужителя. Брат Андрей говорил – воина, Олег – священника. Так и заснули, не договорившись.

Братья они только наполовину – отец, боярин Ростислав, у них общий. А матери разные. У Андрея – боярыня Елизавета Васильевна, жена отца. А у Олега – ключница, красавица Марфа.

У отца еще много детей – только законных пятеро сыновей и четыре дочери, а незаконных – так и не сосчитать, боярин всех и не знает. Но Олега отец любит и воспитывает вместе с законными сыновьями. Только те старше Олега, самый младший из них Андрей и тот на год старше, ему четырнадцать.

Отец – окольничий князя, доверенное лицо и ближайший друг.

Больше всего Олег любит поговорить о Божественном. С шести лет его обучали грамоте по Евангелию. Сначала дьячок, а потом священник, отец Валентин. Теперь Олег знает Библию получше многих священников. Прочел от доски до доски раз двадцать, наверное. Но всё равно каждый день перечитывает. И

как начнет, так оторваться не может. Разве что – чтобы поговорить о прочитанном.

А поговорить-то ему и не с кем. Только с отцом Валентином. Но у отца Валентина мало времени для бесед с Олегом.

Мечтает Олег стать монахом и уйти жить в монастырь. Но и мать, и отец хотят для него другого.

Быстро выучился Олег не одной грамоте, но еще и языкам: знает и по-гречески, и по-татарски, конечно. Это самое главное, этому детей знатных родителей учат с колыбели. Знает и по-арабски, это тоже в жизни может пригодиться. Особенно, если в Орду случится ехать. А еще немного – по-литовски, по-латински и по-немецки. Раза два в год приезжает в отцовскую вотчину купец из Литвы. Тогда Олег крутится возле него все вечера. Чтобы выучиться языкам. Купец знает их много.

Отец считает, что с такими талантами Олег может и заморской торговлей заниматься, и при посольствах толмачом состоять.

А матери все равно – был бы уважаемым человеком, неважно купцом ли или еще кем. А какое уважение монаху? Его и не видит никто. Да и денег у монахов не водится, а без денег что за жизнь?

Олег недавно просил отца отпустить его на лето в Пустынь.

Об этом Олег мечтает уже два года. С того дня, когда отец Валентин рассказал, что в Библии скрыта тайна мира и Бога. Только она записана в Библии так, чтобы не каждый мог прочесть. И что только несколько человек во всем мире, великие мудрецы, знают эту тайну. Олег сразу же пристал – что за тайна, но отец Валентин сказал, что сам он не удостоился.

А кто знает? И тогда отец Валентин назвал знаменитого отца Теодосия, который живет далеко на севере, за Волгой, в Пустыни. Там отец Теодосий спасает монахов.

С этого дня Олегу не было покоя – в Пустынь. Но кто отпустит туда одиннадцатилетнего мальчугана. А вот тринадцатилетнего могут и пустить. И Олег повалился отцу в ноги.

Но у отца другие планы: из Сарая пришел приказ бить соседа, князя Мстислава. За то, что тот прислал дани меньше предписанного, а воинов для царского войска не прислал вовсе. Вот Орда и велит ослушника наказать.

Царские указы не обсуждают, надо собирать дружину. Пойдут все бояре, кто может драться. Конечно – и Ростислав. Ну, и понятно – боярские дети: сыновья должны идти драться вместе с отцом. Выступать надо через неделю. Какая тут может быть Пустынь!

Драться Олег научен не хуже других: и мечом, и копьем, и из лука стрелять. Всему этому детей начинают учить лет с трех, с четырех самое позднее.

Сначала они рубились с Андреем деревянными сабельками. Потом им сделали маленькие мечи, и дрались они уже, чтобы не покалечились, под присмотром дядьки – солдатика, потерявшего в сражениях два пальца на левой руке и три на правой. Он же учил их и ездить на лошади. Но это потом – когда они подросли.

Мальчики не должны бояться крови. И первой своей курице Олег отрубил голову, когда ему было пять лет. Дядька прижал голову молодого петушка к доске, а Олегу дал маленький, но острый топорик.

Получилось у Олега только с третьего раза. Петушок пытался биться, но дядька крепко его держал. Олегу было жалко петушка, и он заплакал. Тогда дядька сказал, что плачут только девчонки. И Олег тюкнул петушка по голове. Но удар вышел совсем слабым: топорик даже не перерубил перья. Олег замахнулся топориком второй раз из-за головы и снова ударил. Из шеи петушка потекла кровь. Но разрез был неглубокий, и петушок продолжал биться. Олег бросил топорик и

закрыл глаза ладошками. Но дядька топорик поднял и снова подал его Олегу.

Девчонкой быть стыдно, и Олег в третий раз ударил топориком по петушиной шее. На этот раз голова отвалилась. Дядька бросил петушка на пол и обезглавленное тело забило крыльями. Это было особенно страшно, и Олег снова заплакал.

Но были не одни петушки. Через год мальчиков стали учить сечь холопских детей. Поймает садовник мальчишку, который залез за яблоками, отведет к дядьке, а тот зовет баричей. Дает им прутья потолще, виновного укладывает на скамью, привязывает ему ноги, а сам держит за руки. Олег с Андреем становятся по разные стороны скамьи. Начали. Кто первый допорет до крови: после чьего удара из попы пойманного потечет кровь. Олег по одной половинке попы бьет, Андрей – по другой.

Пороть детей Олегу сразу понравилось. Приятный холодок прокатывался у него по низу живота. И когда поротые дети кричали и плакали, ему это тоже очень нравилось.

Сначала Олег все время проигрывал Андрею, тот был старше и сильнее. Но Олег быстро в этом деле Андрея догнал и опередил. Очень редко Андрею удавалось выиграть. Удар – красная полоса. Еще, еще, еще. А вот – синяя. Еще, еще, еще – кожица надсекается и на синем показывается красное. Еще, еще, еще, еще, еще. Наконец-то! Красное закапало. Победа!

Секли братья и мальчиков, и девочек. Только Андрею больше нравилось сечь мальчиков, а Олегу – девочек. А особенно ему нравилось, когда девочка под розгой писалась. Это часто случалось, особенно с маленькими. Только, когда Олег видит, как между ножек у девочки побежал желтый ручеек, он начинает бить не так сильно, чтобы продлить наказание. И проигрывает Андрею.

А в девять лет братья секли девочек уже не наперегонки. Поймает лесник девочку в боярском лесу,

приведет, отдаст дядьке. Дядька ее уложит на скамью, руки и ноги привяжет, зовет Олега, а сам уходит. Олег на этот зов мчится со всех ног. Девочка плачет-надрывается, прости ради Христа!

Олег медленно поднимает ей подол – чтобы попа постепенно показывалась. Розгу выбирает потоньше. Сначала погладит попу и ножки руками. Потом медленно проведет по попе розгой. Потом тихонечко ударит. Так, чтобы совсем не больно. Потом – чуть сильнее. Потом еще и еще. Потом спросит, хочет ли писать? Девочки думают, что он их сейчас отпустит, и всегда отвечают – хочу. Но Олег отпускать и не думает. Давай здесь. Под себя. А то засеку.

Девочка постесняется писать, но, как получит хлесткий удар-другой, сразу слушается. Даже если не хочет – постарается. Но не хочет – это редко, обычно она уже давно терпит, только проситься стыдится.

Потом Олег оботрет девочке место, которым она писала. И снова сечет. Но не сильно и не торопясь. Чтобы крови не было. Чтобы пороть подольше.

Но очень долго всё равно не получается: через час, самое большее через два, кто-нибудь обязательно приходит узнать, как дела, почему так долго. Тогда Олег начинает бить уже иссеченную попу девочки изо всех сил. Вот и кровь пошла.

Воровку отвязывают и отпускают домой. Дома ей мать еще добавит.

А еще были борьба, кулачные бои, бег наперегонки, поднимание гирь и много еще чего в том же роде. Девять десятых учебы уходили на это. На науки оставалась одна десятая. Но именно ее-то Олег и любил больше всего.

С трех лет главной игрой мальчиков была игра в войну. В пять они уже были командирами над ватагами деревенских мальчишек, которых специально приводили на боярский двор.

Некоторые из этих солдатов были на два-три года старше командиров. Но слушались беспрекословно. Не дай бог, командир пожалуется взрослым – запорют до полусмерти.

Им и без того доставалось. Командир в любой момент мог приказать спустить с плохого солдата штаны и высечь крапивой. Свои же, деревенские этот приказ и выполняли. А командир стоял при наказании и командовал: ещё по ногам добавь, ещё по спине...

Но на настоящей войне Олег никогда не был – молод. Да и не хочется ему сейчас воевать. Когда маленьким был, только о том и мечтал, чтобы большие взяли его на войну. А подрос – голова другим стала занята. Но что толку – отец как царь, с отцом не спорят.

К стенам города Мстислава пришли за пять дней. Князь послал к Мстиславу послов. Передать царский указ о наказании. И приказ ехать к царю – молить о прощении. Мстислав послов принял, но в Орду ехать отказался.

Тогда стали город брать. И быстро взяли – укреплений-то никаких.

Ворвались и стали наказывать: дома жечь, церкви, запасы увозить, кто с оружием был – убивали сразу, остальных собирали, чтоб гнать в Орду.

Олег видит, как у старика, княжеского гусельника выбили копьем глаз. Видит, как старший брат его, Святослав, на три года старше Андрея, гонится за совсем молоденькой девушкой. Хватает за болтающуюся ниже попы русую косу и бросает на землю. Юбку кверху, и на нее. Девчушка кричит, ножки свела, в глазах зеленых ужас.

Мать девчушки в ноги к Святославу: пожалей, не бесчесть девку. А Святослав матери мечом прямо в сердце. И не вытирая от материнской крови, вставляет этот меч между ног девчушке – поднимай ноги, а не то разрежу снизу доверху.

Бедняжка ноги подняла, развела в стороны, Святослав порты спустил и диком с размаха в девичью пусю, пленочкой закрытую. Кровь так и хлынула. Девочка кричит, а Святослав и кончать не стал, погнался за другой. И то же самое. Только на второй он задержался, видно понравилась. На первую же тем временем другой дружинник упал, нечего добру пропадать.

Княгиню, жену Мстислава, ту так просто зарубили вместе с мужем. Сыновей тоже. А дочерей портить по десять дружинников в очередь выстроились. Из троих живой после этого только одна осталась. Да и она той же ночью удавилась.

Старшие сыновья отца, Дмитрий, ему уже двадцать один, и Константин, этому девятнадцать, устроили соревнование – кто больше девичьих пленочек проткнет. Согнали девочек, незамужних, лет двенадцати-четырнадцати, не старше. Выстроили на четвереньках в два ряда головами друг к другу. И командуют: сарафаны на голову. Ноги развести и коленки к подбородку, чтоб попы были оттопырены, а пуси – выставлены. Тех девочек, кто так становится не хотел, по попе, нагайкой. Но только два раза. Если после двух ударов девочка как ей приказано не становится, ее ставят на ноги и мечом под грудь – оттаскивай. Но такая упрямица только одна нашлась.

Построив девочек, Дмитрий и Константин подвязали себе рубашки повыше, к шее. И началось. Девочка за девочкой. Кто больше. Проткнул, окровавил дик. Показал всем кровь. Обтер дик подолом сарафана. И – следующую пленочку. Пока дик не лопнет и не повиснет. Кто больше?

Победил младший, Константин. Он вытер кровь с дика двадцать три раза.

А испорченных девок раздали тем, кто хотел. Чтобы закончили. Андрей тоже пошел было взять одну. Но отец не пустил – молод еще, успеет.

А дрались Олег с Андреем, как взрослые. Олег зарубил двух сверстников, а Андрей – пять человек. Зато из лука Олег застрелил троих – одного мужика и двух баб, а Андрей – только одну бабу.

Всё, что в домах ценного было, забрали и вернулись домой. Князь отправил царю гонца с отчетом. А за гонцом – караван с угнанными. И с данью, что не доплатили.

Через три месяца гонец прискакал назад: царь наказанием доволен. Караван с рабами дошел. Людей кого раздали, кого продали. А царь шлет нашему князю ярлык на княжение мстиславовым княжеством.

Олег снова пошел к отцу проситься в Пустынь. В этот раз ему повезло: отец был в хорошем настроении и разрешил. Что сделаешь, если парень так просит? Долг свой выполнил, пусть гуляет отрок.

Пустынь спрятана в лесах далеко на севере. Добираться туда на лошади нужно не меньше недели. Это с переправой через Волгу. Отец дал Олегу провожатого. И они поехали.

Приняли Олега в Пустыни ласково. И Олег стал жить монахом. Как ему и хотелось. Молитвы весь день, между молитвами – работа-послушание.

А после вечерней молитвы – главное, поучения старца. Впрочем, отец Теодосий, не такой уж и старый – и пятьдесяти нет. Седина на его русых волосах незаметна. И сам он крепок.

Как же эти уроки были сладостны! Как мудр был старец, сколько повидал, сколько знал! О чем только ни рассказывал! И главное – про тайны Писания. Которые становятся известны лишь избранным. Избранные эти разбросаны по всему миру: от Китая до Европы. Он, отец Теодосий, встретил таких двух. Одного – на Афоне. Другого – в Иерусалиме.

Только выходило непонятно. Со слов старца получалось, что второй избранный был нехристем. И

мало того, выходило так, что в любой вере есть свои избранные, знакомцы и знатоки Бога. Раньше от отца Валентина Олег такого не слышал.

Отец Теодосий полюбил Олега и часто оставлял его в келье, когда братья расходились. Отвечал на бесконечные вопросы Олега, а потом благословлял его на ночь, нежно целуя в лоб и губы.

А недели через две, а может и через три, получилось не так. Поцеловав Олега, как обычно, в лоб и губы, отец Теодосий его не отпустил. А обнял и стал ласкать. Любишь ли ты меня, отрок? Больше жизни, отче. Тогда иди ко мне. Отец Теодосий сам снял с Олега рубашку. Потом – штаны. И стал целовать Олега. Всего: от лба до коленок. Олег стоял, не смея отстраниться. Только пискнул что-то про грех. Любовь не грех. Помнишь, что говорил Спаситель про любовь?

Расцеловав Олега, отец Теодосий поставил его на четвереньки на кровати. И стал смазывать лампадным маслом дырочку между половинками попы. Олегу было приятно, но почему-то страшно. Потом отец Теодосий стал дырочку гладить. И велел Олегу дырочку раскрыть. Не могу, отче, мне в уборную нужно.

После уборной отец Теодосий сам умыл Олегу попу, снова намазал дырочку маслом, пальцем проник внутрь и стал гладить дырочку изнутри. Снова велел, чтобы Олег дырочку открыл. Как открывает, когда сидит в уборной.

И наконец, отец Теодосий вынул палец и проткнул дырочку диком. При этом своей левой рукой он гладил Олегу попу, а в правую взял его поднявшийся дик.

Олег почувствовал, как и в попе, и в дике у него всё кипит, и дик выбрасывает отцу Теодосию в ладонь какую-то струйку. Эту струйку отец Теодосий сразу же отправил в рот и еще быстрее стал водить диком внутри попы Олега.

Олег крутит попой от удовольствия, и отцу Теодосию это очень нравится. Потом все кончилось. Отец

Теодосий вынул из попы Олега дик и Олег почувствовал, как что-то теплое течет с попы на ноги. После этого отец Теодосий благословил мальчика спать и отпустил.

Но Олег заснул не сразу. Он долго ворочался, счастливый от того, что знаменитый старец так его полюбил.

Через два дня на третий всё повторилось. Так и пошло: днем отец Теодосий находил для Олега такое послушание, которое больше всего нравилось мальчику и которое у него лучше всего получалось. Вечером были беседы о тайнах писания. А ночью, иногда два раза в неделю, иногда три, Олег оставался в келье, чтобы отец Теодосий любил его особо.

Правда, в первые пять дней в Пустыни послушание Олегу нравилось не слишком: он должен был мыть монастырские уборные. Но, убедившись, что уборные Олег моет со всем старанием, старец дал ему послушание, куда более приятное: отправил помогать мастерам, украшавшим монастырскую церковь.

Это послушание Олег полюбил сразу же. В первый день он только тер краски. На второй взял в руку кисть и стал закрашивать фон. Главный мастер хотел дать ему оплеуху, чтобы не смел трогать кисти, но увидел, что Олег ничего не испортил, и фон у него вышел точно такой, какой мастер и сам хотел. На следующий день Олег уже красил покрывало Богородицы и снова у него вышло точно так, как его закрасил бы сам мастер. А через две недели Олег писал и лики. Хотя и не главных святых. Но мастер уже понял, что скоро мальчику можно будет доверить и главные.

Еще лучше у Олега получалась помогать мастерам, которые делали алтарную преграду. Тут нужно было вырезать по дереву. Неожиданно для всех, а больше всех для самого Олега, оказалось, что он как будто родился с резцом в руке: уже через три дня он резал дерево так

чисто и так искусно, как не мог и главный резчик. Здесь учить Олега было нечему.

Так пролетели два счастливых месяца, и Олегу нужно было собираться домой. Но Олегу домой совсем не хотелось. Он повалился в ноги к старцу и стал умолять благословить его остаться. Он целовал отцу Теодосию руки и ноги. Но старец был неумолим. Тебе, чадо, еще рано в монастырь. Тебе еще нужно пожить с людьми. А в монастырь ты сможешь уйти не раньше, чем в двадцать лет. И, спустив с Олега штаны и расцеловав ему попу, отец Теодосий Олега отпустил.

И Олег уехал, как и приехал – с присланным отцом провожатым.

Дома брат Андрей похвастался перед Олегом, что уже попробовал женскую пусю. Олег же ничего рассказывать не стал. Начал что-то про первородный грех, но быстро закраснелся и умолк.

О девушках Олег старался не думать. Грех. Но думалось все равно. Особенно – по ночам. А тут еще и дик стал чуть ли не каждую ночь во сне прыскать белым. Без этого прысканья обходилось, только если перед сном, в уборной Олег не меньше двух раз истирал дику головку кожицей, заставляя выпускать белое здесь.

Так прошло два года. В первое лето Олег смог уговорить отца отпустить его а Пустынь, где провел три месяца так же, как и годом раньше. На второй год отец сказал, что хватит. В пятнадцать лет время думать уже о другом.

Елену Олег увидел неожиданно. Собственно, не увидел, Олег знал Елену столько, сколько помнил себя. Елена была сестрой Андрея, только на три года младше Андрея и на два – Олега. Они росли вместе. Вместе играли и почти никогда не расставались. Пока Олегу не исполнилось шесть лет и их не отделили друг от друга: девочек надо воспитывать не так, как мальчиков.

Сейчас Олегу ясно припомнились те времена. Как они все бегали летом голыми. Как Еленка вместе с сестренкой Настенькой, младше ее на год, усаживались писать перед мальчиками. А Олег с Андреем писали при девочках, а иногда для смеха и друг на друга. Как Еленка брала его за писку и с интересом рассматривала или просто крутила в руках. И как это было ему приятно. А еще – как Еленка просила братиков, чтобы ей вытирали попку. И как однажды это заметила нянька и пожаловалась Еленкиной маме. И как мама забрала Еленку в комнату, а потом оттуда слышался свист розги и Еленкины мольбы о прощении и обещания больше никогда-никогда, и как через час зареванная Еленка с исполосованной маминой розгой попкой прибежала к братикам. И как он стал на коленки и целовал ей попку, а Еленка, уже забыв, что только что ревела, хохотала от радости.

Но потом девять лет Олег Елену не видел. И увидел только сейчас, случайно. У реки, где Елена купалась с Настенькой. Какой же она стала красивой! Грудки выросли, попка округлилась, над пусей – пушок. Олег стоял за деревом и не мог оторваться. А когда Елена уселась на корточки попой к Олегу, пукнула раз, потом второй и из ее попы поползло коричневое, а между ног у полилось желтое, у Олега закружилась голова и он больно прикусил губу, чтобы не закричать.

Но как можно? Ведь это Елена. Сестра. Об этом и подумать стыдно. Такой грех!

Но ни о чем другом Олег больше думать не мог. Ни днем, ни ночью. Пробовал молиться, но это не помогло.

И тогда Олег решился на страшное. Он берет топорик и идет в лес. Заходит подальше, оглядывается – нет ли кого. Кладет дик на пенек. Поднимает топорик.

И тут его охватывает ужас. Он весь трясется от леденящего страха. И чувствует, как сзади по ногам у него что-то течет.

Олег отбрасывает топорик – так и есть: все штаны в коричневом. Попало и на рубашку. Всё это надо немедленно отстирать.

Олег бежит к реке, где недавно купались сестры, раздевается и бросается в воду – мыться. Потом начинает стирать.

В середине стирки он поднимает глаза и в пяти шагах от себя видит голую Елену, с интересом за ним наблюдающую. Елена стоит, прижавшись к стволу осинки. Насти рядом с ней нет. Наверное, она давно на на него смотрит.

Олег не может пошевелиться от стыда. Конечно, Елена поняла, почему он стирает штаны. Но улыбается Елена вовсе не насмешливо. А зовуще.

Конечно, всё поняла. Но, поняв, Елена вспомнила и их детские игры. И как Олег вытирал ей попку, и как мама ее за это высекла, и как потом Олег ее высеченную попку зацеловывал. И как она крутила Олегу пиписку.

И сейчас эта пиписка, торчащая параллельно земле, тянет Елену к себе, как будто веревка. Ну, и что, что брат? Пленку свою порвать я ему, конечно, не дам. Но почему не поиграть?

И Елена сама идет к Олегу. Сама прижимается животом и зажимает дик между ног. Сама обнимает за попу. Но стоит Олегу начать валить ее на землю, Елена строго шепчет, чтобы он забыл и думать про пусю. Всё, но не это. Иначе ни ей не жить, ни Олегу.

Елена становится перед Олегом на колени, крепко зажимает дик рукой и начинает тереться о него ложбинкой между грудками. Дик немедленно обдает ее белым.

Через полчаса, не позже Елене нужно возвращаться. Еще не хватало, чтобы ее принялись искать. Но за это время она успевает еще два раза получить Олегово белое. И оба раза в рот. Потом, как когда-то в детстве, Елена усаживается писать. Она ничуточки Олега не

стесняется. Затем бросается в воду, выскакивает и бежит одеваться. Завтра здесь же.

Олег не спит полночи, молится. Грех-то какой! Ведь сестра.

На следующий день он берет Елену за руку и тащит в лес. Елена послушно идет, только всё время повторяет, чтоб он помнил – не в пусю. Но Олег думает о другом. Заведя Елену подальше, чтобы никто их не увидел, он ломает ветки березы и просит его высечь. По попе. До крови. Потому что он такой гадкий грешник. А меня ты тоже высечешь до крови? Я тоже грешница? Нет, ты не грешница, я один виноват.

Олег снимает штаны и ложится на землю. Елене это не нравится. Неудобно. Если уж ему этого так хочется, пусть ложится животом на пенек.

Олег устраивается на пеньке, и Елена начинает его сечь. Сечет она попу Олега с упоением. Попа быстро становится сначала синей, а потом и красной от крови. Но странное дело – Олег совсем не чувствует боли. Чувствует он другое – блаженство. А еще – что его дик так уперся в пенек, что приподнимает самого Олега.

Олег вскакивает на ноги и показывает Еленке торчащий дик. Елена сразу отбрасывает розгу и бросается на дик – выпивать. Через минуту в дике не остается ни капли. Еще сечь? Нет, больше не надо. Надо идти мыться. А то штаны будут красными. И Олег берет в одну руку штаны, в другую – руку Елены, и они возвращаются к реке.

На следующий день Елена придумала новое – утащила плошку со сметаной, будто лицо мазать. И сама отвела Олега на вчерашнее место, где вчера секла. Сама дает Олегу плошку со сметаной. Сама становится перед Олегом на четвереньки и просит намазать ей сметаной попу, дырочку между половинками попы. Сама разводит руками половинки – мажь.

И тут Олег видит раскрытую пусю Елены. Он уже ничего не соображает. Тыкается диком в пусю, но Елена

перехватывает дик рукой и прикладывает к дырочке – только сюда.

Олегу приходится подчиниться. Еленка трется дырочкой о дик и тужится ее раскрыть, Олег давит, но ничего не получается. И как это только у отца Теодосия так ловко выходит? Но вот, кажется, начало получаться и у него: дырочка у Елены, наконец-то, расширяется и принимает Олегов дик. Дальше – быстрее-быстрее. Пока вся попа Елены не залита белым, а головка дика не перемазана коричневым.

Стоит все та же жара, а Настя лежит больная и не может купаться вместе с сестрой. Всё хорошо, лучше и быть не может.

Но на пятый день Елена сообщает Олегу страшную весть: ее выдают замуж.

Всю ночь Олег не спит. Что делать? Отдать Елену? Невозможно. Лучше умереть. Убежать? Но где брат сможет жить с сестрой? И кто их обвенчает? И как жить невенчанными? Да и вообще, как убежать?

А если убить жениха? Нет, и это не годится. Даже если не раскроют. Ведь появится другой жених. О грехе сейчас Олег не думает. И тут Олега осеняет.

Назавтра он снова просит Елену высечь его. Они идут на знакомую полянку с пеньком. Олег снова снимает штаны. Но на пенек не ложится. Он обнимает Елену и целует долгим поцелуем. И – душит.

Елена пытается сопротивляться, но Олег гораздо сильнее. Через две минуты Елена лежит на земле и не шевелится.

Но она жива, только без сознания. Олег задирает Елене сарафан, раздвигает и забрасывает себе на плечи Еленины ноги, вставляет дик между губками пуси и давит.

Пленка лопается, и Елена открывает глаза. Она не сразу понимает, что происходит. Пуся болит, шея болит. Елена пытается крикнуть, но Олег зажимает ей рот:

поздно кричать, ты уже не девушка, будешь кричать – убью. И Елена становится удивительно послушной.

Четыре раза Олег заливает Елене пусю белым. Солнце садится, Елену уже давно ищут. На полянку вот-вот могут прийти.

И Олег второй раз душит Елену, теперь уже до конца. Душит долго, минут десять, чтобы наверняка, пока нет уже ни дыхания, ни биения сердца и прекрасные серые глаза Елены не закатываются к небу.

Наутро Елену находят изнасилованной и убитой. Ну, что ж – с девками такое случается. Убийцу и не пробуют искать. Да и как его найдешь?

Проходит год, и Олег снова отпрашивается у отца пожить в Пустынь.

В Пустыни жизнь всё та же. Не менее пяти раз за день Олег исступленно, до самозабвения молится, вымаливая прощение. Так же помогает иконописцам. Причем даже не столько помогает, сколько работает сам: расписывает стены церкви и сам пишет иконы. Этому учит его главный мастер – знаменитый грек, он снова пришел в Пустынь.

Иконы мастера переворачивают Олегу душу. Такие прекрасные у него самого не получаются. Но получаются, наверное, хорошие, недаром монахи и сам отец Теодосий плачут, когда смотрят на них.

А вечером беседы со старцем. И все те же рассказы о тайнах Богознания и о поиске Бога живого.

После беседы Олег, как и раньше, часто остается в келье. Начинается другое послушание. Только сейчас оно проходит немного иначе. До попы Олега отец Теодосий добирается теперь гораздо реже, раза два в месяц, не чаще. Но не реже двух раз в неделю он приказывает, чтобы Олег то же самое делал с его попой.

Когда это случилось в первый раз, Олег расплакался – не достоин. Почему? Потому, отче, что я страшный грешник. И Олег ткнулся головой в колени старца и

разрыдался еще сильнее. Как ты согрешил? Тогда Олег рассказывает старцу про Елену.

Когда он кончил, старец помолчал с минуту. И сказал, что этот грех Олег будет искупать всю жизнь. Но нет такого греха, который Бог не прощает. Не прощает только человек.

После этого он сам раздел Олега, голого расцеловал, взял в руку Олегов дик, открыл ему головку, встал перед Олегом на колени и поцеловал дик прямо в головку. Потом разделся сам и велел сделать то, что он приказал.

И Олег стал делать. Если старец его так любит, как он может не любить старца?

Спит Олег очень мало – почти всю оставшуюся до рассвета часть ночь он молится, молит простить его грешного.

Рассказы старца все больше разжигают в Олеге давнюю страсть – узнать те тайны, о которых рассказывает отец Теодосий.

Но как? Отправиться на Афон? А кто его пустит? Отец и слышать об этом не станет. И сколько же еще ему зависеть от отца?

Но по возвращению Олега из Пустыни все решилось само собой.

Царь приказал князю прислать в Орду ратников, будет война. Князь то же самое приказал боярам – чтобы из трех боярских сыновей один собирался в дорогу. И чтоб было при нем пятьдесят ратников. Царь требует от князя тысячу. Отец решил, что поедут неженатые – Андрей и Олег. Не беда, что Олег незаконный – князь разрешил.

Сборы были короткими, отец дал им все необходимое – деньги, оружие, коней. И братья вместе с другими воинскими начальниками поскакали к Волге. Простые ратники ушли туда же неделей раньше.

По Волге тридцатью ладьями княжеское войско поплыло в Орду, в Сарай.

Во время этого плавания Олег чувствует что-то странное: как будто он уже бывал здесь. И неприятный холодок внизу живота. Такое случалось с ним раньше только два раза, и оба раза тоже на Волге: когда он переплавлялся через нее по дороге в Пустынь. Сейчас же это чувство не оставляет его ни на минуту. Холодок пришел не один – низ живота теперь все время болит. А еще Олег стал мочиться кровью. Иногда – даже ночью, не просыпаясь. Как младенец. С трех лет с ним такого не было. И почему-то стали дрожать руки. Но через несколько дней всё это проходит так же неожиданно, как и началось.

В Сарае войско уже было почти собрано, выступать назначено через неделю.

В первый же день после приезда Олег познакомился с молодым священником русской церкви, с отцом Игнатием. Тем для разговора у них нашлось множество. Стоило Олегу сказать, что он жил в Пустыни, глаза у отца Игнатия загорелись и он принялся расспрашивать: о Пустыни, об отце Теодосии и об учении отца Теодосия. Олег рассказывал подробно, а слушатель его старался не пропустить ни одного слова. Проговорили всю ночь.

Отец Игнатий слышал про тайное знание. Но где искать учителей, не знает. Слышал про Афон, про северные пустыни. Но ничего определенного. Впрочем, ему говорил один прихожанин про оружейника Ахмета, мусульманина. Будто у него собираются ученики, и он их учит какому-то особому знанию, скрытому в их коране. Больше ничего прихожанин объяснить не мог. А где живет Ахмет? Отец Игнатий этого не знал, знал только, что где-то в оружейной слободе.

Утром Олег отправился в оружейную слободу и стал расспрашивать об Ахмете. Нашел он его быстро, в слободе Ахмета знали все.

Ахмет выслушал странного русского, просящегося в ученики, и сказал, что учиться тому, о чем просит Олег,

нужно долго – несколько лет. А какие могут быть несколько лет, когда через неделю Олегу нужно уходить с войском? А если я останусь? Тогда приходи.

На следующий день Олег испросил у своего командира, сына князя, разрешения поучить солдат забираться на стену по штурмовым лестницам. Командир Олега похвалил и велел взять на учения и солдат Андрея.

Но – надо же случиться такому несчастью – показывая солдатам, как взбираться, Олег упал с лестницы и сломал ногу, обломки кости так и вылезли наружу. Правда, врач-мусульманин обломки соединил, рану смазал каким-то бальзамом, а ногу забил в деревянную колодку, но о том, чтобы ехать с войском и думать было нельзя: Олег и ходить не мог, только лежать.

Через три дня, расцеловавшись, Олег простился с Андреем, и войско ушло. А еще через день к дому Ахмета подъехала арба, на которой сидел Олег. Ахмет ничего не сказал, только усмехнулся, и оставил Олега у себя.

Но поставил условие, от которого всё внутри Олега похолодело: Олег должен принять ислам.

В душе Олега поднялась буря. Предать веру?!? Как можно!?! Но Ахмет эту бурю успокоил быстро. Бог один. Один для всех людей. Каждый народ поклоняется ему по-своему, но никто – правильно. Кроме великих посвященных. Потому что только они знают Бога. Поэтому неважно, к какой религии принадлежать, главное – принадлежать Богу. А быть мусульманином в этой части мира куда как удобней, чем христианином. Во всех отношениях. А так как учиться Олегу, если он, и в самом деле, хочет узнать Тайны, придется много лет, может, и всю жизнь, то гораздо меньше неудобств у него будет, если он станет мусульманином. А Богу это все равно – был бы Божьим.

Всю жизнь? Этого Олег не ожидал. Но он уже безоговорочно верит Ахмету – что-то внутри не разрешает Олегу сомневаться. А может – и не внутри. Может, это были всепонимающие глаза Ахмета. А может – музыка неторопливой, спокойной речи нового учителя.

Через два месяца нога срослась, но ходить без палки Олег, который стал теперь Али, больше не мог. А еще теперь он был обрезан – головку дика больше ничего не закрывало.

Мастерство оружейника Али освоил быстро. Особенно ему удавались эфесы. А на эфесах из слоновой кости или из моржовых клыков – резьба. Оказалось, что Али искусно режет не только дерево, но и кость.

Одновременно с обучением мастерству Ахмет рассказывал Али то, что знал сам.

Так прошли четыре года. И однажды Ахмет сказал Али, что больше учить Али ему, Ахмету, нечему и что Али нужно идти в Бухару, к великому суфию Тарику, учителю Ахмета. Вот, кто знает настоящие тайны.

Путь от Сарая, сначала с одним караваном до Хивы, а потом с другим – от Хивы до Бухары, занял полгода. В Бухаре Али пришел к Тарику и рассказал всю свою историю. От рождения. Не утаил ничего. Возьми меня в ученики.

Тарик согласился. Я буду учить тебя калиграфии и всему тому, что знаю сам. Но ты должен будешь взять в жены, мою младшую дочь. Хорошо, а как ее зовут? Ширин. Снова странный холодок пробежал внизу живота Али.

Отец позвал Ширин и сказал, что она будет женой Али. Ширин оказалась молоденькой, но совсем не красивой девушкой. С приплюснутым носом, большим ртом, да еще и косоглазая. Но Али на нее едва и посмотрел.

Али купил дом рядом с домом Тарика, делая оружие в Сарае, он разбогател, и ввел туда Ширин хозяйкой.

В первую ночь Ширин принесла Али плетку. И сказала, чтобы он сразу подарок испытал. Она скинула покрывало и шаровары, положила одну на другую четыре шелковые подушки и легла на них животом.

После Елены у него не было других женщин. И Али долго и с наслаждением порол Ширин. Но наслаждение самой Ширин было куда больше.

Когда порка закончилась, морщась от боли и улыбаясь от счастья, Ширин легла на спину, широко развела ноги и подняла их так, чтобы Али было удобней. И стала ждать. Пуся Ширин была смазана каким-то благовонием, пахла не то розой, не то фиалкой. От этого запаха дик Али, и без того давно твердый, задрался почти к пупку. Али надавил диком на пусю, Ширин чуть вскрикнула, и на простыню закапала кровь.

Получив первую порцию белого, Ширин спросила, нужно ли ей уходить. Но ушла из комнаты она только через три дня.

Супруги засыпали и снова просыпались, Ширин спрашивала, как Али хочет сейчас: в рот, сзади, она верхом на Али или он хочет в попу – как? Она угадывала малейшее желание мужа. Пять раз Ширин приносила Али плетку. Если что-то не так, пусть Али ее снова накажет. Олег сек плеткой ей попу, и говорил, что все так.

На четвертый день Али пошел к Тарику, и началось его обучение калиграфии.

А через полтора месяца Ширин сказала, что ждет ребенка. И что Али нужно купить себе другую женщину, чтобы не быть одному во время ее беременности.

На базар за наложницей они отправились вместе. Среди выставленных рабынь Али понравлась русоволосая красавица с зелеными глазами. Али даже показалось, что он где-то ее видел. Али и Ширин подошли к девушке и стали расспрашивать.

Оказалось, что семнадцатилетняя Люба - дочь боярина. Когда ей не было и четырнадцати, их город разграбили свои же, русские, и ее пригнали в Сарай как часть недоплаченной дани. В Сарае ее купил купец, который жил в каком-то городе на море, Люба не помнила названия. Купец взял ее в жены, но она не провела в доме мужа и недели, как этот город тоже захватили. И вот теперь ее привезли на бухарский рынок.

Ширин попросила Али подождать и стала о чем-то шептаться с Любой. Шептались они минут десять. Затем Ширин сказала Али, что, если Люба ему нравится, пусть покупает, это хорошая девушка. Али расплатился с хозяином Любы и передал Любу Ширин.

Когда они проходили через ряд рабов-мужчин, Али кто-то окликнул: "Олег, брат!". Али поднял глаза и увидел Андрея с цепью на ногах. Андрея взяли в плен почти сразу, как только они вышли из Сарая. С тех пор он – раб, сменил уже трех хозяев.

В голове у Али проносятся сбивчивые мысли. Андрей – брат. Надо бы его выкупить. Но зачем ему Андрей, который знает его с рождения? Еще что-то станет болтать. И что он будет делать с Андреем?

И Али опускает глаза, делая вид, что не слышит, и торопится уйти с базара.

Люба оказалась прекрасной наложницей. Она обо всём распросила Ширин и стала так же подавать Али плётку, так же выставлять пусю и попу, так же зацеловывать всё тело Али. Но кроме того, как это открылось через два месяца, она тоже забеременела.

Узнав об этом, Ширин закипела. Я же спросила тебя на рынке – могут ли у тебя быть дети, и ты сказала – нет. Почему ты солгала? Люба заплакала. Я не лгала, я правду сказала. Когда русские жгли наш город, надо мной снасильничали двое, и я понесла. Потом, на дороге в Сарай повитуха вытравила ребенка и сказала, что

больше у меня детей не будет. Их и не было, когда я жила с мужем.

Ширин пришла к Али, повалилась в ноги и стала спрашивать, можно ли ей наказать Любу. Али был погружен в свою работу и не спросил, за что и как Ширин собирается наказывать Любу. Только кивнул: делай как знаешь.

Через три дня Ширин повела Любу в маленький хаммам, баню на окраине Бухары. Богатые бухарцы снимали ее, чтобы порадовать своих жен и наложниц. На этот день баню сняла Ширин. У входа их ждала Зухра, подруга матери Ширин, как Ширин представила Зухру Любе. Попарившись, они стали пить чай. Люба отпила из своей пиалы, и ее прекрасные глаза из зеленых сделались черными – широкими и безумными. Меньше, чем через минуту, опрокинув стройной ногой чайный столик, точенное, как из алебастра, тело Любы, лежало бесчувственным на мраморном полу.

Ширин и Зухра перекладывают Любу на возвышение, Зухра достает что-то из мешочка, с которым пришла в баню, и засовывает это что-то в Любину пусю. Долго возится, пока из пуси не начинает идти кровь. Потом Любу заворачивают в паранджу, она всё еще без сознания, и на арбе отвозят домой.

Через две недели Ширин привела Любу к Али и сказала, что ребенок погиб. А Люба уже выздоровела и готова служить господину.

Али посмотрел на Любу, что-то понял, отсыпал ей денег, написал на куске пергамента, что Люба им отпущена, и велел уходить.

На следующий день Ширин пошла на базар уже одна и привела Али другую наложницу – Зару. С этой заместительницей проблем не будет точно. Их и не было.

Через несколько месяцев у Али родился сын. Али назвал его Асланом. Но дома маленького Аслана вслед за отцом все звали Ланя.

Потом, ровно через год одна за другой, родились пять дочерей. Пятую, самую младшую Али назвал Леной.

Обучение калиграфии шло так же успешно, как раньше обучение мастерству оружейника. Сначала Али переписал для эмира коран. Затем – сборник хадисов. Эмир щедро заплатил за обе книги. Половину этого золота Али попытался отдать Тарику, но Тарик согласился взять только десятую часть. Потом Али переписал книгу стихов самого Тарика. К этому времени он выучил еще и персидский. И украсил книгу учителя чудесными каринками. Эмиру эта книга очень понравилась, и он заплатил за нее втрое больше, чем, за две первые работы. Потом было много других книг.

Прошло семь лет, и Тарик сказал, что больше он Али учить ничему не может. И что, если Али хочет знать больше, ему нужно идти в Индию. Но все свое богатство он должен оставить здесь, Ширин. Ширин будет ждать его в Бухаре, пока будет жива.

Через неделю Али обнял Ширин, поцеловал ноги Тарику, положил в карман ключ от дома и верхом отправился с караваном, идущим в Кабул. Оттуда с другим караваном – в Лахор. И наконец, с третьим – в Дели. К мастеру-суфию, с которым Тарик когда-то вместе учился.

В Дели он целую ночь проговорил с мастером, и утром мастер сказал, что узнать больше, чем он знает уже, Али может только у индусов. У кого? Мастер назвал имя алмазного учителя из Бодх-гайи – места, где Будда получил Освобождение.

Наутро Али оставил у мастера почти все свои деньги, они нескоро понадобятся ему, и верхом выехал в Бодх-гайю.

Через пятнадать лет в дом к мастеру постучал высохший йог. Другой одежды, кроме повязки вокруг пояса, на йоге не было. Старик-мастер вгляделся в лицо посетителя и узнал зятя Тарика.

Но странное дело: уходил от него Али, опираясь на палку, палка эта всегда была приторочена к седлу его коня. А йог шагал легко, как юноша. От былой хромоты у йога остался только едва заметный шрам на ноге.

Много вместили в себя эти пятнадать лет. Монастыри буддистские и монастыри индуистские. Индию и Тибет. Многодневные медитации и самые разные упражнения. И бесконечные переходы с места на места, из монастыря в монастырь, из ашрама в ашрам, от учителя к учителю...

Целый месяц прожил йог у мастера, прежде чем снова превратился в почтенного мусульманина. Немало пришлось над ним поработать цирюльникам.

А через месяц из Дели в Кабул вышел караван. На одном из верблюдов ехал Али.

Через четыре месяца Али подошел к калитке своего бухарского дома. Он отпер калитку и вошел в сад. Никого. Вошел в дом. Никого. Только слабые голоса из дальней комнаты. Али идет к этой комнате и видит, что дверь в нее закрыта. Али становится на колени и заглядывает в скважину.

На ковре на правом боку согнув левую ногу так, что колено смотрит в потолок, лежит голая Ширин. Рядом с ней в такой же позе, но на левом боку со смотрящим в потолок правым коленом лежит красивая девочка, лет шестнадцати-семнадцати. Тоже голая. Голова девочки покоится, как на подушке, на самом верху внутренней стороны правой ноги Ширин. А голова Ширин – на верху левой ноги девочки. Губы Ширин впиваются в пусю девочки, а девочкины – в пусю Ширин.

Лена, сердце мое, хочешь золотого шербета? Конечно, мама. Лена отрывается от пуси Ширин и открывает рот. И через пять секунд глотает золотую струйку из маминой пуси. То, что не попадает в рот, бежит на ковер, по щекам и шее. И Лена счастливо хохочет. Ширин тоже открывает рот. И захлебывается

мощной струей, которой Лена окатывает мать с головы до кончиков пальцев на ногах.

Затем Ширин кого-то зовет, и в комнату входит голый мужчина, лет двадцати или чуть больше. Ширин ложится на спину, а Лена становится над ней на четвереньки, прижимаю пусю к рту матери. Сама поднимает попу, склоняет голову и облизывает пусю Ширин. Юноша, раскрывает попу Лены и легко входит своим диком внутрь. Лена отрывается от материнской пуси. Оттуда вылетает струя, но уже не желтая, а мутновато-серая. Лена глотает ее и кричит юноше: "Ну же, Ланя, быстрее!"

В голове у Али туман. Но годы в Индии научили его справляться и с туманами в голове, и с бурями. Как поступить? А вот так.

Али на цыпочках выскальзывает из дома и созывает соседей – нужны свидетели. Собирается десять мужчин. Младшему шестнадцать, старшему шестьдесят. Те, кто постарше, помнят Али.

Сняв обувь, чтобы не шуметь, свидетели идут к комнате семейных утех. Али снова склоняется к скважине и видит, как Ланя, залив попу сестры белым, вгоняет дик в пусю стоящей на четвереньках Ширин. После каждых двух тычков Ланя вынимает дик из материнской пуси и дает его облизать сестре. Лена лежит на спине и вылизывает то край пуси матери, то дик брата.

Али уступает скважину свидетелям, шепнув каждому, чтоб они не спугнули преступников.

Пока завороженные свидетели наблюдают эту картину, Ланя заливает материнскую пусю белым. Лена вылезает из-под матери, становится на колени спиной к брату, оттопыривает попу и сама разводит руками половинки. От этого дырочка между половинками становится у нее совсем широкой. Теперь моя очередь. И Лена, придерживая руками половинки все так же оттопыренной попы, наклоняется пока не

упирается головой в ковер. Ланя, его дик стал опадать, но при виде распахнутой дырочки сестры снова поднялся, входит диком в Ленину дырочку. В этот момент Али распахивает дверь.

И мать, и брат с сестрой каменеют. Дырочку Лены сводит спазм, и Ланя вопит от боли. От этого спазм у Лены только усиливается. Али хватает правой рукой Ширин, а левой Лену и тащит их на двор. Сзади, как приклеенный к попе Лены, семенит Ланя. Зовите судью, кади.

Приходит кади. С палачом. Всё ясно – зина, прелюбодеяние. С хаддом, с наказанием, тоже все понятно. Ширин убить камнями. Аслана, у него есть жена, тоже. Но что делать с Леной? Она не замужем, говорит, что девственна. Кади в нерешительности: убить или выпороть? И решает пощадить: сто плетей, и вон из города.

И то, и другое исполняют немедленно, здесь же, на улице. Двое мужчин держат Лену, двое других выдергивает из нее Ланю.

На Лену накидывают тонкое покрывало, и палач ее порет. Лена вопит, после сорока плетей теряет сознание, ее обливают, еще сорок – снова теряет сознание, снова обливают, пока, наконец, она не получает все сто плетей. Лену уносят в дом, сама она идти не может, и объявляют, чтоб до завтрашего вечера и духа ее в Бухаре не было.

Потом десять свидетелей и их жены забрасывают камнями Ширин и Ланю.

Али наблюдает за казнью и видит горящие ненавистью скошенные глаза Ширин. Это ненависть к нему, к Али. Аслан на отца не смотрит. Через полчаса всё кончено. Ширин умерла первой. Ланя прожил на десять минут больше.

Али узнает от соседей, что другие его дочери выданы замуж, а старый Тарик умер в прошлом году. Оставаться в Бухаре ему не для чего. И Али отправился дальше.

Тегеран, Багдад, Иерусалим. Во всех этих местах Али чувствует тот же странный холодок внизу живота – будто он был здесь когда-то. Но теперь, после Индии Али знает, что это за холодок.

Из Яффы Али плывет на Кипр. Здесь уже христианский мир. Король, хоть и католик, но христианин. А большинство киприотов – православные. На Кипре, в горном монастыре Киккос приезжий мусульманин крестится по православному обряду и превращается из Али в Алексиса.

Вместе с кипрскими поломниками Алексис плывет на Афон. И недалеко от самого большого афонского монастыря находит одинокую пещерку, где спасается почитаемый всей Святой Горой старец Григорий.

Старец непрошенному гостю не рад. Но, проговорив с ним сначала полчаса, потом два часа, потом целую ночь, потом день, и еще ночь, и снова день и ночь, Григорий уже и сам не понимает, как он мог отвергать эту посланную ему Небом благодать.

Ради брата Алексиса Григорий делает то, чего не делал уже более десяти лет: покидает свою пещерку и ведет Алексиса к игумену монастыря. Господь послал ко мне истинно Божьего человека. Ты принимал мои наставления, но лучшим духовником для тебя будет он.

И Алексис остается жить в монастыре.

Но живет он там недолго. Получив от игумена рассказ о Божьем человеке Алексисе, патриарх пожелал видеть его в Константинополе. И братья сажают преподобного Алексиса на корабль, умоляя скорее вернуться. Алексис отвечает, что на всё Воля Божья.

А еще через пять с половиной месяцев преподобный Алексис плывет вверх по Дону с патриаршей грамотой и письмом к митрополиту. В письма патриарха сказано, чтобы митрополит помогал преподобному Алексису во всем, что преподобный скажет.

Только три месяца без малого прожил Алексис в Константинополе, деля время между молитвами и беседами с патриархом, послушать которые приезжали богословы со всей империи. Святая София стала для него домом. Если не на патриаршем дворе, то он там. И всё тот же холодок внизу живота. Как будто он здесь уже был.

В Москве Алексис, теперь уже Алексий, задерживается недолго. Он сразу просит митрополита отослать его в Пустынь, к отцу Теодосию. Митрополит не возражает. Напротив – рад. Такой любимец патриарха легко может и с кафедры вытеснить.

В Пустыни Алексий застает отца Теодосия, ему уже далеко за семьдесят, умирающим. Но приезд любимого ученика как будто добавляет старцу сил. Он запирается с Алексием в келье, и всю ночь слушает рассказы о приключениях бывшего ученика и о добытом им знании. Теперь он сам становится учеником, а Алексий – учителем. Засыпают они только под утро. Ложаться рядом, Алексий согревает старца своим телом. А тот, перед тем как заснуть, всё это так любимое им когда-то тело покрывает поцелуями.

Наутро отец Теодосий объявляет монахам, что оставляет Пустынь на преподобного Алексия.

Весь этот день и следующую ночь Алексий и отец Теодосий проводят так же: запершившись в келье, вдвоем. Рассказ Алексия бесконечен.

И снова перед тем, как укладываться спать, отец Теодосий расцеловывает Алексия. И уже совсем ослабевшей рукой берет его за дик. Знаешь, чего я хочу? Знаю, отче. Тогда делай, только тебе придется меня держать. А выдержишь, отче? Неважно; если умру, то на твоих руках.

Отец Теодосий лежит на кровати лицом вниз, под животом у него руки Алексия. Алексий бережно, как драгоценную фарфоровую вазу, приподнимает уже

совсем дряблую попу старца и языком нежно увлажняет дырочку. Дырочка приоткрываеся, и Олег так же нежно надевает попу отца Теодосия на свой окаменевший, каменеть и шелковеть его тоже научила Индия, дик. Хорошо тебе, отче? Ох как хорошо, сыне!

Через две минуты тело отца Теодосия обвисает на руках Алексия. Отче, что с тобой? Но отец Теодосий больше не отвечает.

Алексий вытащил дик. Мыть тело не нужно, оно чистое. Алексий переверачивает отца Теодосия на спину, надевает рубашку, вкладывает в руки свечу. Затем одевается сам и выходит объявить братьям: отец Теодосий умер.

И Алексий стал учить в Пустыни. К нему приходили со всей России. Богатые и бедные, знатные и простолюдины...

Прошло много лет, и однажды к преподобному Алексию приехал князь Андрей Ростиславович с княгиней Любовью. Они только недавно прибыли из Орды.

Перед тем, как вернуться к царю в Сарай, больше тридцати лет Андрей провел в бухарском ханстве, а потом – в Самарканде. Первые девять из них – рабом. В Самарканде на девятом году своего плена он встретил нищенку с русским именем Люба.

После неудачного побега хозяин бросил его в зиндан. Там он и сидел, лечь в узком колодце было невозможно, привалившись к стене плечом, спина после побега была одно кровавое месиво, когда с неба на него упал хлеб. Андрей поднял голову и увидел женское лицо. Рахмат! Но женщина ответила по-русски.

Было раннее утро, только светало, все еще спали, и они проговорили целый час. Прощаясь, Андрей пообещал найти Любу. Но как он узнает ее? На верху моей паранджи черная заплата. Люба опустила через

решетку руку и, подпрыгнув, Андрей смог дотронуться до ее пальцев.

В следующий раз они увиделись через год. Когда Андрей уже заслужил свободу: он спас хозяина от смерти, и был не только отпущен, но и щедро награжден. Выйдя в первый раз свободным человеком из своего, подаренного бывшим хозяином дома, Андрей увидел нищенку в заплатанной паранже, самая верхняя заплата была черного цвета. Салям! "Здравствуй!" – ответила заплатанная паранджа. Андрей распахнул только что закрывшуюся за ним дверь, и Люба вошла в его дом. Навсегда.

Что Люба не могда рожать, Андрея не смутило вовсе, его самого лишили возможности иметь детей еще в первый год плена. И Андрей умудрился разыскать в Самарканде идущего в Китай монаха, который их обвенчал.

Потом были двадцать лет службы у хана, походы, победы, слава, и, наконец, Андрей был отправлен в Орду послом. Оставив Любу заложницей, он поехал в Сарай. Выслушав его историю, царь послал хану предложение отдать ему Андрея в обмен на три мешка золота, каждый такого же веса, как сам Андрей. Хан согласился, и обмен состоялся.

В Сарае Андрей прослужил еще десять лет, пока царь не дал ему ярлык на княжение тем княжеством, где его отец был когда-то окольничим.

Узнав в знаменитом старце брата, Андрей не сказал ни слова. Плюнул в лицо и вышел. За ним в бороду преподобного плюнула и княгиня.

С этого дня слава Алексия стала тускнеть. Князь Андрей Ростиславович ничего таить не стал. Ни того, что Олег сменил веру, ни что предал его самого. Только об истории княгини молчал.

Но дело не в славе. Самого преподобного Алексия встреча с братом как-то странно изменила. Он весь ушел в себя и уже никого не учил, не лечил, и никем не

руководил. Целые дни преподобный проводил перед иконами, писанными знаменитым греческим мастером, которому он когда-то помогал.

Через год Алексия вызвали в Москву, на церковный суд. Он решил идти пешком.

У переправы через Волгу царский посол с семьей ждал, пока его сундуки перетащат из ладьи, на которой он приплыл из Казани, в другую, на которой ему предстояло плыть дальше, в Тверь. Пока же три его жены, все в паранджах, растелили на молодой траве ковер, и накрывали обед: по очереди бегали к сундуку с провизией и несли на ковер то одно, то другое. Рядом с отцом, опершись на локоть, на ковре полулежал мальчик лет восьми-девяти и что-то читал.

Преподобный Алексий сидел на пеньке неподалеку и ждал лодку, которая перевезет его на правый берег. Услышав, как посол сказал сыну "Аслан, принеси кальян", преподобный горько усмехнулся, как будто что-то вспомнил.

Как раз в это время одна из жен царского посла вместо того, чтобы идти от сундука к ковру, почему-то пошла прямо на преподобного. Что ей нужно? Не на обед же хочет позвать. Жена царского посла подошла к преподобному Алексию вплотную и из-под ее расшитой разноцветным шелком паранджи блеснуло что-то серебряное. Это серебряное жена царского посла воткнула преподобному Алексию точно в сердце – чуть левее золотого с изумрудами креста, подарка патриарха.

Последним, что услышал в этой жизни Олег, были татарские слова: "Ну что ты там возишься, Лена?"

IV

Оля отложила книжку далеко за полночь. Книжка называлась "Essais, livres I et II". Автора звали Michel de Montaigne. "Опыты" легли на "Английскую грамматику". Под "Грамматикой" покоились "Nova

methodus pro maximis et minimis" Лейбница и "Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica" Ньютона.

Пора спать. А не хочется. И, не скидывая одеяла, Оля задрала рубашку и средним пальчиком правой руки стала гладить бугорок в самом верху пуси. Потом решила встать – иначе опять придется спать на мокром, с пуси и так уже капало. Оля задрала рубашку и, не отнимая пальчика, уселась голой попой в обитое бархатом кресло. Ей очень хочется позвонить и спросить морковки, она о ней давно думает. Но нельзя. Сначала нужно выйти замуж.

Мама Оли умерла, когда ей исполнился год. Еще через год умер и отец. Родителей Оля не помнит. Воспитывает ее брат отца.

Дядя – очень важный человек, сенатор. Но дома, если нет гостей, об этом догадаться нельзя. Дома он простой и добрый. Потому что он безумно любит Олю. И растит ее так, что любая принцеса позавидует.

Первое Олино воспоминание – дядя держит ее на весу и уговаривает пописать. Это ей и трех лет не было.

Так и пошло: стоило дяде появиться на Олюшкиной половине огромного дома, все няньки и гувернантки прячутся, и Олюшкой занимается только дядя. И купал племянницу, и кормил серебряной ложечкой, и убаюкивал на руках, и на горшок сажал. Ни у кого нет такого отца, как ее дядя.

Хотя какой там горшок? Для этого у Олюшки было четыре фарфоровые вазы – две саксонского фарфора и две из Китая. А еще – "хрустальный трон". С вазами Олюшкина попка никогда не соприкасалась. Ваза ставилась на возвышение перед дядиным креслом, а Олюшка усаживается голой попкой к дяде на ручки. Вот так с ручек она всё и делает. Это называется "пустить дождик" и "почистить животик". Когда дяди нет дома, пускает дождик и чистит животик Олюшка на руках у няньки, но при дяде – только с ним. Одна это Олюшка

стала делать, да и то, если только рядом не было дяди, когда ей исполнилось шесть лет.

А вот на хрустальный трон Олюшка иногда садилась. Когда дядя ее туда отправлял.

Трон стоял в "их комнате", туда никто кроме Оли и дяди не имеет права входить – только немая горничная, принести что-то или, когда Оли с дядей в комнате нет, убраться. Здесь они проводят вдвоем все время, когда можно не видеть других людей.

Стоял трон перед дядиным креслом, на возвышении высотой с дядин стол. К трону вели десять хрустальных ступенек. Сам трон был тоже из хрусталя, только сидение и подлокотники покрыты бархатом. В сидении – овальное отверстие, под ним ваза из прозрачного стекла. Туда Олюшка и чистила животик.

Это бывало не часто, может, раз в месяц. Олюшка заявляла, что ей надо почистить животик, а дядя вместо того, чтобы, как обычно, подхватить ее на ручки и держать над фарфоровой вазой, говорил, чтобы Олюшка садилась на трон. Олюшка поднималась по ступеням и усаживалась. А дядя смотрит, как из Олюшкиной попы выползает коричневая колбаска.

После того, как животик почищен, начинается мытье попы. Сначала снаружи – пахучим мылом. Потом изнутри – ароматным маслом. На колени дяде кладется специальный матрасик с валиком посередине, всё атласное, Олюшка ложится животиком на валик, и дядя моет ей попку теплой водой с мылом. Потом берет специальную нефритовую палочку с закругленным концом, опускает в ароматное масло, вставляет в дырочку между половинками и чистит Олюшке попку изнутри, нежно скользя палочкой – чуть вверх, чуть вниз. Олюшке это очень нравится. Когда Олюшка была маленькой, палочка была тонкой – как карандаш. Росла Олюшка, росла и палочка. Пока не стала толщиной с Олино запястье.

И, конечно, за всю жизнь Олюшку не только никто пальцем не тронул, вся дворня и все учителя трясутся от страха, как бы не разгневать барышню. Как-то раз гувернантка-француженка за невыученный урок задрала своей воспитаннице платьеце и шлепнула Олю по попе. Оле тогда было года четыре. Оля разревелась, но через полчаса все забыла. А еще через полчаса вернулся домой дядя и увидел, что у племянницы заплаканы глаза. Ты плакала? Плакала. Почему? Меня мадам шлепнула. И Олюшка показала место, по которому ее шлепнула гувернантка.

Никаких следов шлепка на попе не было. Но гувернантке это не помогло. Не помогло и то, что она француженка. Дядя велел запороть ее на конюшне. Немедленно! И гувернантку запороли. Насмерть. Потом эту историю пришлось заминать. Но дядя замял. После этого любой Олюшкин каприз дворня бросается исполнять наперегонки.

Наказывал, но очень редко, Олюшку сам дядя. Только что это были за наказания. Поставит в угол, а через минуту – Олюшка еще и обидеться не успеет – подхватит на руки и всю, от макушки до пяток, и расцелует. А потом еще подарит какую-нибудь штучку, вроде нитки жемчуга.

Но после истории с гувернанткой, когда Оля узнала, что детей секут, ей захотелось попробовать, что это такое. И Олюшка пристала к дяде, посеки меня. Олюшкины желания – закон, и на следующий день в комнате появилась мягкая, обитая зеленым бархатом, на выгнутых ножках скамеечка и сделанная из розового бархата розга. Олюшка легла на эту скамейку и дядя три раза дотронулся бархатной розгой до ее попки.

Оля осталась очень недовольна. Не так, не так, по-настоящему! Пришлось дяде послушаться. Принесли настоящую розгу, только отполированную, чтобы не занозить попку, и, дрожа от страха, чтобы не сделать Олюшке больно, дядя стал стегать племянницу, после

каждого касания розги, спрашивая, не очень ли Олюшке больно и хочет ли она еще. К его удивлению, Олюшка просила еще и еще. И – сильнее и сильнее. И так, пока попка не покрылась красными полосками. После порки дядя зацеловал попку и чем-то я намазал, чтобы не болела и быстрее заживала.

В "их комнате" и Оля, и дядя всегда голые. Зайдут и сразу все с себя снимают. Им так лучше. Заберется Оля к дяде на колени и ну, обнимать и целовать. А дядя – ее. Всю: головку, грудку, попку, между ножками, сами ножки...

Целыми часами они могли так сидеть, и дядя заласкивал племянницу. Потом спросит, хочешь на дика? Оля всегда хочет. Дядя смазывает головку своего давно торчащего дика маслом, ложится на спину и говорит, ну иди. И Олюшка начинает усаживаться на дик дырочкой попы. Так же, как она садится дяде на ручки чистить животик. Дырочка у нее сама расходится. Усевшись, Олюшка начинает на дике прыгать, а дядя ее еще и подбрасывает, чтоб веселее. Поиграют так немного, и дядя снимает Олю с дика и начинает мыть – сначала ее, потом себя. От белого. А часто – и от коричневого. Потому что, когда дядя снимает ее с дика, Олюшка часто чистит животик прямо на дядю. Дяде это нравится.

Первый раз дядя усадил Олюшку на дика, когда ей не было и шести лет. Подхватил прямо с хрустального трона, оторвал свисающую колбаску и усадил. Олюшка даже не успела животик дочистить до конца. Так и летала на дике верх-вниз. После этого хрустальный трон из их комнаты убрали.

С пяти лет Оля просит, чтобы дядя на ней женился. Но дядя только отшучивался: ты больше, чем любая жена, чего ж тебе еще?

А замуж Оле очень хотелось. И с того дня, как ей исполнилось 12 лет, хочется всё сильнее и сильнее. Оля знает – почему, но никому не говорит.

Впрочем, кроме дяди, ей и сказать некому: ни друзей, ни подруг у Оли никогда не было, один дядя. Оля от этого вовсе не страдает: сверстники ей и самой неинтересны. И дядя не хотел, чтобы Олюшка играла с другими детьми. Он сам, да дворовые, да учителя, их Оля с восьми лет сама и выбирает и прогоняет, – вот и всё Олино окружение.

Во все женские тайны Олю посвятил тоже дядя. Когда ей исполнилось десять лет, усадил к себе на колени и все рассказал. И про то, что скоро у Оли из пуси потечет кровь, и откуда берутся дети, и как Оля выйдет замуж, и что они будут делать с мужем, и как Оля будет своих детей носить, рожать и кормить грудью.

Оля тут же обняла дядю за шею и потребовала дика в пусю немедленно, а не когда она выйдет замуж. Не хочу ждать! Но дядя сказал, что это нельзя. Что в пусе есть пленка. Порвать которую может только муж. Иначе муж не будет уважать Олюшку. А это очень плохо.

Садиться на дика в этот раз дядя Оле не предложил, и они просто сидели вместе. Лицом друг к другу, Оля на коленях дяди. Потом Оля разыгралась с дядиным диком, а когда дик вырос, еще и расцеловала его. И тут дик брызнул на Олины щечки белой струйкой. Оля вытерлась, облизала пальцы, затем дик и бросилась целовать дядю. Так это и есть та струйка, от которой дети? Дядя кивнул.

Учится Оля с упоением. Началось это с четырех лет – она за день выучила буквы, а через неделю читала, как взрослая. И когда ей в руки попадает новая книга, оторваться от нее может только для одного – пойти к дяде в "их комнату". Но и туда она обязательно прихватит книгу.

Читает Оля все. И сама выписывает книги. Книг у нее куда больше, чем игрушек, хотя отборными игрушками тоже завалены целые комнаты.

Не забывает Оля и про светские науки, вроде танцев. Но здесь такой страсти у нее нет. Хотя от сверстниц Оля не отстает – ни в знании моды, ни в умении танцевать.

Когда ей было тринадцать, Оля пристала к дяде по-настоящему: женись на мне! Ты же мне не отец, а только дядя. И дяде пришлось объяснять, что церковь ни за что такой брак не разрешит. Оля поняла и нахмурилась.

А через два года Оля устроила дяде настоящую истерику – разревелась, как белуга. Всё было обычно: они сидели в "их комнате", Оля на коленях у дяди. И вдруг ни с того ни с сего Оля заплакала. Дядя перепугался: что случилось? Оля ничего не ответила, только ткнулась в дядино плечо и заплакала еще горше.

Наплакавшись, Оля заявила, что хочет замуж. И что дядя должен немедленно ей этого мужа найти. Зачем тебе? Куда ты торопишься? Они сами тебя найдут. Оля покраснела, прижала губы к дядиному уху и что-то жарко зашептала.

Дядя выслушал ее, сначала улыбнулся, потом задумался. И какого же ты хочешь мужа – молодого или старого? Старого, ни на секунду не задумываясь, выпалила племянница. Почему? Оля снова ткнулась в дядино ухо и громко прошептала, что хочет быть вдовой.

Тогда дядя снял Олю с колен, поставил на ноги, поцеловал в попу, потом погладил между ножками, Оля это очень любила, сказал, какая Олюшка у него стала большая, и задумался еще глубже.

Через две недели дядя привез к ним в дом князя Ширина, кузена олиной бабушки – его и олиного отца матери. Это был очень богатый, далеко за семьдесят старик. Его жена, с который они прожили больше пятидесяти лет, умерла год назад, так и не подарив мужу наследников.

Род Ширины древний, еще в пятнадцатом веке первый Ширин, Аслан, правая рука царя, крестился в Москве и превратился из Руслана, так его здесь все

называли, в Святослава, обвенчался с дочерью великого князя, да так в Москве и остался.

Против обыкновения, Олю позвали принять гостя, и они провели вечер втроем в парадной гостиной. Оля, как умела, кокетничала с князем, стараясь не нарушать правил приличия. Удавалось не нарушать не всегда – светского опыта у Оли не было совсем, но князь, кажется, этого не замечал и вообще казался очень довольным.

Когда князь уехал, Оля пристала к дяде, это он? И дядя грустно кивнул. А он здоров? Вовсе нет, ответил дядя.

Еще через неделю князь приехал к ним с огромным букетом и предложением руки и сердца. А через месяц состоялась пышная свадьба.

Брачная ночь получилась совсем не такой, как ждала Оля. Первое, что сказал князь, когда они остались вдвоем, чтобы Оля ложилась на живот, он ее будет сечь. За что? Потом узнаешь. Не лягу! Тогда тебя высекут слуги. И князь взялся за колокольчик. Оле пришлось подчиниться.

После 20 розог муж приказал Оле встать на четвереньки. И стал рукой запихивать своего не очень-то твердого дика Оле в пусю. Оля помогала как могла.

Пленка лопнула, впрочем, довольно быстро. Оля взвизгнула, но не от того, что было очень больно, попа после порки болела у нее гораздо сильнее, а потому что подумала, что надо взвизгнуть, и князь с удовольствием заметил у себя на дике кровь. Через минуту из дика в Олину пусю вылезли две белые капли.

Наутро князь велел Оле стать перед ним и внимательно слушать. Оля сказала, что сначала ей надо в уборную. Никаких уборных, садись на корточки и всё, что тебе нужно, делай здесь. На ковер. Оля решила терпеть. И князь начал.

Первое – безоговорочное послушание. Или Оля делает, что говорит муж, или Олю секут. Если у мужа не хватает сил высечь Олю, как она заслужила, это делают слуги.

Сказав это, князь спросил, почему Оля не села и не справила нужду, как он сказал. Садись.

Оля закусила губу и продолжала стоять. Тогда князь позвонил. Немедленно, как будто они ждали этого звонка, в комнату вбежали три парня. У первого в правой руке была квадратная деревянная лопатка вроде той, с какой Оля любила играть маленькой в саду, а в левой – черный уголек. У двух других в руках не было ничего. Эти двое подхватили Олю и уложили ничком на кровать. Один парень держал ей ноги, другой задрал рубашку и прижал плечи к кровати. Князь взял у первого уголек и провел по Оле две черты: одну повыше коленок, вторую пониже поясницы. И сказал только одно слово – "Синим".

И немедленно на попу Оли обрушился сильнейший удар. Потом – второй, и лопатка загуляла по Олиным ногам и попе. Оля захлёбывается от крика, но ни парни, ни князь не обращают на это никакого внимания. Через пять минут все кончено. Олю ставят между двумя зеркалами, и она видит, что все ее тело между проведенными мужем линиями синее.

Парни вышли. Поняла? Оля, глотая слезы, кивнула. Что я велел? Оля послушно села на корточки, и по ковру расползлось большое пятно, а у границы пятна под Олиной попой выросла куча. Колокольчик снова звякнул, и в комнату вбежали две девушки, подхватили ковер за четыре угла и унесли. Меньше чем через минуту они стелили другой ковер, чистый.

Теперь слушай дальше. И муж продолжил. Он знает, почему Оля пошла за него. Но ничего этого не будет. Ни Олиных измен, ни преждевременной смерти князя. С этого дня Оля – его раба. Беспрекословно исполняющая все приказания.

Оставаться наедине с мужчиной Оля будет только, когда танцует на балах. Когда мужа нет, с Олей будут две компаньонки. Всегда. Даже в уборной. Подкупить их Оля не сможет, они знают, что любую сумму, предложенную Олей, князь, не задавая вопросов, удвоит и отпишет им в завещании.

Понятно? Оля залепетала, что у нее и в мыслях такого не было. Но князь не дал ей договорить.

Дальше. Обязанностей у Оли будет две – постель и свет. Дома Оля должна быть сладкой в постели и правильно принимать гостей. Кроме того, Оля будет ездить с князем в свет и добиваться, чтобы свет ее принял и полюбил.

Дальше. За ошибки в свете и, вообще, за любые ошибки Олю будут сечь.

Вести дом Оля не будет, для этого есть люди. Покупать может всё, что хочет. Но только с разрешения мужа. Туалетами Оли будет заниматься портной князя.

Всё.

Муж вышел в соседнюю комнату – одеваться. И в комнату немедленно вошли две уже немолодые девушки.

Вечером приехал дядя. Но ему сказали, что княгиня нездорова и принять его не может. Письмо, которое Оля написала дяде в этот день, немедленно было доставлено князю. Князь прочем письмо и позвонил.

Услышав колокольчик, компаньонки потащили упирающуюся Олю в кабинет князя. Следом туда же вошли три парня. Один поставил княгиню на колени, второй прижал ее плечи к полу. Князь сам задрал жене подол и оголил синюю попу. И снова провел две черты. Верхнюю – там же, где утром, а нижнюю повыше, чем утром, – по складкам между попой и ногами. Затем князь показал Оле ее письмо. Сжег письмо на свечке. И сказал парням снова одно слово. Но не то, что утром – "Черным".

После этого три дня Оля не могла не то, что сесть – дотронуться до попы.

Через месяц Оля узнала, что ее любимый дядя оказался замешан в заговоре против императрицы, бит кнутом и сослан на север. Но до места ссылки не доехал, умер по дороге. Всё свое состояние он оставил Оле. Неделей позже князь Ширин получил звезду за разоблачение заговорщиков.

Молодых людей, с которыми Оля танцевала на балах, в дом не допускали, князь сам подписывал приглашения на свои вечера.

Так прошли два года. За непослушание Олю уже давно не секли, а за ошибки секли очень редко: Оля быстро усваивала светскую науку и без порки.

Раза два в месяц князь объявлял, что сегодня он будет наказывать жену не за грехи, а просто так. Чтоб была слаще. Он брал плеточку и, пока Оля зацеловывало его дряблое тело, стегал молодую жену по попке. Впрочем, не сильно. И даже нежно. Оле это очень нравилось – единственное, что ей нравилось из ласк мужа. Потом князь лежал на спине, а Оля играла с его никак не желающим становиться твердым диком. Наконец, кое-как ей удается сесть пусей на все время наровящий упасть дик. Теперь надо постараться, чтобы дик лопнул в пусе, а не выполз раньше. Но это у Оли получается нечасто.

Через два года императрица, которая любила князя и, как однажды Оля услышала в свете, была ему чем-то обязанной, умерла. Императором стал наследник.

Наследник несколько раз танцевал с Олей. И, кажется, она ему нравилась. Но императрица сама решала, кому можно быть любовницей наследника, а кому нет. Княгиню Ширину она не разрешила.

На следующий день после коронации, князь испросил у государя разрешения уехать в имение. Но вместо разрешения получил приглашение на бал во дворце.

Горничной, собиравшей Олю на бал, был отдан странный приказ: подмешать к духам княгини содержимое ее ночного горшка. Оля попыталась было отказаться душиться такой смесью, но горничная сказала, что их сиятельство на этот случай велел сразу звать его. И тут Олю осенило.

Оля упирается – зови, не буду душиться. Приходит князь, горничная сразу же выскальзывает за дверь. Я тебя сам надушу. Ни за что! Князь удивлен: за непослушание он не сечет Олю уже года полтора. Может, забыла? Тогда тебя высекут. Пусть. Князь звонит и обводит углем Олину попу – "Синим".

После порки Оля становится послушной и душится сама.

В бальном зале вокруг Оли пустота – дамы морщат носики и стараются держаться подальше. Оля танцует первый танец и видит, что ее кавалер не рад, что пригласил. Закончив танцевать, он ведет Олю к дамам, которые при ее приближении расступаются, а сам возвращается в толпу кавалеров. Что-то им рассказывает, и Оля слышит смешок.

И тут ее приглашает танцевать император. Они танцуют, Оля выслушивает от императора комплименты, понимает, что ему-то ее духи очень нравятся, и шепчет, что ей нужно рассказать его величеству одну тайну.

Закончив танцевать, император ведет Олю в свой кабинет – показать чудесные миниатюры. Здесь Оля бросается перед его величеством на колени и со слезами просит защиты от тирана мужа. Посмотрите, ваше величество, сами. И Оля показывает императору результат сегодняшней порки.

Император обнимает рыдающую Олю. Оля прильнула к нему, так и не опустив юбки, и будто случайно прижимает к себе императорские панталоны.

Через минуту она уже лежит на полу и помогает его величеству вставить дик себе в пусю. Император

говорит, что ни одна из его знакомых дам никогда не пахла так прекрасно.

Через полчаса один из камергеров передает князю Ширину высочайшее повеление ехать домой и ждать, княгиня будет поздно.

На балу в этот вечер император больше не появился. Отдав какой-то приказ камер-пажу, он сразу отправился с Ольгой в спальню. Вышли они оттуда после полудня следующего дня.

В это время князь Ширин, сопровождаемый поручиком Семеновского полка, уже два часа трясся в карете по дороге в свое новгородское имение. Отлучаться из имения, равно как и вступать с кем-либо в какие бы то ни было сношения, высочайшим повелением князю было строжайше запрещено.

Через два дня князь умер. Заболел он еще в дороге: после трёх тумаков, которыми, и тоже по высочайшему повелению, семеновец наградил князя, у него отнялась правая половина тела. Доставив князя полуживым, поручик велел уложить барина в постель и просидел у его кровати до самого конца. Он же распорядился и похоронами, которые состоялись в тот же день, гроб к этому времени был уже готов, могила вырыта.

А через десять месяцев после смерти князя Оля, то есть княгиня Ольга Леонтьевна, подарила миру нового князя Ширина – Григория. Крестным отцом князя Григория был сам император. Мальчик родился хотя и переношенным, но щупленьким.

Все эти месяцы, как и два следующих года, Ольга остается такой же послушной рабой императора, какой послушной рабой мужа была до того. Но жизнь ее меняется – теперь она хозяйка фантастического состояния: наследства отца, матери, дяди и мужа. Всем этим надо управлять. И Ольга стала учиться управлять.

Прежде всего нужно было навести порядок в петербуржском доме. Начала это дело Ольга в тот же день, когда в Петербург пришла весть о смерти князя. С

того, что приказала запороть при ней, сейчас же, немедленно, трех парней, которые ее секли, и двух своих компаньонок.

Всю пятерку вяжут. Компаньонки кричат, что они не крепостные. Но Ольгу это не останавливает – я сказала запороть! На конюшне, ваше сиятельство? Нет, здесь, в этой комнате. Я сама.

В комнату приносят козлы для порки и толстые ивовые прутья. Ольга требует вместо ивовых железные. Железных прутьев нет, только железные палки. Хорошо, пусть будут палки.

И Ольга со всего размаха лупит палкой первую жертву – парня, который ее порол. Но получается не так, как ей хочется – в два удара она перебивает парню шею, и он умирает. Слишком быстро...

Второго парня, того который держал ей ноги, она бьет уже осторожнее – только по спине. Потом устает и отдает палку палачу из дворовых, одному из трех, что секут дворню на конюшне. Два других стоят здесь же. А впрочем, не надо палкой, бей прутьями, ничего что деревянные, даже лучше.

Разгоряченная Ольга откидывается в кресло и смотрит, как три сменяющих друг друга палача забивают ее мучителя.

Когда он перестает дышать, Ольга велит принести морсу. Холодненького. Потягивая морс, Ольга наблюдает, как запарывают третьего, того, что держал плечи.

Вся комната в крови, попало и на платье, но ничего – отмоют и отстирают.

Теперь очередь компаньонок. Первую отдохнувшая княгиня сечет сама. Через семьдесят ударов жертва уже не дышит. Ольга велит окатить ее водой и отдает прут палачу – заканчивай. И принесите мороженого. С ананасами.

Первую компаньонку утаскивают и привязывают вторую. Ольга доедает мороженое и требует сливового

компота. Компот княгиня допила, когда из комнаты выволакивали последнее тело.

На шестом месяце Ольгиной беременности император к княгине Ширине охладел. И в первые месяцы после родов, заезжая взглянуть на крестника, он только морщился от запаха грудного молока. Запах пеленок князя Григория императору нравился больше.

Но затем отношения любовников возобновились. Ольга почти переселяется в императорский дворец и старается угадать любую высочайшую прихоть.

А прихотей у императора много. Он то сам сечет Ольгу, то требует, чтобы она секла его. Любит пустить Ольге в рот желтую струйку. И чтоб она обливала его золотым дождиком. Ну, и конечно, и в попу, и в пусю, и в рот... Но больше всего ему нравится отводить Ольгу в конюшню, укладывать на кушетку под своего любимого жеребца и засовывать дик любимца в пусю возлюбленной.

На третий год романа с императором Ольга родила дочку, которая получила имя графини Турецкой. Но через два месяца графиня Турецкая умерла. А еще через месяц скончался и ее отец.

На престол взошла жена безвременно умершего императора. Но еще до того, только услышав о смерти его величества, княгиня Ширина поспешила уехать из Петербурга в деревню.

Сделала она это не без удовольствия – быть любовницей царя почетно, но хлопотно. А главное – безрадостно.

Теперь сбылась ее давняя мечта – сама себе хозяйка. И ей всего двадцать лет!

Из всех ее имений огромное костромское имение князя было самым благоустроенным, они с мужем прожили в нем месяц в первый год супружества. Там Ольга и решила поселиться.

Первые недели в деревне Ольга не ходила, а летала. Свобода! Ни дяди, ни мужа, ни императора – никого! Делай, что хочешь.

А чего ей хотелось, Ольга знала отлично. Первое – книг. Второе – умных людей, ей до смерти надоели светские дураки. И третье – еще кое-чего. Но с этим третьим Ольга не торопилась: возьму сколько захочу. Когда захочу.

Книг было много – с Ольгой прибыло подвод десять. Но Ольге хотелось еще и еще, все новое по философии и медицине – и книги, и журналы. И Ольга принялась всё это выписывать.

С умными людьми сложнее, учителей в этой глуши нет. Но ведь кроме Костромы есть еще и Европа. И Ольга стала писать чуть ли не всем крупным философам и естествоиспытателям Европы. В письмах она просила учить себя. Отвечали её адресаты немедленно. Потому что к каждому своему письму княгиня прикладывала вексель на немалую сумму – плату за обучение.

И у Ольги завязалась оживленная переписка. Каждый день она простаивала перед бюро часа по два, по три, а иногда и больше.

Два главных вопроса интересовали Ольгу. Первый – есть ли Бог, и, если есть, какой Он? Второй – есть ли у человека душа и, если есть, где она находится?

Дядя не угнетал Олю религиозным воспитанием. Среди книг, которые она глотала, была, конечно, и Библия. Но Оля быстро закинула ее подальше, найдя чтение поинтересней. Приходил несколько раз священник, рассказывал про молитвы и посты, даже попробовал разучить с Олей "Отче наш", но Оле стало скучно, и она его прогнала.

Всё, что прилично делать доброй христианке, Оля, конечно, делала. Но без души, механически. А вопрос о Боге заинтересовал ее рано, лет в одиннадцать-двенадцать.

Что касается вопроса о душе, то об этом Ольга задумалась, когда ела мороженое и смотрела, как умирают ее мучители. Ольга видела, как уходит из них жизнь. Но что такое жизнь? И что такое смерть? Вот тело здесь, а жизни нет. Куда она делась? Как бы в этом разобраться?

Для того, чтобы разобраться, кроме книг и журналов, Ольга выписала из Германии всевозможные медицинские инструменты и снадобья – то, что ей нравилось на картинках в приходящих книгах и журналах.

Всё это Ольга разместила в специальной комнате для опытов. Она устроила эту комнату рядом со своей спальней, так называемой "Голубой Спальней", которую княгиня выбрала из двух десятков других спален своего огромного дворца.

Но как раз со сном было плохо. Чтение и переписка занимали только дни. А были еще и ночи. И ночами Ольге не спалось. Каждую ночь низ ее рубашки был мокрым, и рубашку нужно было менять. Иногда – и два раза за ночь. Пуся требовала своё и то просто сочилась, то выбрасывала мутноватую струю. Пару раз Ольга попыталась утишить этот зуд морковкой, но это не помогло. Пусе нужно было другое.

И тогда Ольга нашла среди своих дворовых девушек двух похожих на себя фигурой и даже немного лицом – сестер Дуню и Полю.

Первой она отвела в комнату для опытов Полю. Посадила на специальный стол на колесиках и дала что-то выпить. Поля выпила и стала валиться на бок. Ольга уложила Полю на спину, развела ей ноги и воткнула в пусю привезенную из Петербурга нефритовую палочку. Самую толстую из тех, которыми дядя когда-то чистил Олюшке попу изнутри. Вынула палочку, всё в порядке – в крови.

Затем Ольга разжала Поле зубы специальной ложечкой. Специальными щипчиками вытянула язык.

Специальным ножиком отрезала от языка половину. И бросила эту отрезанную половину языка в специальное ведро рядом со столом.

Ольга перевернула Полю на живот, чтобы не захлебнулась кровью, и засунула в рот тряпку, чтобы остановить кровь. На руку Поле Ольга надела массивный золотой браслет. После чего вышла, а комнату для опытов заперла.

На следующий день то же самое она проделала с Дуней.

Потом Ольга занялась главным.

На барский двор согнали всех женатых мужиков от шестнадцати до двадцати пяти лет. Таких в костромском оказалось около ста пятидесяти.

Из них княгиня отобрала пятьдесят. Каждому из пятидесяти рассказали, что он будет делать, и велели выбрать себе зазнобу – или свою жену, или чужую, или девку, кого хочет, его воля.

Отобранных парней заперли в трех сараях и пять дней кормили от пуза мясом и сметаной.

А через пять дней начали по одному запускать в комнату, где выбранная парнем зазноба ждала его голой на кровати. Девкам, у кого пленки были не порваны, проткнули их княгининой палочкой четырьмя днями раньше – чтоб пуси успели зажить. Одна выбранная не своим мужем жена пробовала было заартачиться, но ей объяснили, что запорют насмерть вместе с мужем, и она покорилась.

Шесть дней с утра до вечера Ольга смотрела на происходящее в комнате через маленькое окошко, сделанное так, что из комнаты ее не было видно, а она видела всё. Тем парням, которые ей нравились, кто красивей, у кого дик больше, у кого он выше задирался, кто дольше не слезает с зазнобы, у кого в глазах больше души, по сигналу княгини обвязывали лоб ленточкой и давали по десять серебряных рублей. Всего таких набралось семеро.

Потом два дня выбранных Ольгой парней парили в бане. А на третий, снова по одному, стали заводить в комнату для опытов.

Здесь Дуня усаживала парня на специальный стол на колесиках, подносила чарку, он пил за здоровье барыни и валилился на бок. Дуня стучала в спальню княгини – всё готово, Ольга входила в комнату для опытов, склонялась над парнем, что-то делала, что-то бросала в ведро, бинтовала парню голову, обматывала веревкой руки и ноги, затем приказывала этого парня унести, всё вымыть и вести следующего, а сама возвращалась в Голубую Спальню.

Через день связанный парень приходил в себя. И узнавал, что у него нет ни языка, ни глаз. Но зато на шее висит мешочек, в котором звенят сто серебряных рублей – цена двух таких, как он.

Всех девятерых – и девушек, и парней – Ольга поселила в пустующем крыле дворца, примыкающем к Голубой Спальне. На комнаты парней Дуня повесила замки, а ключи отнесла барыне. На каждой из дверей кроме замка была еще и надпись: "понедельник", "вторник", и так до "воскресения".

Парням объявили, какая приятная их ждет работа – девушек ублажать. И что в награду за эту работу они получат такое богатство, что больше в жизни никакой другой работы работать им будет не нужно. Но, если они сделают что-то не так, то умрут лютой смертью.

Неделей позже, это был четверг, начитавшись на ночь, Ольга приказала Поле привести парня из комнаты, на которой написано "четверг".

Через пять минут Поля вернулась, ведя голого парня за руку. И тихо выскользнула за дверь. Ольга погладила парню дик, от чего тот немедленно задрался, и повалила на кровать. Перемазала кровью, которая текла из её пуси, такой у нее был день, и уселась на дик верхом.

Три раза парень заливал Ольге пусю, пока она не позвонила увести парня, и, наконец-то, заснула

спокойная. Утром Поля отнесла в комнату, на которой было написано "четверг", серебряный рубль.

На следующую ночь то же повторилось с парнем из комнаты "пятница". А Четверга Поля отвела к Дуне в Розовую Спальню, точно такую же, как Голубая Спальня княгини. И Четверг терзал своим диком пусю уже Дуне, не понимая, кто из них барыня – вчерашняя или сегодняшняя.

Так и пошло: две недели, в которые Ольга могла забеременеть, парни не делали ничего. А в две другие они спали только пять ночей. В шестую их водили к Ольге. В седьмую – к Дуне или к Поле. Та из девушек, кто была свободна от постельной обязанности, стояла у дверей Голубой Спальни и ждала звонка.

Через два месяца Дуня забеременела. И бабка-повитуха вытравила ей плод. Да так удачно, что больше беременеть Дуня уже не могла.

Еще через месяц то же самое произошло с Полей.

Неприятность случилась через полгода. Уже залив Ольгину пусю, Вторник стал ее душить. Но Ольга была к этому готова. Рядом с кроватью лежал нож, в ручку которого был вделан колокольчиком. Этот нож Ольга воткнула убийце в бок, и на звук колокольчика в комнату вбежала Поля. И так ударила Вторника по голове молотком, который был приготовлен рядом с ножом-колокольчиком как раз на такой случай, что Вторник очнулся только утром.

Было холодно. Одежды на Вторнике никакой не было. Голова болела, из раны в боку текла кровь. Вокруг лают собаки. Но руки и ноги у него свободны. Вторник чувствует жгучий удар хлыста и бежит. Его кто-то догоняет, еще удар. Бежит со всех ног. И слышит сзади "Ату!".

Через несколько минут свора борзых разорвала Вторника. Шесть его товарищей стояли тут же и слышали и лай собак, и "Ату!", и затихающее мычание.

А у Поли в этот день появился еще один золотой браслет, в два раза тяжелее первого.

Неделю до того, как из пуси начинала литься кровь, и неделю после Ольга ходила, расставляя ноги, чтобы не так больно было растертой пусе. Это было именно то, чего она хотела.

Месяца через три-четыре работы парням прибавилось. Девушки водила к барыне и друг к другу уже не одного, а двух парней сразу. Одного для пуси, другого для попы. А однажды Дуня привела сразу пятерых. Одного Ольга уложила на ковер и села ему на дик, второму выставила попу, а трое других стояли вокруг на коленях, дик одного Ольга держала во рту, а головки двух других терла руками. Утром Дуня отнесла всем парням по три серебряных рубля, а следующей ночью сама проделала с ними всё то же самое, что княгиня. И наутро отнесла всей пятерке еще по 3 рубля.

Так прошли два года. И императрица стала всё чаще получать письма, в которых знаменитые ученые и философы со всей Европы, с которыми императрица состояла в переписке, восхищались княгиней Шириной, передавали ей приветы и недоумевали, отчего ее величество не украсит свой двор таким бриллиантом.

После четырнадцатого такого письма императрица послала своей статс-даме, а в статс-дамы Ольгу произвели по ходатайству тогда еще живого князя, когда ей не исполнилось и шестнадцати, депешу с повелением прервать затворничество и явиться ко двору.

Ольгу это приглашение обрадовало очень мало. Но она подчинилась.

Императрица приняла Ольгу ласково, посмеялась над тем, как они делили ее мужа, и предложила забыть былую ревность. Ольга присела в реверансе.

При этом разговоре присутствовал фаворит императрицы, граф Сергей Турчин. И ее величество не

пропустила быстрый взгляд, который граф бросил на княгиню Ширину.

На третий день граф Турчин приехал к княгине с визитом. Но княгиня выслушала пылкие признания графа сухо. В своем ли он уме? Понимает ли последствия?

Но граф не отступил. Он что-то прошептал Ольге на ухо, и Ольга что-то ему ответила. Тоже на ухо. После этого граф Сергей удалился. А княгиня слегла больной.

Прошла неделя, потом другая. Ольга все так же лежала больная. На третьей неделе своей болезни, так и не встав с постели, Ольга написала письмо императрице, прося отпустить ее для лечения за границу, в Германию.

Через два дня она получила милостивое согласие и паспорт. И уже на следующий день карета с укутанной в подушки княгиней скакала к Пскову. Причем, чем дальше княгиня удалялась от столицы, тем лучше себя чувствовала.

Через полгода в Гейдельберг, где всё еще продолжающая болеть княгиня, чтобы развлечь себя, слушала лекции местных профессоров, дошла весть, что императрица скоропостижно скончалась и императором стал ее маленький сын. А регентом – граф Турчин. Неделей позже Ольга получила предписание вернуться в Петербург.

По приезду ей была назначена аудиенция у регента. Первые слова графа были о том, что он сделал обещанное, теперь очередь Ольги. На это Ольга повернулась к графу спиной и попросила расшнуровать корсет.

Через два с половиной месяца регентство у графа Турчина отобрали и передали регентскому совету, а самого графа сослали на Урал. Княгиня Ширина осталась в Петербурге.

Поклонников у красавицы и одной из самых богатых невест империи было, естественно, множество. Но всем

им гордая княгиня говорила, что любовь нужно доказать.

Из-за этого дуэли между поклонниками происходили чуть ли не каждые две недели. Что очень развлекало княгиню. Порой она даже навещала раненных дуэлянтов, утешая их то сестринским поцелуем, то лентой со своей головы, а иногда и поглаживанием руки. Но никогда ничего больше.

А в доме княгини жизнь шла своим чередом. Много времени она занималась с сыном, то зацеловывая и задаривая подарками, то наказывая по попе. Стоило сыну плохо выучить урок, как мама спускала с него кружевные панталончики и, задрав подол, укладывала князя Григория животиком на свои голые колени. Розгой она сына никогда не секла – всегда только рукой. Не сильно, но очень долго – иногда по часу.

Скоро маленький князь догадался, что когда он начинает ерзать и тереться животиком о мамины колени, шлепки становятся слабее, а потом и вовсе превращаются в поглаживания. И тогда наказания стали сводится к тому, что Гриша елозил у мамы на коленках, а мама гладила ему попу.

Теперь мальчик старался сам заработать наказание всякий раз, когда мама приходила в его комнату. Один раз, когда он лежал на коленях, ему захотелось на горшок. И он стал проситься. Но мама как будто не слышала. Через десять минут он написал маме на ноги и страшно напугался: вот теперь мама нашлепает так, что не сядешь. Но мама вовсе не рассердилась. Наоборот – поцеловала ему попу и писку.

А еще в Ольгином доме появилась стайка прелестных девочек – от шести лет и до девяти. Их, самых красивых, специально собирали по всем именьям княгини и на радость родителям, а больше – самих девочек, отсылали в Петербург. Княгиня осматривала прибывших

голенькими и отбирала тех, кто ей понравился. Остальных отправляли назад.

Учила девочек сама княгиня. Для уроков была устроена специальная классная комната.

Начинается учеба с того, что княгиня привязывает девочку к скамье и сечет розгой. Раз десять-пятнадцать. Потом объясняет девочке то, что нужно запомнить и о чем нужно молиться утром, как проснешься, и вечером, перед сном.

Беспрекословно слушаться княгиню и стараться во всем угодить. Это первое. Второе – никому не рассказывать, что происходит на уроках. Ни другим девочкам, ни прислуге, никому. Иначе ее запорют до смерти и того, кто слушал, тоже. Поняла? Запомнила? Если будешь слушаться и хорошо учиться, выйдешь замуж за дворянина.

После этого княгиня снова привязывает девочку к скамье и снова сечет. Пока девочка под розгой не повторит всё, что ей было велено запомнить.

Потом княгиня девочку отвязывает, переворачивает на спинку и подкладывает под попку мягкую подушечку, без подушечки девочка еще дней пять на спинке лежать не сможет. Поднимает и разводит девочкины ножки, а сама достает из коробочки с нефритовыми палочками, дядиными, палочку подходящего размера, обмакивает ее в масло, и разводит этой палочкой губки девочкиной пуси. Скажешь, когда станет больно.

Девочка дрожит от страха, вся сжалась, ей уже больно. Тогда княгиня отдает палочку девочке, слегка нажимает на кулачок, в котором девочка держит палочку, так чтобы закругленный конец палочки был между губками пуси, и говорит, давай сама. Мама запорет, отвечают те, кто постарше. Будешь слушаться, через год сама маму запорешь.

И девочка начинает пропихивать палочку себе в пусю. Ой, больно! Княгиня резко надавливает на

кулачок с палочкой, девочка кричит, а княгиня вынимает палочку и смотрит – всё ли в порядке. Всё в порядке – в крови. На этом первый урок закончен.

Занимаются ученицы голыми. Голая и учительница. И сидят ученицы не за партами, а у учительницы на коленях.

Учительница то невероятно добрая, то очень суровая. За ошибку в письме или во французском уроке может уложить на скамейку и больно высечь. А может и ничего не сделать. Во время урока может посадить к себе верхом на коленку и начать подбрасывать – играть в лошадку. А может просто зацеловать: и животик и между ножками.

Тут же, в классе стоит и ночной горшок, но отпускает на него княгиня учениц редко. Обычно приказывает, чтобы девочка всё делала на нее. Или, если княгиня занимается сразу с двумя ученицами – на подружку.

Сначала девочки стесняются, но княгиня напоминает им про первый урок: беспрекословно слушаться, и от стеснения и следа не остается.

Скоро девочки учатся, что избежать наказания очень просто. Нужно просто приласкаться. Прижаться всем тельцем, или обхватить княгиню за шею руками, или забраться на колени и расцеловать. Княгиня добрая – сразу же сама обнимет и расцелует.

Потом – новое открытие: если погладить учительнице низ живота, там где волосы, а потом засунуть ручку между ног, то княгиня отопрет специальный шкафик и даст вкусную-превкусную конфету. Или даже прикажет принести мороженое.

Теперь занятия проходят так. Пять минут княгиня проверяет, как сделан урок. Потом ставит отметку. Плохую – розгой по попе, но не очень больно, а хорошую – поцелуями. Потом сажает ученицу верхом на коленку, а если учениц две, то одну на левую коленку, а другую на правую, и десять минут рассказывает что-нибудь новое или отвечает на вопросы. А потом

учительница и ученицы просто обнимаются и заласкивают друг друга – от пусь до шеек.

Потом, если девочки ласкались сладко, учительница угощает их чем-нибудь таким же сладким, что всегда есть в шкафике, задает урок на следующий раз и отпускает. Через полчаса приходит новая ученица. Или две.

Конечно, девочкам так и хочется рассказать приставленным к ним горничным про уроки. Но они и сами боятся, и горничные ни за что на свете не станут их слушать. Одна послушала. И ее на глазах у всей дворни запороли насмерть. Вместе с болтушкой. На экзекуции присутствовали все ученицы. Наблюдала за ней и княгиня.

Через три-четыре месяца хорошие ученицы уже спят с княгиней в одной постели. Княгиня ложится поздно. Если не была в свете, то читает допоздна. Или пишет что-то. А иной раз и в комнате для опытов, Ольга перевезла ее из имения в петербургский дом, засиживается, она по-прежнему одержима желанием узнать тайну жизни.

Но вот занятия кончены, и княгиня ложится в постель. Девочка, которая к этому времени давно спит, знает, что сейчас нужно проснуться и всю маменьку, они теперь зовут княгиню так, расцеловать и затискать. Сперва щечки и губки. Потом – шейку. Потом большие, очень большие грудки. Это маменька любит особо, и девочка старается вовсю: в сосок, еще в сосок долгим поцелуем, теперь в другой, теперь грудку приподнять и закинуть наверх, теперь потискать, другую потискать, снова в сосок...

Потихонечку девочка сползает вниз и зацеловывает маменьке животик. Потом ныряет между широко расставленных ножек маменьки и начинает ласкать пусю.

Пуся у маменьки мокрая и горячая. Девочка целует ее всю и забирается ручкой внутрь. Забраться надо

глубоко, как маменька любит. Теперь надо водить ручкой туда и сюда, от бугорка снаружи до самого глубокого места. И побыстрее, так маменька больше любит. Вот так. И вот так. И вот так.

Ну, вот и случилась – маменькина пуся обливает девочку теплым и сладким. Девочка вылизывает всё это язычком и высовывает головку из-под простыни: я хорошо делаю?

Дальше уже маменька обнимает и целует девочку, не оставляя ни кусочка непоцелованным. Затем сажает на корточки прямо себе на лицо и велит пустить золотой дождик.

Девочка знает, что такой приказ будет, и поэтому перед сном никогда не писает. Она уже давно терпит и боится описаться раньше времени. Ну, вот – теперь, наконец, можно. И девочка льет маменьке золотой дождик прямо в раскрытый рот.

А теперь надо снова подобраться к маменькиной пусе, поцеловать ее и попроситься: а мне. Открыть рот и ждать, когда маменька написает.

Сначала маменька этого не делала, только давала ученице тряпочку, которой вытиралась. Сперва – понюхать, после – и пососать. Потом девочки учились вылизывать язычком то, что княгиня вытирала тряпочкой. Отличницы получали дорогие подарки. И через месяц девочки уже дождаться не могли золотого дождика из маменькиной пуси.

Ну вот, маменька девочку описала. И звонит, требует сухую постель. Через минуту постель переменена, и Ольга счастливо засыпает, прижав воспитанницу к груди.

А утром девочку ждет подарок: браслетик или колечко – маменька добрая.

Прожив в Петербурге такой жизнью два года, Ольга снова собралась за границу. Ей никто не препятствовал, и она спокойно прибыла со своим двором в Париж.

Париж принял русскую княгиню доброжелательно. Этому помогло и то, что со всеми лучшими умами Франции княгиня Ширина переписывалась уже несколько лет.

Вокруг Ольги составился кружок интеллектуальной элиты. Скоро он превратился в знаменитый салон: быть приглашенным к княгине Шириной стало почетно, здесь собирался цвет Парижа.

В Петербурге Ольга мало-кого принимала дома и на упреки знакомых дам в неподобающем ее положению затворничестве только улыбалась, отговариваясь большим количеством других дел: с десяток имений требовал времени. Чтобы управляющие воровали в меру. На вопросы же своих парижских знакомых, почему у нее не было салона в Петербурге, Ольга отвечала другое: из дикарей, невежд и дураков салон не составить.

Поклонников вокруг княгини вилось множество, дрались на дуэлях из-за нее постоянно. Но Ольга никого не выделяла. И счастливо проводила ночи со своими маленькими фрейлинами. Пока графиня Элеонора д'Абриньяк не привела в Ольгин салон своего любовника – молодого маркиза де Гриньи.

Маркиз влюбился в Ольгу немедленно и страстно. Он оставил графиню и стал следовать за Ольгой по пятам. И Ольга скоро решила его пылкость наградить. Но дать себе волю ей не позволили приличия, и ночь в охотничьем домике маркиза прошла скучно.

Графиня отнюдь не смирилась с потерей любовника. И при очередной встрече влепила Ольге пощечину. Дуэль между дамами была назначена на следующее утро.

Съехались Ольга и графиня в укромном уголке Венсенского леса. Дрались на шпагах. До первой крови. Обнаженными до пояса. Продолжалась дуэль не более минуты: Ольга проткнула сопернице живот, как раз под

поясом, который удерживал спущенный лиф платья графини.

Такие дуэли не были в Париже редкостью, удивила общество не дуэль, а то, что произошло после. Сразив соперницу, княгиня Ширина бросилась к ней раньше, чем успели подбежать слуги графини. И, не слушая никаких возражений, приказала везти раненую в свой дом.

Два дня Ольга не отходила от постели Элеоноры, ждала пока та очнется. А когда дождалась, покрыла руку соперницы поцелуями и на коленях просила о прощении.

Едва ли это утишило ревность графини, но Ольга увенчала свои мольбы клятвой вернуть Элеоноре маркиза. Услышав это, Элеонора чуть улыбнулась и снова потеряла сознание. Когда она второй раз открыла глаза, Ольга была всё тут. Снова мольбы и та же клятва, про которую Элеонора уже думала, что ей это всё приснилось.

Поправлялась графиня медленно, рана была тяжелая. И все время Ольга не отходила от ее постели, не позволяя никому другому ухаживать за раненой. Она меняла ей повязки, кормила с ложки, подкладывала судно и сама его выносила. И все время целовала руку, молила о прощении и повторяла обещание про маркиза.

Салона княгини Ширины больше не было, Ольга никого не принимала.

Прошло дней десять, и Элеонора стала смягчаться. Она смотрела на Ольгу уже без былой ненависти и больше не старалась отнимать руку, когда Ольга ее целовала.

Еще через неделю Элеонора сама в первый раз поцеловала руку у Ольги.

И между дамами вспыхнула любовь. Быть друг без друга обеим стало невозможно. Когда Ольга выходила из комнаты хоть на пять минут, Элеонора не могла

дождаться, когда она вернется. И через два дня она сама попросила Ольгу спать вместе.

Этого Ольга хотела уже давно. Она немедленно скинула платье и через минуту подруги душили друг друга объятиями и целовались до синяков. Оторваться друг от друга они смогли только утром, когда пришло время менять повязку.

Через два дня после этой ночи Элеонора была полностью здорова. Но всем посетителям было объявлено, что здоровье графини улучшается очень медленно и что княгиня Ширина по-прежнему никого принимать не может. Так как никому не может передоверить уход за больной.

Через две недели Элеонора уже не помнила, что ей когда-то нравились мужчины. Все ее мысли были поглощены одной Ольгой. И подруги то и дело обливали друг дружку то желтым, то прозрачно-мутным.

Ночи они проводили вдвоем. Один раз Ольга спросила, не хочет ли Элеонора попробовать ее маленьких девочек. Но ревнивая графиня об этом и слышать не захотела – только Ольга. А маркиз? Ты его уже забыла? Никого не хочу, только тебя.

Но, когда после дуэли прошло три месяца, графине все же пришлось объявить себя выздоровевшей и вернуться домой. И вечера у признанной светом святой русской княгини возобновились. ,

Полтора года любовницы продолжали видеться два-три раза в неделю. Но Элеоноре этого было мало. Ольге же, наоборот, их связь стала надоедать. Тем более, что ей всё больше нравилась другая светская дама – жена маркиза, Изабель де Гриньи.

Как хозяйка салона Ольга уделяла Изабель чуть больше внимания, чем другим своим гостям. Чуть больше улыбок, чуть больше разговора.

Этого хватило, чтобы Элеонора почувствовала неладное. Ты меня больше не любишь? И Ольге пришлось доказывать, что это совсем не так: она

впилась губами и языком в пусю Элеоноры и быстро довела ее до изнеможения.

Но, и накричавшись от страсти, Элеонора не успокоилась. Уж не вздумала ли ты таким образом доставить мне маркиза? Ольга только покачала головой и, присев над лицом подруги, обдала ее золотым дождем.

Однако через два месяца Элеонора снова заметила, что к Изабель Ольга внимательней, чем к другим гостям. И вспылила. Колкая шутка в адрес маркизы. Затем другая. Третья, уже почти неприличная – про мужа. И Изабель ничего не оставалось, как вызвать обидчицу на дуэль. Стреляться. Завтра на рассвете.

Через полчаса после разъезда гостей Элеонора вернулась в дом Ольги. Об этом Ольга ее сама попросила, шепнула на ухо при прощальном поцелуе.

Ольга ждала Элеонору у двери, и немедленно повлекла подругу в спальню. Зачем ты это сделала? Я так тебя люблю! А я! И, не тратя, времени они стали срывать друг с друга платья. До пяти часов, когда надо было вставать, Ольга и Элеонора так и не заснули. А в пять поскакали на ту же полянку в Венсенском лесу, где почти два года назад дрались сами. Изабель со своей секундантшей их уже ждали.

Дуэль прошла еще быстрее первой. Изабель, известная в Париже страстью к охоте, пробила графине голову раньше, чем обессиленная страстной ночью Элеонора успела поднять пистолет.

В эту ночь в постели княгини спали сразу три фрейлины. Все счастливо хохотали, поливая друг дружку золотым дождиком. А когда у Настеньки по ногам в первый раз побежало еще и красное, совсем развеселились.

Ольга прожила в Европе двадать три года. Большей частью – в Париже. Но каждый год она по нескольку

месяцев путешествовала и, в конце концов, изъездила всю Европу.

Фрейлины ее росли, и не позже тринадцати лет она выдавала их замуж. Здесь же, во Франции. С таким приданным, которое делало супруга безразличными, почему его жена не девственница. А взамен выросших из имений княгине привозили новых воспитанниц.

А потом ее потянуло в Россию. Европа оказалась вовсе не такой прекрасной, какой когда-то казалась ей из Петербурга. Философы – не такими уж мудрецами. А ученые – не такими уж учеными.

Все эти годы она не прекращала своих занятий. Не прерывала и общения с интеллектуальной элитой. Но результатом занятий были только всё те же неразгаданные тайны. За всю свою жизнь она так и не приблизилась к их разгадке. И уже перестала надеяться, что сумеет приблизиться.

Ольга знала про масонов, слышала и рассказы про восточных мудрецов, владеющих тайнами мира. Но это был мужской мир, для женщины закрытый. Хотя рассказы про восточную мудрость отчего-то холодили ей низ живота и вызывали позывы освободиться от золотого дождя.

Впрочем, оставалась еще надежда. Один из соотечественников рассказал ей, что среди православных монахов есть великие мудрецы – старцы, знающие о мире больше французских и немецких философов. Конечно, они сторонятся женщин, охраняя себя от искушения. Но некоторые допускают до себя и женщин.

У всегда презиравшей всё, что связано с русской церковью, Ольги от этого рассказа опять отчего-то похолодел низ живота и золотой дождик опять стал проситься наружу.

Рассказ о старцах почему-то запал Ольге в душу. Она всё чаще и чаще думала о нем. Пока, наконец, не решила вернуться в Россию.

Для жизни она определила себе не костромское, сыновье, именье, а украинское, отцовское. Конечно, его нужно привести в порядок, господа в нем не жили лет пятьдесят, если не больше. Но это было исполнено на удивление быстро, уже через три месяца управляющий писал ей, что к приезду княгини всё готово. И к весне со всем своим двором Ольга прибыла в новый дом.

И снова, в какой уже раз, ее жизнь стала совсем другой: поездки по монастырям, разговоры со "святыми людьми".

Некоторых из них княгиня слушала с интересом. Но большей частью уезжала недовольной. Она была слишком ученой, а ее собеседники – слишком невежественными. Отдельные их слова, правда, отзывались в ней. Но не в сердце. А тем же холодом в том же месте – в низу живота. И тем же желанием скорее посетить уборную.

Однажды в Киевской лавре она встретила группу богомольцев: крепкого, но слепого старика в церковь под руки ввели две молодухи, дочери или снохи. Втроем они прошли мимо Ольги к алтарю. Через три шага старик резко остановился и сделал молодухам какой-то странный жест. Молодухи повели его обратно к выходу. Проходя мимо Ольги, старик громко втянул носом воздух.

Когда Ольга вышла из церкви, все трое стояли у дверей. Но сейчас к ним присоединился четвертый – молодой мужик, наверное, сын старика. Этот мужик стал спрашивать у Ольги, не окажет ли их сиятельство милость быть крестной матерью у его сына, крестины сегодня? Княгиня сухо ответила, что занята.

В следующий момент сильный удар сбил ее с ног, и чьи-то железные пальцы сдавили Ольгино горло. На ней лежал старик с лицом, перекошенным восторгом ярости. Теперь Ольга узнала его – Суббота.

Потом в левую грудь вошло что-то острое. Потом – ничего.

V

Детство, отрочество и юность прошли. Прошла и первая молодость. Прошли они в Москве, в квартирке из двух смежных комнат на пятом этаже хрущобы, пятиэтажного панельного дома, на Кастанаевской улице, недалеко от метро "Пионерская".

Родители Олега, оба – интеллигенты в полуторном поколении, отец – инженер-электрик, мать – учительница биологии – умерли в тот год, когда Олег окончил институт и начал работать. Оба – от рака.

Детство? Детство как детство. Бесцветное детство. Заниматься Олегом у родителей времени особо не было. Ясли, детсад, школа – светлый путь большинства советских детей.

Из раннего детства запомнился рёв за стенкой и хлопанье ремня по голой попе: сосед по лестничной площадке порол сына Витеньку, приятеля Олега по младшей группе детсада. Это случалось не реже раза в неделю. Самого Олега родители ремнем не наказывали, только грозились. По тем временам – неслыханный либерализм в воспитании ребенка, неважно, мальчика или девочки.

Но Олега почему-то тянуло познакомиться с ремнем поближе. И однажды, когда родителей не было дома, он лег на диван, чтобы попороть себя самому. Но стоило ремешку коснуться голой попы, как Олежка описался. Прямо на диван. Мама потом ничего не могла понять: уже год как и по ночам не писается, а тут днем. И почему штаны сухие? Но поставленный в угол Олег молчал, и вопросы так и остались неотвеченными. А пятно на диване закрыли покрывалом.

Читать Олег научился бегло в шесть лет, до этого – только по слогам. И, научившись, стал глотать книжку за книжкой.

Учился в школе хорошо, особенно по арифметике, а потом и по алгебре. В девятом классе перевелся в физико-математическую школу, до которой нужно было ехать двадцать минут на метро и еще десять минут идти пешком. Вставать теперь приходилось на полчаса раньше, но зато в этой школе у Олега появились друзья. И, вообще, учили здесь лучше.

Но главным была не учеба. А друзья, компания. С ними было интересно. От них Олег узнал имена, которых раньше не слышал: Булгаков, Пастернак, Мандельштам... Собираясь, пели Окуджаву и Галича, других бардов считали второсортными, даже Высоцкого. Или читали друг другу стихи. Ходили в кино и театры. Но – только в элитные. Если театр, то Таганка, если кино – "Иллюзион". Как-то раз достали непереплетенную ксерокопию "Архипелага" и читали всей компанией, передавая друг другу прочитанные страницы.

До физматшколы Олег был вполне правоверным пионером, а в восьмом классе – и комсомольцем. Но в новой школе его за полгода перековали, и он сделался махровым антисоветчиком. "Архипелаг" это перевоспитание завершил.

Мечтали о Западе. Но это было еще невозможней, чем попасть на Луну. Евреем Олег не был, а русскому на Запад был один путь – сбежать. Но на это у Олега не было авантюризма.

Кончалась школа, нужно было думать, что дальше. Олегу хотелось заниматься социологией. Но социологии в Союзе не учили. Решил попробовать на мехмат. Не вышло - с двумя тройками не приняли. В результате поступил в институт электроники.

В институте учился средне. Но увлекся живописью. Стал покупать альбомы, часами пропадал в Третьяковке

и Пушкинском, ездил в Ленинград – в Эрмитаж и Русский музей.

Среди картин Третьяковки почему-то больше всего ему нравилась "Девочка с персиками". А вот с залом икон было странно – стоило Олегу туда зайти, как он сразу же бежал в туалет. Облегчить мочевой пузырь.

Рисовать сам Олег не пробовал – помнил историю, которая случилась с ним во втором классе.

Тогда на уроке рисования учительница велела нарисовать воробья, а он вместо воробья нарисовал саму учительницу. Соседка по парте увидела, расхохоталась, шарж и в самом деле был уморителен, и прежде чем Олег что-то понял, схватила рисунок и передала его девочке за соседней партой. Так портрет обежал весь класс, пока, наконец, уже под общий хохот не оказался в руках у самой учительницы.

Но учительница не рассмеялась. А сказала, что таким ученикам, как этот бездарный художник, не место среди октябрят. И таких никогда не примут в пионеры. Она построила класс и торжественно сняла с Олега октябрятскую звездочку.

Как он ревел! Что может быть страшнее для человека? Раз он такой бездарный, никогда, никогда в жизни он не будет больше рисовать. Только то, что задают на уроке. Пять раз он просил у учительницы прощения, пока она, наконец, не смилостивилась и не сказала, что нужно делом доказать, что он достоин быть октябренком.

Два месяца Олег старался как мог – хватался за любое поручение, помогал кому только было можно, мыл пол в классе, получал одни пятерки, пока наконец – о счастье! – его снова не приняли в октябрята.

Но клятву свою Олег сдержал – больше никогда в жизни он не рисовал.

Увлекся в институте Олег и музыкой. Каждую неделю, не реже, он ходил в консерваторию или в зал Чайковского. Начал собирать пластинки. "Лунную

сонату" мог слушать и переслушивать часами. Но слуха у него не было, и даже гитару, сколько он не бился, освоить Олег не смог.

Увидев как-то альбом Чюрлениса, Олег влюбился в автора, у которого музыка и живопись слились в одно. Олег три раза ездил в Каунас, в музей Чюрлениса, и даже подружился с одним из тамошних экскурсоводов.

В аспирантуру Олега не взяли. Но распределился он хорошо – в институт, находившийся в длиннющем, чуть ли не в километр длиной, здании на юге Москвы. Институт этот занимался тем, что воровал разработки американской компании, делающей компьютеры.

Там Олег и работал. И даже через несколько лет защитился, стал кандидатом технических наук. Для двадцати девяти лет очень неплохо. Ездить, правда, вначале было далековато, но, оставшись без родителей, Олег обменял квартирку на Кастанаевской на точно такую же на Чонгарском бульваре. Оттуда до работы можно было дойти пешком.

В первый раз Олег влюбился в детском саду. Правда, вспомнить имя своей первой возлюбленной потом он не мог. Через год, уже в школе, первую любовь сменила вторая. Три дня она была взаимной, пока крики одноклассников про жениха и невесту не охладили сердце Риты, так звали вторую возлюбленную Олега, и взаимная любовь не превратилась в неразделенную. Тем не менее, продлилась она пять лет. Хотя все эти годы Олег и попыток не предпринимал сблизиться с любимой.

А настоящая страсть вспыхнула, когда Олегу было пятнадцать. Там было всё: ухаживание, измена, возращение, первый поцелуй и первая постель.

Правда, постель получилась платонической. Олег привел Машу, когда родителей не было дома. К этому времени они уже истомили друг друга объятиями в укромных уголках Филевского парка и сразу же бросились раздеваться.

Вообще, до романа с Машей Олег был свято уверен, что, если ты взял девочку за руку, то даже не то, что ты обязан жениться, какие здесь могут быть обязанности, ведь женитьба – это счастье, а просто вы обязательно поженитесь. После такой-то близости. И, влюбившись, ни о какой другой близости он и не мечтал. Он и об этой-то не мечтал, только бы Маша его полюбила, дальше фантазия у него не шла. И когда после двух месяцев провожаний и таскания машиного портфеля Маша сама взяла его за руку, предела счастью Олега не было.

Как не было и предела горю, когда через два дня Маша сказала, что ошиблась и что любит она не Олега, а их одноклассника. Месяц Олег проходил раздавленным, даже хотел повеситься. Но не повесился.

А через месяц Маша вернулась. Сама. И снова взяла Олега за руку. Больше ему ничего не было нужно.

Но не Маше. После очередного похода в кино, она привела Олега в какой-то двор и поцеловала первой. В губы. Забравшись языком глубоко-глубоко, куда-то к горлу.

Так и пошло. Каждодневные прогулки там, где их никто не мог видеть, поцелуи, объятия. Скоро Олег научился забираться Маше под свитер, расстегивать лифчик и теребить небольшие грудки. Потом – протискивать руку в джинсы и сжимать Машину попу. Потом, чтобы руке было удобней, расстегивать на джинсах верхнюю пуговку.

Потом был Филевский парк, здесь, если только никто их не спугивал, Олег мог часами ласкать Маше грудки и попу. Но всегда – только под свитером и джинсами.

И вот она рядом, здесь, на диване, голенькая. Где-то между сжатыми ножками, там есть то, что он сейчас проткнет, и они до самой смерти будут жить счастливо и умрут в один день. И не будет больше ни стыдного онанизма, по два раза в день Олег запирался в уборной и избавлял себя от напряжения в унитаз, ни стыдных

поллюций, когда только и думаешь, чтобы родители не унюхали этот едкий запах, а они, конечно, его унюхивают, и спасибо еще, что молчат.

Но ничего такого не случилось.

Маше очень нравилось, когда руки Олега пробирались к ней под свитер и в джинсы. Особенно – когда рука скользила по животу вниз. Маша даже немного раздвигала ножки, как бы приглашая руку идти еще дальше. Но когда рука подбиралась уже совсем близко к пусе, Машины ножки сжимались – дальше не надо. И Олег послушно останавливался. Тем более, что о том, что делать с пусей, представления он имел самые смутные.

И сейчас, когда она оказалась на диване голой, стоило Олегу начать снимать трусы, Маша хватала его за руку и заставляла натягивать трусы назад. Маше хотелось. Очень. Но она боялась беременности. Это в шестнадцать-то лет! И подумать страшно. И ножки Маши прижимались друг к другу.

Наконец, она дала Олегу снять трусы. Но дальше ничего не случилось. На Олега напал ступор. Тянуло низ живота, и он не мог пошевелиться. Даже обнять Машу не мог. Не говоря о чем-то еще. Пришлось одеваться.

Потом всё повторилось еще раз, но уже в лесу. А через месяц их роман кончился.

О том, что детей находят не в капусте, Олег узнал лет в семь. Но, что и как происходит, понял мало. Понял, что папа что-то вставляет маме куда-то. Но что? И куда? Ну, что – понятно. Пиписку, больше нечего. А куда? Только в попу. Ведь больше вставлять некуда. Не в рот же. И когда Олег представил, что его папа вставляет его маме в попу пиписку, его чуть не стошнило от отвращения. Такая гадость! И подумать противно, не то, что заниматься этим.

Вообще, одноклассники Олега, когда они учились в третьем и четвертом классе, много об ЭТОМ говорили. Но Олег стеснялся расспрашивать более осведомленных

сверстников – засмеют. Вот и получилось, что чуть ли не до тринадцати лет Олег не знал, что, сидящие на корточках девочки писают не пипиской, не как мальчики.

Пребывать в этом неведении ему помог странный случай. Однажды, Олегу было лет девять, он смотрел, как мамина приятельница укладывает спать пятилетнюю дочку. И он ясно видел внизу дочкиного животика точно такую же пиписку, как его собственная. Во всяком случае, он несколько лет прожил в уверенности, что видел.

Женился Олег через год после смерти родителей. К этому времени он еще оставался девственником. Романы в институте у него были, но всё как-то не получалось. И Олег бросился наверстывать упущенное с Ириной, так звали жену.

Познакомились они, когда Олегу было двадцать два, он как раз заканчивал институт, а Ирине семнадцать. Дочка учительницы литературы, воспитанная без отца в духе не дай поцелуя без любви, провалилась на филфак и пошла работать продавщицей в букинистический магазинчик. Как раз напротив института, где учился Олег. Олег туда часто заходил.

В тот день он забежал в магазинчик, когда Ира уже закрывалась. И они почему-то разговорились. О Серебряном веке. Потом пошли в подсобку, где Ира напоила его чаем. А потом Олег и сам не заметил как оказался в кресле, а Ира у него на коленях с раскрытым Бальмонтом из "Библиотеки поэта", огромной редкостью, читает ему стихи.

И точно так же, непонятно как, как-то само собой получилось, что Олег уже не сидит, а полулежит в кресле, а Ира – на нем. Прижимается своей блузкой к его свитеру, а юбкой, брюк она никогда не носила, к растущему бугорку на олеговых штанах. Олег задирает эту юбку и несильно, но вполне чувствительно шлепает Иру по трусикам. А Ира приговаривает, что так ее так,

скверную девчонку, и надо. И снова трется своими, ставшими уже мокрыми трусиками о бугорок Олега. Ей хочется целоваться, но она не смеет поцеловать Олега первой. Олег ее тоже не целует, только шлепает по трусикам. А со стены на них смотрит непонятно откуда здесь взявшаяся репродукция "Девочки с персиками".

Такие встречи стали повторяться: Олег приходил вечером, клал на себя Иру и шлепал. Он понимал, что Ире хочется, чтобы он снял с нее, наконец, эти проклятые трусики и добрался до пуси. Но Ира ему не нравилась, о женитьбе на ней он и подумать не мог, а как же без этого можно лишить девочку невинности? Тем более – такую малышку, только после школы. Совершенно немыслимо.

И, в очередной раз лежа в кресле, Олег решил, что надо кончать. Он выпрямился, засунул Ирину голову себе под мышку, вытянул из брюк ремень, спустил с Иры розовые трусики, на них оказался и коричневый след от плохо вытертой попы, и стал пороть счастливо замершую, но еще ничего не понявшую Иру металлической пряжкой по голой попе. Изо всех сил. До крови. Закончив порку, Олег одел куртку и ушел.

Пока Олег порол ее, Ира только кусала губы и не издавала ни звука. Разревелась она, когда Олега не стало. Наплакавшись, Ира провела рукой по отчего-то ставшей мокрой попе. Рука была в крови. Ира промокнула попу трусиками, и кое-как остановила кровь. Сняла трусики, превзнемогая боль, до попы дотронуться было невозможно, снова провела рукой – вроде, сухо, крови нет. И Ира пошла домой. Перемазанные трусики она выбросила в первую же урну. Было поздно, магазины закрыты, купить новые негде. Взять чистые дома тоже нельзя – мама заметит. В общем, снова надеть трусики Ира смогла только на следующий день, когда, обежав в обеденный перерыв три магазина, нашла такие же, как те, что выбросила

вчера. А потом целый месяц Ира боялась, чтобы мама как-нибудь случайно не увидела ее попу.

На этом их отношения с Олегом и закончились – больше они не виделись.

А когда случайно встретились через два года на улице, Олег увидел Ирину совсем другими глазами. И второй раз в жизни влюбился. Добивался взаимности он недолго. Стоило ему сказать про поженимся, как Ира запрыгала на одной ножке, закричала "Да-да-да!!!" и повисла у Олега на шее.

На следующий день она принесла из своего магазинчика в квартиру Олега, которая будет теперь их квартирой, ту самую "Девочку с персиками". И Персиянка, так они почему-то назовут потом серовскую девочку, видевшая Ирину попу в крови, смотрит теперь, как Олег по три раза в день – до работы, после работы и на ночь – стягивает с этой попы трусики.

Впрочем, и здесь всё оказалось непросто. Спросить совета ни у кого Олег не мог – он бы со стыда сгорел. Книжек об ЭТОМ в Союзе не было. И о том, что и как надо делать, представления у Олега были самые приблизительные. У Иры – еще меньше.

Когда они в первый раз оказались голыми на кровати, Олег немного раздвинул Ирины ноги и лег сверху. Пуся Иры была здесь, но как до нее добраться? Дик торчит вниз, а пуся-то впереди. Тут у Олега похолодел живот, дик помягчел и ему пришлось сбегать в уборную. Вернулся, дик опять окаменел, снова лег на Иру, но ничего не изменилось: дик смотрит вниз, а не вперед. Пришлось взять его в руку. Но и рукой проткнуть пусю не получается. И Олег стал тереть рукой головку дика о губки пуси. И через пять минут облил всю Иру, от волос на животе до попы, белым.

Так и пошло. Олег то и дело ложится на Иру. Но без помощи руки ничего сделать не может. И через полгода Ирина все еще оставалась девственницей. Правда, ни она, ни Олег об этом не догадывались.

Иногда Олег Ирину не укладывает, а ставит на четвереньки, и Ира послушно стоит, выставив пусю. Только Олег смотрит не на пусю, а на дырочку между разведенными половинками попы. Но как ее проткнуть диком, когда она так плотно сжата? О нее можно только потереться, не выпуская дик из руки, можно залить белым, но – ничего другого.

То же самое, и когда Олег сажает Иру сверху. И здесь без помощи руки ничего не выходит.

Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы через полгода Ира не уехала на неделю к бабушке, в Тулу. За эту неделю Олег встретил Галю. В гостях. Из гостей они ушли вместе, и Олег проводил Галю до троллейбуса. А потом неожиданно для самого себя пригласил зайти к нему домой. Галя не возражала. Дома, чувствуя себя настоящим гусаром, Олег поцеловал Галю. Галя не возражала. Стал раздевать. Галя не возражала. А дальше уже все делала сама Галя: улеглась на спину, не развела чуть-чуть, а раскинула как могла широко, да еще и задрала чуть ли не к плечам ноги и так удобно распахнула пусю, что Олегу ничего другого не оставалось, как провалиться в нее диком. Так вот как это должно быть!

Продолжения роман с Галей почти не имел. Встретились они еще только раз, через месяц. Галя позвонила и сказала, что беременна. И что аборт стоит двадцать пять рублей. Олег занял четвертной у приятеля и отвез Гале.

Когда Ирина вернулась из Тулы, Олег прямо из прихожей потащил ее на кровать, не дав снять пальто. Стащил трусики через сапоги, спустил свои брюки с трусами и забросил Ирины ноги в сапогах себе на плечи. Вставил дик между губок пуси и надавил. Ира закусила губу, но всё же вскрикнула от боли. Но Олег быстро порвал пленку и залил подкладку Ирининого пальто красным. Не как это бывало у них с простынями в дни

Ириных менструаций, а как это должно было случиться еще полгода назад.

Через год у них родился сын. Васька.

А потом началась перестройка. И появились кооперативы. Правда, в то, что это серьезно, Олег поверил не сразу. И первый год он старался о кооперативе и не думать – сначала разрешат, потом посадят. Как нэпманов. Знаем мы этих коммунистов.

Но через год, когда оказалось, что пока никого не сажают, Олег решился попробовать. Ведь такой соблазн: одна операция – и обеспечен на всю жизнь. Только на одном персональном компьютере можно заработать пятьдесят тысяч. А если ввезти десять? А если – сто? Впрочем, и пятьдесят тысяч – такие фантастические деньги, что их и представить себе нельзя. После родителей у Олега осталась сберкнижка на две тысячи. Огромные деньги! Как кандидат наук он получал в институте триста рублей, включая премию. Но это грязными. А чистыми – чуть больше двухсот шестидесяти.

И Олег решился. Вместе с приятелем Костей, другом еще со школы, они зарегистрировали кооператив, зарегистрировались еще где было нужно, сделали печать и открыли счет в банке. И даже сумели получить кредит.

В общем, через четыре месяца беготни у них уже были две писишки, так назывались персональные компьютеры, PC.

Эти компьютеры они продали своему же институту, расплатились с банком, взяли еще один кредит и закупили уже десять компьютеров.

И пошло. Когда Союз рухнул, у них на двоих было больше миллиона рублей. Из института оба давно ушли и занимались только бизнесом.

Но с падением Союза и здесь произошли изменения. В январе они поставили партию писишек одному институту, а денег не получили. И через неделю не получили, и через месяц. У института, который заказал

им компьютеры, вообще не было денег. Тогда верните машинки. А у нас их уже нет,

Так компаньоны остались не только без своего миллиона, но и с долгом банку. Что делать?

У Ирины была подруга, отец которой работал в милиции. Раньше Олег и подумать не мог бы обратиться за помощью к менту, приспешнику подлой коммунистической власти. Но сейчас выбирать не приходилось. И они отправились в гости.

Петр Сергеевич, отец подруги, сказал, что никакая милиция здесь не поможет, нужно идти к бандитам. Те могут помочь. Хотя и не бесплатно, конечно. Есть у него один человек. Спросить? Спросите, пожалуйста. Петр Сергеевич набрал какой-то номер и сказал, что нужно помочь приятелю его дочери. И повесил трубку.

На следующий день Олег поехал к знакомому Петра Сергеевича. Звали знакомого Юрий. Был он немного грубоват, мат через слово, но сказал, что всё сделает. За два компьютера.

Дороговато, но выбирать не приходилось.

Через три дня директор института-должника сам позвонил Олегу и попросил приехать. Но не в институт, а домой – он нездоров.

Олег приехал и увидел пожилого мужчину с забинтованной головой и огромным, в пол-лица синяком под заплывшим левым глазом. Правый глаз смотрел на Олега испуганно. Всей суммы у нас все равно нет. Есть половина. Пять компьютеров вернем. А остальное пусть Олег с компаньоном возьмут помещениями. Оформим два этажа в аренду на 49 лет. Согласны. Три этажа, ответил Олег. Это же аренда, не собственность. На том и договорились.

Олег лично отвез Юрию две писишки. Расстались друзьями. Если что – звони. Обязательно буду звонить.

На одном из полученных этажей Олег и Костя устроили себе офис. Правда, пришлось сломать две перегородки, но в результате из трех комнат получился

отличный кабинет генерального директора, генеральным был Олег. Еще две перегородки – и у финансового директора, Кости, кабинет вышел не хуже. Есть куда пригласить партнеров на переговоры. Остальные помещения заняли бухгалтерия, торговый отдел и склад. И осталось еще пол-этажа. Эти пол-этажа вместе с двумя другими этажами компаньоны сдали в субаренду.

Чем покупать компьютеры за деньги, гораздо лучше их менять. Скажем – на сталь. И почему именно компьютеры? Их сейчас уже кто только не возит. Есть же и другие товары. Например, телевизоры.

И опять дело не обошлось без Ирининых связей. Ее дядя работал в министерстве тяжелого машиностроения. Дядя свел Олега с начальником цеха металлургического комбината в Череповце. И Олег полетел в Череповец.

Оттуда он вернулся с двумя вагонами проката. Которые немедленно отправил в Литву. А через неделю из Литвы пришла партия компьютеров и партия японских телевизоров. Четыре компьютера Олег отправил в Череповец в оплату за сталь. А двести телевизоров образовали чистую прибыль от операции.

Теперь они решили купить в Череповце не два, а двадцать пять вагонов проката. Но знакомый начальник цеха позвонил и сказал, что с этим договором не получается – возражает начальник управления сбыта.

Компаньоны посовещались, и Олег снова поехал к Юрию. Юрий поморщился – Череповец, чужая территория. Будет стоит дороже. Но пообещал вопрос решить.

Через неделю – звонок из Череповца. Всё уладилось. Как? Начальник управления сбыта слег с инфарктом, а его заместитель завизировал договор без разговоров. Откуда инфаркт? Сердце было больное? Нет, здоровое было сердце. Но с ним случилось несчастье: единственную дочку, она училась в музыкальном училище, изнасиловали. И это еще не самое страшное –

мизинец отрезали. Левый. Вот у отца сердце и не выдержало.

Спал эту ночь Олег плохо. И следующую – тоже. Но на третий день начал успокаиваться. Дел было очень много, не до интеллигентских рефлексий...

Предприятие росло. Нужно было создавать службу безопасности. Первым ее начальником стала жена Юрия. Реально, конечно, за нее работал муж. Впрочем, работы у него было немного. О группе "ОК" (Олег-Константин), а в нее входило уже несколько компаний, разнеслась слава – конфликтов избегать, за ними серьезные люди.

Пока Олег занимался бизнесом, Ирина благоустраивала дом. Сначала Персиянка переехала из двушки в хрущобе в пятикомнатную квартиру на Арбате. Обставила ее Ирина со всей роскошью, какую только можно было достать в Москве в девяносто третьем году.

А потом Ирина купила участок на Рублевском шоссе и стала строить дом. Встречались муж и жена только ночью, в постели. Но постель эта становилась всё холоднее.

Незадолго до нового, девяносто четвертого года, как раз после выборов в думу, секретарша Олега, девятнадцатилетняя красавица Анжела, передала шефу конверт. В конверте было письмо без подписи. О том, что Ирина изменяет Олегу с Костей. Называлось и время очередного свидания. Как раз сегодня, в пять часов. На новой даче, которую Костя только что купил и которую они все вместе обмывали в прошлое воскресенье. Дача эта была небольшим одноэтажным коттеджем, но на огромном, в полгектара, участке и в очень хорошем месте, в Малаховке, по Казанской дороге.

Было без четверти четыре, когда Олег велел шоферу ехать в Малаховку. В половине шестого, уже в полной темноте, они подъехали к Костиной даче. В доме светилось только одно окно. К нему-то Олег и

направился. Штор не было. Перед окном росла береза. Спрятавшись за нее, можно было видеть всё, что происходило в комнате. И Олег увидел.

Ирина и Костя оба были голыми. Костя сидел на диване, а Ирина лежала у Кости на коленях, и он звонко шлепал ее ладонью по попе. Ирина визжала от восторга. Через открытую форточку Олег ясно слышал и костино "Ирин, еще?" и ирино "Еще! Еще! Еще! Сильнее!.." Потом Ирина скатилась на пол и ухватила ртом Костин дик. Потом уселась на дик верхом и поскакала. Потом пила то, что осталось в дике, когда тот, став сморщенным и маленьким, выполз из ее пуси. И наконец, когда Костя устало откинулся на спинку кожаного дивана, уселась на корточках поверх костиного живота и стала писать Косте на грудь. Тут от восторга завизжал уже Костя. И, немного приподнявшись, сам окатил Ирину желтой струей. Ирина расхохоталась и стала ловить струю ртом. Олега чуть не вырвало. После этого любовники из комнаты выбежали. Наверное – в ванну, мыться.

Олег чувствует, как похолодел его живот и как ему самому нужно срочно опорожнить мочевой пузырь. Но здесь нельзя, надо дойти хотя бы до забора.

Два дня Олег думал, как поступить. А на третий день, когда Олег садился в машину, в его левое плечо ударила пуля.

Две недели Олег пролежал в больнице. Ирина приходила к нему каждый день, но ненадолго.

Выйдя из больницы, Олег объявил всем, что уезжает из Москвы по делам. Но не уехал, а поселился в гостинице. И стал искать нужного человека.

Нашел он его через однокурсника из Дагестана. Есть такой человек, сказал дагестанец. Зовут Алихан. Позвони и скажи, что от меня.

Олег встретился с Алиханом в своем номере, и они быстро обо всем договорились. После этого разговора в тот же вечер Олег уехал в Каунас.

Через день на даче Кости случился пожар. Сам Костя, видимо, угорел. Его обугленный труп нашли прямо на кровати.

На похороны компаньона Олег, конечно, прилетел. Но в тот же день улетел снова, в Литве было очень много дел. Ирина на похороны не пошла, мигрень...

А еще через неделю Ирина не вернулась со строительства их дома. Ее нашли в пятидесяти метрах от забора. Голова Ирины была разрублена топором. Сам топор валялся тут же. Бриллиантовые серьги из ушей были вырваны с мясом, палец с изумрудным перстнем отрублен. Как и другой палец, с обручальным кольцом. Кошелька тоже не было.

Олег снова полетел в Москву. На похоронах он был безутешен. Но остаться в Москве и сейчас не смог. Предоставил устройство поминок теще, а сам опять улетел в Каунас. В аэропорту он передал Алихану полиэтиленовый пакет.

После Кости остались мать и сестра. Обе больные и обе беспомощные. Им по наследству должна была перейти доля Кости. Но оказалось, что наследовать нечего: в первый же месяц после гибели Кости Олег перевел все активы на новую компанию, где он был единоличным владельцем. А старая, хотя и продолжала существовать, больше ничем не владела.

Шла приватизация. Упускать время было нельзя. Первое, что купил Олег, были акции института, у которого он снимал свои этажи. Теперь он арендовал их у самого себя.

Потом представился случай получить контрольные пакеты еще двух московских институтов. И – деревообрабатывающего комбината в небольшом городке на Урале. Олег знакомился с чиновниками разных министерств и щедро платил им за помощь.

Но были и другие люди, которые хотели приватизировать то, на что нацелился Олег. Прежде всего – сами работники. А на Урале – так еще и

городские власти. И тогда Олег звонил мужу начальника своей службы безопасности.

Вопросы с работниками московских институтов Юрий решил легко. Олег и не стал узнавать детали: кого там пришлось избить – самих ли конкурентов или их родственников. А заниматься Уралом Юрий отказался. Не могу.

Тогда Олег позвонил Алихану. Они встретились, и Алихан принял заказ. Через неделю в городке, где находился приглянувшийся Олегу комбинат, трагически погиб председатель городского совета, его застрелили, когда он выходил из дома. Больше против передачи Олегу семидесятитрехпроцентного пакета акций деревообрабатывающего комбината в городке никто не возражал. Даже – местные бандиты.

Началась война в Чечне. И однажды за бутылкой дорогого французского коньяка, Хенесси ОХ, двести долларов бутылка, знакомый из комитета имущества рассказал Олегу, что КГБ, который называется теперь ФСБ, нужны мины-игрушки. И что, если Олег готов их поставить, можно организовать контракт на госзакупку. За пять процентов от суммы контракта. А сумма эта – пятьдесят миллионов. Долларов. А почему мы сами не можем такое производить? Всякие договоры со Штатами по взаимному контролю. А это оружие запрещенное.

Олег пообещал ответить завтра.

Спал он плохо. С одной стороны, огромные деньги. С другой – это же дети. Вот сволочи! Одно слово – гебешники. Но – какие деньги! И – ФСБ. Это же будет совсем другой бизнес! И совсем другая жизнь. И он согласился.

Три месяца Олег мотался между Москвой, Панамой, где сидели изготовители подставных компаний, ему понадобилось создать для этой операции три такие компании, Гонконгом и Сингапуром, где он открыл для этих компаний банковские счета, и маленьким островом

в Тихом океане, там находился завод по изготовлению изделий.

Эти труды не пропали даром. Еще через четыре месяца контракт был выполнен: самолет с ценным грузом, облетев чуть ли не половину земного шара, сел на военном аэродроме под Владивостоком. Прибыль от контракта составила восемьдесят пять процентов. Пять из них ушли посредникам.

Заказчику очень понравилась работа Олега. И второй контракт он получил уже на пятьсот миллионов. За те же пять процентов отката.

Поставки по этому контракту растянулись на год. За это время Олег стал в ФСБ своим человеком – то, о чем он и подумать не мог еще каких-то шесть лет назад.

В девяносто шестом году, сразу после президентских выборов, Олег крестился.

Естественно, про сказки о боге он знал еще в детском саду. Но, конечно, советский мальчик, будущий пионер в такие сказки верить не мог. Лучше уж – в бабу-ягу. Или – в деда Мороза. Только старые старухи верят в бога. Вроде бабы Наташи, хозяйки дачи, которую они снимали летом. В углу комнаты бабы Наташи висели иконы и она часто перед ними молилась. Но сколько ей лет, бабе Наташе? Шестьдесят. Что с нее взять.

В институте, правда, один Олегов одногруппник, Женя Васильев, ударился в православие. Но в институте было много духовных искателей: кто увлекался йогой, кто – буддизмом... Вот Женя – православием...

Студентом Олег и сам пробовал читать Библию, взял у Жени. Только она была не на русском, а на церковно-славянском, и понимал ее Олег с пятого на десятое. Может, поэтому Библия и не показалось ему заслуживающей внимания. К тому же, когда он раскрыл Библию в первый раз, у него похолодел низ живота и страшно захотелось в уборную, едва добежал. То же самое произошло, когда Олег попробовал читать Коран.

И тогда Олег впомнил, что это уже было. Однажды, когда он жил с родителями на даче, они с приятелем Вовкой зашли в деревенскую церковь. Просто из любопытства зашли. В церкви никого не было. И они подошли к алтарю. И тут у Олега похолодел живот, и ему так захотелось писать, что он не удержался. Хорошо еще, что он был в одних трусиках. Олег пулей выскочил из церкви, оставив на полу лужу. Вовка ничего не понял, но, увидев лужу, тоже убежал. От греха.

Трусы пришлось сушить на солнце, к счастью день был солнечным, на поле, во ржи.

Когда Олег не вернулся к обеду, его стали искать, спросили Вовку и хохочущий Вовка рассказал маме и бабе Наташе, как Олег специально написал в церкви. Мама не поверила, сказала, он, наверное, описался. А баба Наташа закричала, что какой там описался, парню восемь лет – не годовалый. И что за это мальчишку нужно высечь, как сидорову козу. Она сама нарвала крапивы и сама отнесла маме – твое счастье, ты и секи.

Олег как раз в это время вернулся. Мама потрогала его трусы – сухие. И объявила, что Олега, в самом деле, надо на старости лет выпороть. Так, чтобы сесть не мог. Сама она не будет, а вот завтра из Москвы приедет отец, он и выпорет. И не крапивой никакой, а как полагается – ремнем.

Весь этот и половину следующего дня Олег продрожал от страха. Он представлял, как папа будет его пороть, и чуть не писался снова.

Но потом обошлось. Когда до приезда папы оставалось часа два, Олег обнял маму за шею и сказал, чтоб она понюхала трусы, вчера ему признаваться было стыдно. Мама понюхала, все поняла, поцеловала Олега и о чем-то пошепталась с бабой Наташей. И всё закончилось: баба Наташа тоже кому-то что-то сказала, и про Олега забыли. Разве что иногда он ловил на себе любопытные взгляды.

В общем, в бога Олег никогда не верил. Правда, в перестройку, когда стали печатать тех, чьи имена раньше он только слышал, Олег прочел кое-что Соловьева и кое-что – у Бердяева. И засомневался, такой ли уж мир, в самом деле, материальный. Но залезать в это глубже не стал.

А сейчас – не просто стал, а с головой занырнул в православие. Весь дом, тот, что начала строить Ирина, а он достроил уже после ее смерти, завесил иконами, часами стоял на коленях в церкви. Да и дома ночами – тоже. Правда, ему то и дело приходилось прерывать эти бдения, почему-то молитвы действовали на него, как мочегонное. Но облегчившись, Олег снова становился на колени.

По-видимому, молитвы его были услышаны. А может, дело было не в молитвах, а в тех деньгах, что он пожертвовал на строительство храма Христа Спасителя. В любом случае, Олег успокоился и больше часами перед иконами не простаивал. Ни в церкви, ни дома.

Не до этого было. Настоящая большая приватизация начиналась только сейчас. И снова надо было не упустить своего. Кто не успел, тот опоздал. На кону были и нефтяные месторождения, и урановые рудники, и алмазные прииски – столько всего!

Олег выбрал уран. Добычу и переработку.

Здесь снова оказались и конкуренты, и просто много заинтересованных людей. С которыми надо было решать вопросы. Для этого были нужны уже другие люди, не такие как Юрий и Алихан. Впрочем, Алихана убили еще в девяносто пятом. А Юрия в девяносто седьмом, когда разгромили всю их бандитскую группировку, посадили. Теперь у Олега была совсем другая служба безопасности. Во главе с бывшим генерал-майором КГБ.

А сами вопросы были те же – нейтрализовать возражающих. Пока Олег создавал свой урановый холдинг, таких вопросов ему пришлось решить пять – с председателем городского совета, с директором шахты,

с двумя депутатами областной думы и с одним столичным журналистом-дурачком, не понимающим, на кого он замахнулся. Все эти вопросы Олег решил успешно.

А дома, Олег жил все там же, на Рублевке, только уже не в "Иринином" доме, а в небольшом дворце, окруженном двухгектарным парком и трехметровым забором, рос сын. В девяносто девятом Ваське исполнилось тринадцать.

Учился он дома, под присмотром гувернантки и гувернера, оба в прошлом школьные учителя, гувернантка – гуманитарий, гувернер – математик. Друзей у него не было, откуда им взяться? Олег думал определить сына в частный пансион для детей таких же успешных родителей, но Васька, еще когда ему не было и десяти лет, сам решил, что хочет учиться дома. Тогда-то Олег и нанял ему гувернатку и гувернера, поселив их в доме и поручив приглашать других учителей по Васькиному усмотрению.

Однажды вечером Олег отпустил машину у ворот, а к дому пошел через парк пешком. У окна комнаты сына, вечер был теплый и окно было открыто, он услышал голоса Елены Игоревны, так звали гувернантку, и Василия. И стал свидетелем такой сцены.

Вася просил учительницу снять кофточку. Получив ее, он дал Елене Игоревне сто долларов. А теперь лифчик, Елена Игоревна. Хорошо, какие у вас красивые грудки. Возьмите еще сто. А можно поцеловать? Вот сто за левую. А правую можно? Вот сто за правую. А еще? Возьмите за "еще". А теперь, пожалуйста, снимите юбку. Вот вам за юбку. И трусики. Вот за трусики. Ножки раздвиньте. Вот за ножки. А потрогать можно? Двести? Вот вам двести.

Кончилось это тем, что Васька отдал голой гувернантке остаток пачки стодолларовых купюр, а она расцеловала ему то, что еще не так давно они с Ириной называли пипиской. Маленький Васькин дик стал

подниматься. Гувернантка отвела с дика кожицу, уложила ученика на себя и своей рукой засунула дик в пусю. Васька пару минут поерзал на учительнице, слез и стал одеваться. Не понравилось.

Олег тихо прошел в свой кабинет. На стене там висела та самая Персиянка, а рядом – "Сказка королей" Чюрлениса.

Вечером к нему пришел Васька, папа мне нужны деньги. А где те десять тысяч, которые я дал тебе на прошлой неделе? Сын молчал. Олег поцеловал Ваську, открыл ящик стола и протянул ему нераспечатанную пачку. Хватит? Пока хватит, спасибо, папа.

Через два часа, когда Васька уже спал, Олег вызвал Елену Игоревну. Он положил на стол пять бумажек с портретом Франклина и сказал: "Блузку, лифчик, джинсы, колготки, трусы. Туфли оставьте".

Елена Игоревна багрово покраснела, но быстро сообразила, что сейчас ей надо быть паинькой. Не притрагиваясь к бумажкам, она разделась. Олег поставил ее на четвереньки и заскользил диком по пусе, пока не залил ее всю. Елена Игоревна крутила попой как умела и только попискивала: еще, еще... А когда почувствовала внутри струйку, закричала как бы от оргазма так, что у Олега заболели уши.

Это было то, чего она так давно ждала и на что так давно надеялась. И, когда Олег велел ей принести ремень, она бросилась со всех ног. Принесла, подала и с готовностью растянулась на диване попой кверху.

Порол Елену Игоревну Олег долго и с удовольствием. Но куда больше было удовольствие Елены Игоревны, которая то кричала как бы от боли, то крутила попой, но не делала и малейшей попытки ни закрыться руками, ни как-то иначе облегчить попину участь. Наоборот – только бы получше подставить попу под ремень, только бы Олег порол ее подольше, она потерпит, есть ради чего...

После порки Олегов дик снова вырос, и, поняв, что порка окончена, Елена Игоревна схватила его в рот и стала жадно облизывать.

Так продолжалось до трех ночи, когда Олег отправил Елену Игоревну спать, заставив несмотря на сопротивление, взять двадцать бумажек с Франклином. Елена Игоревна хотела было сделать оскорбленное лицо и отказаться. Но, взглянув на Олега, поняла, что надо слушаться.

После смерти Ирины постоянной женщины у Олега не было. Да, он и сам этого не хотел. Временами заказывал красоток из собственного эскорт-агентства, но это было почти то же, что секс-куклы. Вечер с Еленой Игоревной пробудил в Олеге давно уснувшую природу. И навел на очень странную мысль.

Олег решил сделать богоугодное дело. Начал он его, отправившись к знакомому архиерею. Испросить благословения. Архиерей благословил и обещал всячески помогать. Олег уехал, оставив на память владыке икону пятнадцатого века.

Через три месяца в имении Олега построили еще один дом, длинный и двухэтажный. И олеговы эмиссары отправились по детским домам. Оттуда они слали Олегу видео кандидаток в воспитанницы нового приюта, или, выражаясь светским языком, пансиона. Кандидаткам должно было быть не меньше шести и не больше десяти лет, они должны быть здоровыми и иметь здоровую наследственность. С характером, не слишком испорченным детским домом. Но самое главное – они должны понравиться попечителю приюта-пансиона.

Через полгода двухэтажное здание заселили девятнадцать девочек. Наставницами им были поставлены две тридцатилетние монахини: мать Пелагея – бывшая учительница биологии Полина Семеновна, и мать Евдокия – бывшая учительница химии Татьяна Александровна. Окормлял приют по благословению архиерея отец Михаил, бывший капитан-десантник.

Елена Игоревна преподавала в пансионе гуманитарные дисциплины, а Васькин гувернер, Александр Владимирович – математику.

В первый месяц попечитель навещал воспитанниц не реже раза в неделю, проверить как идет учеба и, вообще, всё ли в порядке.

В четвертое посещение Олег заметил у одной из девочек красные глаза. Что случилось, почему ты плакала? Девочка стояла, не смея открыть рта. Ступай со мной. И Олег отправился в свой кабинет. Здесь на стене тоже висела Персиянка. Ну, что случилось? Девочка продолжала молчать. Раздевайся. Девочка сняла платье. На ее ножках, пониже трусиков были видны две синие полоски. Снимай трусы. Девочка замялась, но послушалась.

На попе девочки не было живого места. Кто тебя наказал? Мать Пелагея, а потом отец Михаил добавлял. За что? Я на обед съела два яблока вместо одного. А как тебя зовут? Алла. Сколько тебе лет? Шесть. Хорошо, одевайся. И скажи матери Пелагее, чтобы зашла ко мне.

Через пять минут вошла мать Пелагея. Вы порете девочек? Конечно. Где? В зале для занятий физкультурой. Покажите, как вы это устроили. Мать Пелагея повела Олега в спортзал и показала гимнастический козел: вот сюда прикрепляем руки, сюда – ноги, а потом порем ремнем, отец Михаил благословил. Сразу, как провинилась, порете? Нет, вечером на следующий день. При всех. И чтоб успела осознать и раскаяться. Сегодня пороть будете? А как же – каждый день порем. Сегодня – четверых. Мать Пелагея поняла, что разноса не будет, и осмелела. А то она уж собралась спустить шкуру с этой мерзавки Аллы, которая вышла к попечителю заплаканной. За что будете пороть? Одна не выучила молитву, одна вместо приказанных ей пятидесяти поклонов положила сорок восемь, думала, я не считаю, а две другие разговаривали ночью. Хорошо, я приду посмотреть.

Без двух минут восемь Олег был в физкультурном зале. Девочки только что закончили вечернюю молитву. Четыре приговоренные с задранными платьицами и спущенными трусами стояли напротив пятнадцати счастливиц. На двух приготовленных к порке попах были видны следы предыдущего ремня.

Мать Пелагея взяла за руку первую преступницу и отвела к козлу. Девочка подпрыгнула и легла на козел животом. Мать Пелагея примотала ее ручки и ноги скотчем к ножкам козла и стала со всего размаха хлестать воспитанницу по попе ремнем. Девочка зашлась криком – "Прости-ите, ма-атушка!". Отсчитав двадцать ударов, мать Пелагея разрезала скотч, поставила первую девочку на колени перед висящей на стене иконой Богородицы, и пошла за второй. Вторую девочку порола мать Евдокия, а мать Пелагея отдыхала. Третью – снова мать Пелагея. А четвертую, старшую – отец Михаил. Порол бывший десантник так сильно, что старшая описалась. И должна была после порки мыть козел.

Попечителя провожали все трое: и монахини, и отец Михаил. Приходите еще и не сомневайтесь: девочки получают настоящее христианское воспитание.

С этого дня, если только он был дома, ровно в восемь часов Олег отправлялся в спортивный зал.

Через неделю, крепко выпоров очередную воспитаницу, Верочку, она получила двойку по русскому языку, отец Михаил увел наказанную к себе для дополнительного внушения. Через пятнадцать минут Олег пошел за ними, чтобы самому, лично передать отцу Михаилу вознаграждение за труды.

Он открыл дверь и увидел, что Верочка стоит перед сидящим отцом Михаилом на коленях, с головой накрытая подрясником, только выпоротая попа видна, и делает что-то, от чего подрясник ходит волнами. Увидев Олега, отец Михаил дернулся было вскочить, но

Олег сделал успокаивающий жест: сидите, сидите, святой отец, продолжайте ваш пастырский труд.

Еще через неделю он так же неожиданно зашел к отцу Михаилу уже без всякого дела. Порка закончилась часа полтора назад. Открыв дверь, никакие двери в приюте, кроме его кабинета, не запирались, Олег обомлел.

Три подрясника валялись на полу рядом с наперсным крестом отца Михаила. На подрясниках лежала голая мать Евдокия. Её задранные ноги обвивали спину, а губы впивались в губы такой же голой матери Пелагеи. Пальцы правой руки матери Евдокии бегали вокруг и внутри распахнутой пуси матери Пелагеи. Мать Пелагея, широко разведя ноги и почти сложившись пополам, полустояла-полулежала над матерью Евдокией, придавив ее крошечные, как у подростка, грудки своей тяжелой, отвислой грудью. А сзади на коленях стоял отец Михаил. Он придерживал руками уже сильно тронутую целюлитом огромную попу матери Пелагеи и энергично водил внутри нее диком. Его золотой с рубинами нательный крестик раскачивался в такт движениям дика.

При появлении Олега отец Михаил резко вытащил дик, и мать Пелагея громко пукнула. У Олега снова похолодел низ живота и ему захотелось в уборную. Но он удержался. Хорошо окормляете, святой отец. И, вообще, мне нравится, что вы так любите друг друга.

Все трое встали перед Олегом на колени: ради Христа, не говорите владыке. Ради Христа, говорите? Хорошо, не скажу. Если будете себя правильно вести. Конечно, будем. Ладно, сейчас проверю. И Олег отвел всю троицу в спортивный зал.

Первой он велел отцу Михаилу уложить на козел мать Евдокию, и мать Пелагея десять раз ударила ее ремнем по узенькой, да еще от страха и сжавшейся попке. Но еще до начала порки, только оказавшись на козле, мать Евдокия разревелась, как маленькая девочка,

и стала просить прощения, обещая, что больше не будет.

Потом настала очередь матери Пелагеи. Эта, наоборот, терпела порку с хохотом. Еще, Танюша, еще, сильнее, сильнее!.. Пришлось Олегу попросить отца Михаила помочь. Тот отхлестал мать Пелагею пряжкой ремня до крови, но она не перестала хохотать: сильнее, Мишенька, сильнее!.. Когда мать Пелагея сползла с козла, тот был весь мокрым, и ей пришлось бежать за полотенцем – вытереть то, чем ее пуся залила козел.

Всю эту сцену Олег заснял и сказал, что будет хранить видео "на всякий случай".

Отца Михаила Олег пороть не стал. Ему он велел стать на четвереньки, спустил свои брюки и трусы и с каким-то странным чувством раздвинул половинки попы попа. Сердце священника замерло, но противиться он не смел. К счастию, всё обошлось – невинность отца Михаила не пострадала. Олег всего лишь окатил его желтой струей под хихиканье монахинь – терпеть больше было невозможно, мочевой пузырь просто лопался.

С этого дня наказаниями: кого, когда и сколько раз – командовал Олег. Иногда он уменьшал число ударов, иногда совсем прощал, а иногда переносил порку: я сегодня занят, Алину будете пороть завтра, и, счастливая, что наказание откладывается, Алина дрожала от страха еще один день. А иногда приказывал выпороть ни чем не согрешившую девочку. Но ведь Даша ничего не сделала. Найдите сами – за что. И монахини находили: за грязь под ногтями, за то, что не так посмотрела, что не так поцеловала образ – мало ли за что можно выпороть приютскую девочку.

Олег приходит на экзекуцию. Сегодня наказывают семилетнюю Светланочку, она написала в кровать. Очень красивая девочка с огромными карими глазами, может, из-за этих глаз ее никто и не называет Светой, а только Светланочкой. И добрая, и умница... Только одна

беда – все время писается, просто наказание. А как ее отучить? Только – ремнём. И трижды в неделю, а иногда и чаще добрые монахини лечат Светланочку от недержания поркой. Хорошенько по попе двадцать раз – пусть знает, что писать в кровать нельзя.

Но сегодня у Светланочки счастливый день. После пятого удара по никогда не успевающей зажить попе Светланочки мать Евдокия слышит властный голос Олега. Достаточно, я сам с ней побеседую. И Олег отводит никак не могущую перестать реветь, но счастливую, что было не двадцать, а только пять, Светланочку к себе в кабинет. Здесь он снимает с наказанной трусики и сажает к себе на колени. Ой, больно! Олег смазывает Светланочке попку специальной мазью.

И бежит к писсуару в примыкающую к кабинету уборную.

Возвращается и достает из холодильника пирожное, свежими пирожными холодильник заполняют каждый день. Потом вся перемазанная кремом, но все еще всхлипывающая Светланочка сидит у него на коленях и слушает, что девочек обязательно надо наказывать по попе. Потом, уже забыв про порку, Светланочка обвивает ручками шею Олега и начинает жаловаться на воспитательниц, всё-всё ему расскажу. Во время рассказа ей становится так себя жалко, что она снова горько плачет. Потом начинает целовать Олега и проситься, чтобы Олег прогнал злых воспитательниц. А лучше – чтоб забрал ее, Светланочку, себе в дочки. Ты не будешь меня пороть? А ты будешь хорошей девочкой? Я буду, буду, буду!

И они начинают играть в лошадку. Светланочка усаживается верхом на смазанный особым кремом дик Олега, а Олег подбрасывает девочку, пока не оденет ее на дик. Сначала – попкой, а потом – и пусей. Кровь из пуси у Светланочки не идет, пленку ей порвали еще в детском доме. Старшие мальчишки.

Через полгода трех девочек из приюта Олег, в самом деле, удочерил. Аллу, ту, которая рассказала ему про порки, самую младшую, а еще Аню и Лиду, обеим по девять лет. Светланочки среди удочеренных не было. Сладкая, но как брать в дом девочку, которая писает в кровать? А качать на дике ее можно и в приюте.

Теперь Олег гораздо меньше времени уделял бизнесу, хорошо отрегулированный бизнес не требовал много времени, и гораздо чаще бывал в дома. Днем его дочки занимались с приходящими учителями под присмотром или Елены Игоревны, или Александра Владимировича. А вечерами играли с новым папой.

Впрочем, сам Олег не столько играл, сколько смотрел, как играют девочки. Правда – часто бегая в уборную, куда его теперь то и дело гонит мочевой пузырь. Странно – пока он не крестился, желание помочиться посещало Олега не чаще, чем других людей. А уж когда открыл приют, с мочевым пузырем вообще что-то невозможное стало твориться. Олег показывался нескольким урологам, но те не находили никакой патологии.

Любимой их игрой была "дочки-матери". Одна девочка, "мама", одевала и раздевала "дочку", умывала и кормила, учила азбуке, ставила в угол, шлепала по попке и сажала на горшок.

Олег садится на диван, усаживает на колени третью дочку, которая не знает как покрепче к папе прижаться, и они смотрят, как "мама" управляется с "дочкой". А те стараются вовсю. Потому что папа ставит им оценки. Хорошо одела маленькую – пятерка, плохо вытерла попку после горшка – тройка, не за что поставила в угол – двойка.

Но сначала папа советуется с дочкой, которая у него на коленях: сколько мы поставим Анюте за то, как она нашлепала Аллочку? Двойку. Почему двойку? А потому что Аллочка совсем не плакала. И на попке у нее ничего не осталось. Разве так шлепают. Можно, покажу, как

надо? Ладно, ладно, потом покажешь. Раз ты так считаешь, ставим двойку. А Аллочке что поставим за то, как она получала по попе? Пятерку. Почему пятерку? Потому что она не спорила, а сразу сняла трусики и подставила попу. И ручками не закрывалась, пока Анюта ее наказывала. Хорошо, ставим Аллочке пятерку.

И так весь вечер: смех, крики, а иногда и "дочкины" слезы, когда "мама" слишком хорошо ее нашлепает. Но папа быстро утешает расплакавшуюся: обнимет, поцелует нашлепанную попу, даст пирожное. И снова бежит в уборную.

Та, у кого оценки оказались выше, получает приз. Право спать с папой. Когда все укладываются, победительница идет в папину комнату, забирается под одеяло и тесно-тесно к папе прижимаеся. А потом начинается главное.

Папа сажает победительницу верхом себе на лицо и начинает зацеловывать всё, что у нее между ножками и между половинками попы. Сла-адко! А потом, когда все зацелованное становится мокрым-премокрым от папиных слюнок и еще от чего-то, папа усаживает победительницу прямо пусей себе на дик. Одевает медленно, чтобы не сделать больно. В первый раз, Анюте все равно было больно, даже кровь из пуси шла. А Лидочке и Аллочке ни капли больно не было, в детском доме и той, и другой пленки порвали в четыре года. Это нормально, такие уж они, эти деткие дома.

А утром счастливая вчерашняя победительница хвастает перед сестричками новой брошкой или бусиками.

Вася тоже заинтересовался папиными играми с новыми сестренками и частенько теперь отрывался вечерами от компьютера, чтобы побыть с выросшей семьей. Ему очень нравится, когда "мама" шлепает "дочку". А еще больше – когда сажает на горшок. Особенно, если "дочка" – Аллочка.

Вася вообще полюбил Аллочку больше других приемных сестер. Когда папы нет дома, он все время берет ее в свою комнату. Играет, учит компьютеру, усаживает на колени, кормит с ложки, и хотя Аллочка прекрасно ест сама, ей это страшно нравится, зацеловывает, когда никто не видит, сам сажает Аллочку на горшок, Аллочка всегда приходит к нему с горшком, и сам вытирает ей после горшка попу и пусю. А Аллочку от Васи вообще не оторвать никакими силами. Если раньше она старалась выиграть у старших сестер главный приз – папу, то теперь наоборот – старается проиграть.

Через два месяца Елена Игоревна доложила Олегу, что Вася с Аллочкой играли в лошадку: голая Аллочка скакала на Васином дике. Елена Игоревна ждала взрыва, но Олег только хмыкнул: "Обормот!".

А на третий день после этого разговора обормот пришел вечером к папе и попросил подарить ему Аллочку. У тебе же все равно столько других. Олег помедлил, но не более полминуты, поцеловал сына и сказал: "Дарю".

В комнату Васи поставили Аллочкину кроватку, а под нее – горшок. Но, конечно, в своей кроватке Аллочка никогда не спит, только – с Васенькой. А вот на горшок просится всё время, на горшок Аллочка готова садиться хоть каждые пятнадцать минут, надо ей или нет. Потому что нет ничего слаще, чем когда Васенька спускает с нее колготки, гладит попку и усаживает. А потом еще, если она не симулировала, специальными ватками вытирает попу и пусю. А если попа грязная, жалко только, что это бывает только раз в день, еще и ведет умываться, и сам всё Аллочке моет и вытирает.

Аллочке, правда, хочется еще одного – чтоб Вася ее нашлепал. Можно и ремешком, она не будет плакать. Аллочка знает, что будет больно, но ей так хочется стать для Васеньки совсем-совсем родненькой-прородненькой. Вот она и просится. Но здесь Вася

неумолим: ударить Аллочку – ни за что! И сколько Аллочка не объясняет, что непослушных девочек надо наказывать по попе, Вася и слушать об этом не хочет. Однажды Аллочка даже попыталась быть плохой девочкой, чтобы Вася ее наказал. Но получилось совсем не так, как она хотела: вместо шлепанья Вася запер ее в ванной. Правда – ненадолго. Как только ключ в замке повернулся, Аллочка заревела так, как никогда не плакала, и когда ее пороли в спортзале: Васенька, прости! А еще через тридцать секунд суровый воспитатель уже зацеловывал подхваченную под так и ненашлепанную попу сестричку, а Аллочка, судорожно обхватив ручками Васину шею, а ножками – всего Васю, одновременно и смеялась, и плакала, остановиться она не могла, и целовала всё, до чего могла дотянуться – нос, рот, глаза, шею, уши...

Олег подумал, не удочерить ли еще одну воспитанницу, но решил, что хватит. Просто стал реже проводить вечера дома, и чаще – в пансионе.

В 2002-м году Олега пригласил давнишний знакомый из ФСБ. Есть возможность получить государственный контракт на строительство пятнадцати могильников для ядерных отходов. Программа строительства уже утверждена, но генподрядчик еще не выбран. И сколько? Знакомый показал пять пальцев.

Как посмотреть программу? Знакомый протянул тоненькую брошюру. Внутри была карта и несколько страниц с техническими данными. Три могильника были рядом с небольшими райцентрами. Но ведь тут люди. Ну, и что? Но ведь радиация вырастет. Мало ли где у нас радиация. Берешь? Сколько у меня времени на решение? Один день.

Этим вечером Олег с дочками не играл. Он заперся в кабинете и думал. Со стены на него смотрела Персиянка, плеер играл первую часть "Лунной сонаты". Когда первая часть кончалась, Олег нажимал на паузу, а через пять минут снова слушал сонату сначала.

Олег, как живых, видел лысых детишек из этих трех райцентров. Не доживающих и до семи лет. Сборы денег на их лечение, дорогое, но бесполезное. Видел их, умирающих от рака тридцатилетними, мам.

Но какая альтернатива? Отказаться – значит, погубить всё. В лучшем случае, перестанут считать своим. В худшем – отнимут бизнес. Пять процентов отката – не много. А программа – на десять лет, занятость мощностей гарантирована. Да, и прибыль сказочная! Олег посмотрел на часы – не поздно ли? Начало одиннадцатого, нормально. И Олег набрал номер знакомого – беру.

Через два года Олег отправил Василия учиться в Англию. В Кембридж. Васька вырос на удивление толковым парнем – сам выбрал университет, сам подготовился к экзаменам. Перед отъездом он заехал попрощаться с бабушкой, Ирининой мамой.

Бабушка давно и тяжело болела. Увидимся ли мы еще, Васенька? Ну, что ты, бабушка, ты нас с папой переживешь. Я хочу, чтобы ты знал: у твоей мамы была любовь с папиным компаньоном, который сгорел в своем доме за неделю до ее убийства. Вася оцепенел: ты думаешь?.. Я ничего не думаю, я хочу, чтоб ты знал.

С этим Вася и отбыл в Англию.

Аллочка, ей исполнилось десять, начала плакать, как только узнала о Кембридже. Неделю до Васиного отъезда она ревела почти непрерывно. А когда машина увезла Васю в аэропорт, забилась совсем в истерике.

Тогда Олег поставил Аллу между коленями и сказал, что если она немедленно не станет хорошей дочкой, то сегодня же отправится жить в пансион. Через минуту Аллочкины глаза высохли и она повисла у папы на шее, папочка, миленький, родненький, я буду хорошей! В эту ночь и всю следующую неделю Алла спала с папой.

Дочки росли. После того, как у старших начались менструации, Олег поставил им спирали. И они продолжали бороться за папину кровать еще два года –

пока им не исполнилось тринадцать. Потом до спирали доросла и Аллочка.

Олег всё чаще ночевал в пансионе. Там уже спасались больше сорока девочек. Старшим было шестнадцать, и их пора было выпускать в самостоятельную жизнь. Но каждый год двум-трем, а иногда и четырем новым малышкам улыбалось счастье оказаться принятыми в числившийся среди лучших в России приют равноапостольной Ольги.

Теперь из кабинета Олега вели уже две двери – одна в туалет, другая в спальню. Где Олег одевал на дик очередную безобразницу, спасенную добрым попечителем от полновесной порки и мечтающую удочериться.

В семнадцать лет Анюта влюбилась. В однокурсника, она только что поступила в университет. И заявила, что хочет жить отдельно. Со своим мальчиком. Олег не стал возражать: отдельно, так отдельно, сколько тебе надо на квартиру? Десять миллионов. Рублей? Долларов. Не много? Мало. И Анюта выставила приемному папе счет: пятьсот миллионов за то, что он четыре года пользовался её пусей. А иначе, ну он сам понимает, что иначе...

Как и тогда с Васькой, Олег обумывал ответ недолго. Хорошо. Какие могут быть счеты между родными людьми. В глазах Анюты сверкнула ненависть: какая я тебе родная. Когда у меня будут деньги? Через десять дней.

Но получить полмиллиарда Анюта не успела. Через три дня и ее, и ее избранника застрелили, когда они выходили из университета. Стреляли из машины. Сгоревшую машину нашли в тот же день. Но больше – никаких следов. Машина эта была угнана пять лет назад.

С другими дочками, как и с воспитанницами приюта, таких проблем не было. Лидочка и Аллочка быстро догадались, что такого папу нужно очень, очень сильно

любить. И ни в коем случае не болтать. Особенно – про стыдное. И тогда папа сделает для них всё.

А выпускницам пансиона назначалась пожизненная пенсия – шестьдесят тысяч долларов в год, чистыми. "Пожизненная" в смысле, пока жив Олег. Плюс квартира, плюс десять лет оплаченного высшего образования в любом университете мира по их выбору. Но, естественно, при полном молчании обо всем, что происходило в приюте. Какие-то слухи, правда, всё равно появлялись, но про кого их нет?

Незадолго до олимпиады старый знакомый из ФСБ, теперь уже генерал-лейтенант, позвонил Олегу и пригласил приехать. А в другом месте поговорить мы не можем? Нет, в другом нельзя. Олег поехал.

Государство заинтересовано в том, чтобы помочь Ирану с обогащением урана. Нужны инженеры-консультанты для постоянной работы там. Но главное – надо передать Ирану небольшую порцию высокообогащенного урана. Небольшую, но достаточную для производства бомбы. Руководство думает поручить это Олегу. За деньгами аятолы не постоят. Согласен? Надо подумать. Думай. До завтра. А сколько? Генерал-лейтенант показал два пальца.

Домой в этот вечер Олег не поехал. Заперся в своем кабинете, включил, как и двенадцать лет назад, "Лунную сонату" и стал думать.

Деньги огромные – миллиарда три, не меньше. Два процента отката – ерунда. Но... Но атомная бомба у религиозных фанатиков. Тем более – у антисемитов...

Однако вскоре мысли Олега приняли другой оборот. Он же станет международным преступником. Изгоем. Из России носа не высунешь. И это в лучшем случае. За такие дела израильтяне могут убить и в России...

Но это если история раскроется. А она раскроется?..

А если отказаться? Отнимут бизнес? Отнимут, это точно. И это еще в лучшем случае...

Ладно, кто не рискует... Утром Олег позвонил генералу и сказал, что согласен.

Еще через шесть лет Олег празднует юбилей. Шестьдесят лет. Подарок от президента – орден "За заслуги перед отечеством" второй степени; третью и четвертую степени Олег получил раньше. Подарок от патриарха – орден святого благоверного царевича Димитрия. За большой вклад в спасительное дело заботы о несчастных детях.

В имение съехались все. Вася с женой прилетел из Лондона, он так и остался в Англии после Кембриджа, там и женился. Аллочка и Лидочка, обе – с мужьями. Лидочка вышла замуж за израильтянина и живет теперь там. Мужа ее зовут Зеев. Это имя такое, не фамилия. Он – офицер, говорит, что летчик. Но Олег в это мало верит.

Присутствует, конечно, и весь пансион-приют – и воспитанницы, и бывшие воспитанницы с мужьями, и постаревшие наставницы – мать Пелагея и мать Евдокия. Приехал и сильно обрюзгший отец Михаил. Сейчас он протоиерей. Елена Игоревна и Александр Владимирович, хотя уже больше десяти лет не живут в имении, тоже здесь.

Прибыл и мэр одного из городков, рядом с которым Олег построил ядерный могильник. С поздравлениями и благодарностью: такое соседство сильно улучшает финансы города. Правда, больных детей прибавилось. Так что приходится думать о строительстве онкологической больницы. Но город надеется, что холдинг им поможет.

Были, естественно, и друзья из ФСБ. И даже из Ирана прилетела делегация. С благодарностью за помощь в строительстве атомной электростанции. Обычный контракт, странно только, почему Зеев смотрит на иранцев так пристально?

Была и еще одна группа гостей. Те, кто пострадали при восхождении Олега. Всех пострадавших, конечно,

собрать было невозможно. Но – хоть тех, с кем он "решал вопросы".

Каждому из этих приглашенных сотрудник Олега, который организовывал юбилей, объявил, что ему назначена пенсия, две тысячи долларов в месяц, которая будет выплачиваться, пока Олег Павлович жив. А на празднике приглашенные получат подарок от юбиляра – два чека: десять тысяч долларов по прибытию и от десяти до сорока тысяч при разъезде, сумма зависит от того, насколько Олегу Павловичу понравится поздравление гостя. Ни один из приглашенных не отказался.

Так здесь оказались и директор института, который когда-то не мог рассчитаться за компьютеры, ему уже за восемьдесят, и сестра Кости, мать Кости давно умерла, и оставшаяся без мизинца, так и не ставшая пианисткой дочь череповецкого начальника, сам начальник тоже давно умер, и дети всех, кто пытался мешать Олегу приватизировать то, что Олег хотел и в конце концов приватизировал. Всего таких гостей набралось двадцать три человека.

Олег принимает поздравления. И ловит в глазах обнимающих и целующих гремучую ненависть. Вот одни такие глаза. Ну, с этой понятно. Вот вторые. С ним тоже ясно. Третьи. Еще. Еще... И здесь нет вопросов. Но откуда эта ненависть у Васьки? Ведь он всю жизнь с сына пылинки сдувает. И Алла, всегда такая нежная, сегодня после фужера шампанского тоже не может спрятать своего чувства. И Лида... Вот, они у них какие, оказывается, чувства... Хотя чему удивляться?..

И ни одного взгляда, где бы светилась любовь. Ну – хоть просто теплота. Ни одного...

Интересно – кто из них меня убьет?

###